

**Этнополитический
и литературно-
художественный
журнал**

Учредитель:
редакция газеты «Литературная Россия»

Главный редактор
Вячеслав ОГРЫЗКО

Заместитель главного редактора
Евгений БОГАЧКОВ

Исполнительный директор
Александр ДОРОФЕЕВ

Редакционный совет:
Еремей АЙПИН (Ханты-Мансийск),
Михаил АНДРЕЕВ (Томск),
Андрей БОРИСОВ (Якутск),
Галина БУТЫРЕВА (Сыктывкар),
Людмила ЕФРЕМОВА (Надым),
Николай КУРИЛОВ (Якутск),
Татьяна МОЛДАНОВА (Ханты-Мансийск),
Анатолий ОМЕЛЬЧУК (Тюмень)
Александр ПИЛЯСОВ (Москва)
Дмитрий ЧЁРНЫЙ (Москва)

Компьютерный набор
Татьяна ЕГОРОВА
Дизайн/Вёрстка
Евгения МОИСЕЕВА

Подписано в печать
30 октября 2016 года.

Журнал зарегистрирован в Комитете РФ
по печати. Свидетельство о регистрации
№ 015849 от 14 марта 1997 года.

Тираж 1200 экз.

Адрес редакции:
127051, Москва,
Цветной бульвар, 32, строение 3.

Телефоны: 8 (495) 694-23-24,
8 (495) 694-03-65,
Факс: 8 (495) 694-50-10

E-mail: litrossia@litrossia.ru

Отпечатано
в ППП «Типография «Наука»,
121099, Москва, Шубинский переулок, 6.
Тел./факс: 8 (495) 554-21-86, 554-25-97,
974-69-76.

Заказ 1830к

СОДЕРЖАНИЕ

- 2** **НАДЕЖДА УМИРАЕТ ПОСЛЕДНЕЙ**
Юрий КОЗЛОВ.
В поисках утраченного пространства
- 12** **СТО ЛЕТ НА КРАЮ ЗЕМЛИ**
Алексей ПОЛУБОТА.
Просоленный нрав заполярной столицы
Стихи о Мурманске
- 19** **РАССКАЗ ВETERАНА**
Вадим КУЛИНЧЕНКО.
Север моего времени
- 21** **ОПТИМИЗМ ПЕССИМИСТА**
Борис САВЧЕНКО.
Колыма – чудная планета или чудная?
- 28** **КРИМИНАЛ**
Вячеслав ОГРЫЗКО.
Неизвестная кража века
- 30** **ИСТОРИЧЕСКИЙ ТРИПТИХ**
Иван МЕДВЕДЕВ.
Робинзоны сурового Шпицбергена.
Призрак моря Лаптевых.
Сто дней штурмана Альбанова
- 38** **РУССКИЕ СУДЬБЫ**
Полина ФАТТАХОВА.
Из Харбина в Магадан
- 42** **ОТКУДА ЕСТЬ ПОШЛИ ВЕПСЫ**
Олег МОШНИКОВ.
На недельку, до второго я уеду в Пикалёво
- 44** **ПРОЗА**
Семён ГУБИЧАН.
Схватка (предисловие Петра ЦЫБУЛЬКИНА)
- 52** **БЬЁМ В НАБАТ**
Ольга ИЖЕНЯКОВА.
Кому выгодно исчезновение манси?
- 56** **ЗЕМЛЯ НАДЕЖДЫ**
Анатолий ОМЕЛЬЧУК.
Христос придёт с Севера.
Каменная книга Анны Неркаги
- 61** **МЫ – ОДИН МИР**
Олег ХИМАНЫЧ.
Свояки
- 68** **БАЙКИ**
Сергей СУЩАНСКИЙ.
Мои друзья – охотники и браконьеры.

Юрий КОЗЛОВ

В поисках утраченного пространства

1. Куда летит стрела?

Мне кажется, что Сибирь – это последнее, что осталось у России. Как в плане природных богатств, так и в плане надежд на будущее. Поэтому высказываемые время от времени (к ним, правда, относятся без должной серьёзности) предложения перенести столицу из Москвы в какой-нибудь крупный сибирский город – Тюмень, Новосибирск, Красноярск или Иркутск – представляются мне весьма правильными, хотя и несколько опоздавшими во времени и пространстве.

Выломанная из СССР, предоставленная сама себе Россия вот уже четверть века теряет пространство и время для определения собственной судьбы. Судьбу народа можно уподобить выпущенной из лука стреле. Она летит в сторону выбранной цели и или достигает, или не достигает её. Устройство лука и натяжение тетивы можно уподобить идеологии. Она обеспечивает дальность и точность полёта стрелы. Советская «стрела» не долетела до цели, упала в первоначальную грязь дикого капитализ-

ма. Российская же «стрела» и вовсе полетела не вверх – к вековечной русской мечте о правде и справедливости, а буром устремилась вниз – к недрам, где нефть, газ и прочие, дарованные Богом богатства. Эти, в основном, находящиеся на территории Сибири богатства, сегодня преобразуются в сказочную жизнь для тех, кто «успел», или кто был назначен ими владеть. Таких счастливых и примкнувшей к ним обслуги – чиновников, адвокатов, силовиков, рекламно-медийных магнатов, топ-менеджеров государственных корпораций, прикормленных «деятелей культуры», умельцев из шоу-бизнеса – как свидетельствует статистика, в стране насчитывается примерно три процента от общего числа граждан. Журнал «Форбс» утверждает, что все богатства России контролируются представителями ста шестидесяти семей. Остальным девяноста семи процентам населения, миллионам прочих семей, то есть тем, кто «опоздал», кого «не назначили», говоря по-простому, всем нам уготовано унылое на грани «прожиточного минимума» существование в условиях перманентного эконо-

номического кризиса. Следует отметить, что природу этого кризиса народ не понимает. Да, цены на нефть и газ скачут, но почему при этом закрываются производства, сокращаются рабочие места, растут цены и тарифы ЖКХ, а зарплаты снижаются?

Нынешнее российское общественно-экономическо-политическое устройство можно сравнить с перевёрнутой пирамидой. Она не может не рухнуть в силу того, что, отнюдь не являясь «солью земли русской», равно как и «умом, честью и совестью нашей эпохи» самозванные «три процента» хотят владеть богатствами страны вечно, а «девяносто семь процентов» всё яснее начинают осознавать, что их жизнь внутри существующего порядка вещей бессмысленна и безнадежна.

Мне вспоминается уникальный дом в Иркутске, на стене которого сохранена фреска со словами Интернационала и суровыми иллюстрациями к нему. Я обратил внимание на молодых, явно родившихся после СССР, юношей и девушек, с интересом и вниманием вчитывавшихся в каменный, казалось бы, давно утративший актуальность, текст. А ещё там же

в Иркутске запомнился рекламный предвыборный щит с хорошо известной людям старших поколений фотографией Ленина. В своё время она вдохновила Маяковского на строки: «Двое в комнате и Ленин фотографией на белой стене». Вождь мирового пролетариата как будто пронизывает взглядом смотрящего на фотографию, заглядывает ему в самую душу. Неплохо был сформулирован на щите и заданный от имени основателя советского государства вопрос: «Ну, как вам живётся при капитализме?»

Каждый, естественно, сам отвечает на этот вопрос, но в целом (об этом свидетельствуют многочисленные опросы социологических служб) народ отвечает: «Могли бы жить и лучше».

Утвердившийся в России «периферийный» капитализм совершенно не учитывает глубинную психологию и трудовую мотивацию нашего народа. В самом деле, разве можно вообразить себе бригаду, работающую с такой же самоотдачей на принадлежащем какому-нибудь офшорному олигарху предприятии, как работала бригада Павки Корчагина на строительстве знаменитой узкоколейки? В русском сознании, наверное, со времени отмены крепостного права и начала промышленной революции вмонтирована ненависть к тем, кто (по Марксу) наживается на чужом труде, одним своим существованием (дворцы, яхты, миллиарды, семья за границей и т.д.) оскорбляет вековые народные представления о справедливости как мере всех вещей. Настоящей ненавистью к капитализму пронизана великая русская литература. О его «свинцовых мерзостях» писали: Толстой, Достоевский, Чехов, Гаршин, Решетников, Успенский, Лесков, Некрасов. Внесли свою лепту и знаменитые

сибирские писатели: Мельников-Печерский, Мамин-Сибиряк, Обручев, другие менее известные литераторы, именуемые в литературных энциклопедиях «областниками». Во второй половине девятнадцатого века в России сложилось настоящее антикапиталистическое, антинигилистическое направление в литературе. Яркими его представителями были такие авторы, как Крестовский, Писемский, Ключников, Авенариус, Маркевич. Они в своих произведениях показывали, как Россия, ментально и экономически не воспринимающая капитализм как хозяйственную систему и либерализм как основу общественных отношений, чахнет от язв капитализма и либерализма. Помимо этого в русском варианте либерализма эти писатели обнаруживали мощнейшую антинациональную направленность. Тогдашняя «прогрессивная интеллигенция» объявила их ретроgrадами, но время показало, что они были правы.

Действительно, русский человек в силу каких-то особенностей своей психологии не хотел (и сейчас не хочет), даже не отдавая себе в этом отчёта, работать на неизвестно откуда появившегося собственника. Не склонен он и уважать допустившее появление подобного собственника государство. Народ постепенно теряет связь с государством и не принадлежащим ему местом работы – заводом, фабрикой, стройкой, лишается профессиональной квалификации, перестаёт видеть смысл в самом процессе труда, превращается в коллективного, живущего случайными заработками и подножным кормом «бомжа». Не склонен русский человек и заниматься торговлей, практически повсеместно уступив это право представителям иных, в основном,

южных национальностей. Те же профессии, где русские были традиционно успешны – преподаватели, учёные, врачи, инженеры – находятся под постоянным гнѐтом коммерческого реформирования. Вынужденная «заточенность» на немедленный финансовый результат вступает в противоречие с нравственными представлениями людей о смысле работы как оказании помощи ближнему и собственном вкладе в некое общее дело, поэтому многие хорошие специалисты уходят из профессии. Если «верхи» уверены, что «деньги решают всё», то для «низов» это далеко не очевидно. «Низы» пока не могут внятно объяснить, чего они хотят, но совершенно точно, то, как мы живѐм сейчас, им не нравится.

В СССР было бесклассовое общество. Предположение югославского коммуниста Милована Джиласа, что функции господствующего класса в СССР приняла на себя партийно-хозяйственная номенклатура, представляется спорным. Во-первых, «номенклатурщики» были ограничены во владении собственностью. Во-вторых, не могли передавать свои должности и, соответственно, доходы по наследству. В-третьих, они сами (особенно в сталинские времена) ходили под законом, точнее беззаконием, то есть могли в любой момент потерять не только пост, но и жизнь.

В постсоветской России классовое общество восстановлено в самой неприглядной и циничной форме. Объектом извлечения средств и преференций стали не только природные богатства страны и построенные в советское время промышленные и энергетические комплексы, но сама государственная служба. Дети высокопоставленных чиновников сплошь

сидят на многомиллионных окладах в государственных корпорациях, пересекают, пугая, не смеющее их задерживать ДПС, на «бентли» и «майбахах» по ночной, а в последнее время уже и по дневной Москве. Да не по проезжей части, а по тротуарам и парковым дорожкам. Зато в законодательных и исполнительных органах власти страны практически не представлено «трудовое сословие» – крестьянство и рабочий класс. Последним представителем пролетариата в Государственной Думе был колоритный коммунист Шандыбин – «доктор рабочих наук», как он себя называл.

Каким бы энергичным, талантливым и умным ни был выходец из «девяноста семи», ему никогда, ни при каких условиях и обстоятельствах не пробиться в заповедные «три процента». Социальные лифты не поднимают вверх талантливых людей из народа, а наоборот опускают вниз, на дно общества. Советская история знает великое множество случаев, когда ребята «от сохи», «от станка», из интерната или детского дома становились министрами, академиками и даже секретарями обкомов. В новейшей российской действительности такое изначально невысказано. Банковские, нефтяные, газовые, торговые и прочие «кормления» в стране отдаются сыновьям «отцов именитых», а теперь уже и внукам. Остальным говорят: «Денег нет, но вы держитесь!». Сбылось пророчество Петра Верховенского из гениального романа Достоевского «Бесы» – «...всякого гения мы потушим в младенчестве».

Сегодня этому гипотетическому «гению» не так-то просто вообще появиться на свет в российской глубинке, где успешно «оптимизируются» роддома и больницы. Не

говоря о том, чтобы получить образование в закрывающихся по всей сельской России школах. Вот почему нынешняя модель социально-экономического устройства, когда богатые с каждым годом становятся богаче, а бедные беднее, когда так называемой «элите» – всё, а остальным – закон, налог и «прожиточный минимум», вряд ли способна вывести нашу страну в «мировые лидеры», как обещают в программных выступлениях государственные люди. Вопрос лишь в том, смирился ли народ с тем, что его время «истекло», что страна и её богатства более ему не принадлежат. Что он, народ – расходный материал для нового мирового порядка, в который (на не собираемых народу условиях) мечтают вписаться те самые «три процента». Или же нас ожидает некий всплеск народной инициативы, стремительное и неожиданное возвращение «девяноста семи процентов» из горестно-сонного состояния «внутреннего исхода», которое писатель и общественный деятель – президент Аксаковского фонда Михаил Чванов сравнивал с исходом из страны лучших русских людей в двадцатые годы прошлого века после поражения белого движения в гражданской войне.

Здесь-то мы и подходим к некоему сакральному значению Сибири для России. Сибирь дарована России, чтобы та не пропала. Чтобы она могла существовать в любых, даже самых неблагоприятных обстоятельствах, длить свою жизнь во времена исторических «пауз», когда пребывающий в социальном и гражданском «смущении» народ думает свою потаённую «думку», сокрытую за занавесом внешнего смирения перед властью и традиционного русского «одобрямс». Зимой сорок первого года сибирские дивизии спасли

Москву. Сибирским хлебом кормилась страна, пока главные житницы СССР были под немцами. Сегодня сибирские нефть, газ, лес, алмазы и другие природные ископаемые наполняют российский бюджет, позволяя власти обеспечивать обязательные социальные выплаты, а народу сводить концы с концами.

Кажущаяся прочность существующего порядка во многом иллюзорна. Запретельные рейтинги первого лица свидетельствуют о приближении общества к критической точке, которую оно хочет всеми силами от себя отодвинуть. Это тоже особенность нашего народа – прятаться за безоглядную веру, как за последний барьер перед решением, которое невозможно, но так хочется отсрочить.

2. Народная геополитика

Можно, конечно, возразить, а как же Крым? Увы, по прошествии времени стало ясно, что страна приросла территориально, но не идейно. Всколыхнувшая было сердца идея «Русского мира» так и не получила развития, споткнулась на Донбассе, ушла, как вода в песок, в дипломатические словопрения, в череду неясных договорённостей, где позицию России представляли Зурабов, Сурков, Грызлов и прочие, хранящие «тайну переписки» чиновники, не проявившие себя, скажем так, на патриотической ниве.

Оставаясь внутренне – законсервировано – советским (а как ещё можно было противостоять навязываемому «украинству?»), народ Крыма полагал, что и в России ещё до конца не изжито советское прошлое. Но это оказалось не так. Полуостров русской воинской славы не стал «свечой зажигания» для запуска

новых смыслов в обретенной Родине. А сейчас и вовсе некоторые ответственные товарищи заговорили о том, что Крым для России «неподъемная ноша», не худо бы каким-нибудь образом её облегчить. Если за объединение с Россией на референдуме проголосовало чуть ли не сто процентов крымчан, то на последних по времени выборах в Государственную Думу явка составила немногим более пятидесяти процентов. Это очень тревожный симптом.

Страна в очередной раз упёрлась в неразрешимый во все времена для власти «русский вопрос».

Есть некая злая мистика во всём, что касается этого вопроса, а точнее, жизни и судеб русских людей. Можно вспомнить результаты русско-турецких войн девятнадцатого века, когда дипломаты бездарно проигрывали то, что ценой беспримерных подвигов и солдатских жизней добивалась русская армия. Или странную недееспособность русских патриотов в феврале и октябре тысяча девятьсот семнадцатого, когда революционные матросы под весёлую песню: «Была Россия царская, а стала пролетарская» отправляли «в штаб к Духонину» (так тогда именовался расстрел без суда и следствия) своих командиров, а потом и прочих не понравившихся им граждан. Как получилось, что русский народ, отказавшись от своей национальной сущности, увлёкся идеей мировой революции, решил воевать не за собственную – с Германией и Австро-Венгрией – Родину, а «чтоб землю в Гренаде крестьянам отдать»? Почему «народ-богоносец» взялся громить церкви, плевать в иконы, душить «буржуев, офицеров и профессоров», свирепо реветь «Интернационал», слова которого до сих пор украшают стену одного из домов в Иркутске?

Революционное неистовство обернулось для России обрушением цены человеческой жизни. Она, эта жизнь, ничего не стоила ни в гражданскую войну, ни в двадцатых и тридцатых годах. Немного стоила она и во времена Великой Отечественной войны, когда Сталин решил, что миллионы оказавшихся в плену советских солдат – предатели, и, следовательно, можно не интересоваться их судьбой. Судьбой немногих выживших в нацистских лагерях военнопленных, равно как и судьбой русских эмигрантов, не являвшихся гражданами СССР, но оказавшихся на занятых его армией территориях, советская власть деятельно заинтересовалась позже, когда пришла пора репатриировать их на Родину, точнее в «родные» тюрьмы и лагеря. Да, в годы войны власть вспомнила о патриотизме и жертвенном величии русского народа. Сталин произнёс по этому поводу знаменитый (лично мне, впрочем, он кажется издевательским) тост. Но уже в сорок шестом году начался «откат» от патриотизма, обернувшийся тремя годами позже «ленинградским делом», когда были расстреляны и репрессированы несколько тысяч русских по своей этнической принадлежности руководителей разного – от ЦК до райкомов – уровня. Никким образом не содействовала укреплению в обществе патриотизма и развернувшаяся в начале пятидесятых годов кампания против «безродных космополитов».

Любая общественная инициатива, как в императорской, так и в советской, а сейчас и в постсоветской России непременно строго проверяется, можно сказать, «кастрируется» на предмет возможного «национализма». Сталин, к примеру, обнаружил «национализм» в Сибири, когда посетил её в двадцать девятом году. «На-

ционализм» заключался в том, что крестьяне отказывались продавать за бесценок государству хлеб, а самый наглый «националист» заявил: «А ты спляши, рябой, тогда, глядишь, я и насыплю тебе мешок хлебушка». Вернувшись из этой поездки, Сталин принял решение о сплошной коллективизации, взялся ломать через колено хребет крестьянской России, ликвидировать кулачество как класс.

Это удивительно, но во все времена «русская тема» почему-то является неудобной и какой-то неприятной для власти. Ни один, начиная с Ленина, руководитель не обозначил чётко и последовательно своё к ней отношение. Хотя, нет, Ленин считал «великодержавный русский национализм» главным врагом революции и призвал беспощадно с ним бороться. Сталин был прагматиком, использовал русский патриотизм сугубо технологично, а потому одни исследователи считают его выдающимся русским националистом, другие же – величайшим ненавистником русского народа, с сатанинской яростью истреблявшим лучших его представителей. Хрущёв, как бывший троцкист, ополчился на православие, видимо проницательно разглядев в нём уже религиозную разновидность национализма. Он закрыл тысячи храмов по всей России, обещал народу показать через несколько лет по телевизору «последнего попа». Брежнев, бывший (по паспорту) то украинцем, то русским, отличился полнейшей индифферентностью к этой теме. Зато сменивший его Андропов, в бытность председателем КГБ охотно отпускавший за границу диссидентов, решительно боролся с так называемыми «русистами», засевшими в журналах «Молодая гвардия»,

«Человек и закон», а также в Обществе охраны памятников старины. Став Генеральным секретарём ЦК КПСС, он, правда, переключился на укрепление трудовой и прочей дисциплины, видимо, желая «подтянуть» русский народ уже не столько идеологически, сколько административно. Черненко, помнится, разрешил писать слово «Родина» с большой буквы и снял наложенный Андроповым запрет на обязательную замену слова «русский» на «советский». Я сам был свидетелем, как две симпатичные редакторши в крупном столичном издательстве долго размышляли, как бы поправить в тексте народной сказки фразу: «Старуха вытащила ухватом горшок из русской печи». По тогдашним негласным правилам фраза должна была звучать так: «Старуха вытащила ухватом горшок из советской печи». Но редакторши понимали, что их засмеют, и, в конце концов, остановились на варианте: «Старуха вытащила ухватом горшок из ободранной печи». Смысловая близость двух этих определений была очевидна. Горбачёв и Ельцин управляли страной, не изнурая себя размышлениями об особенностях русского народа, о том, какие реформы он примет и поддержит, а какие (в силу своей душевной организации и исторического, точнее генетического опыта) отвергнет, даже внешне с ними смирившись.

Спору нет, с одной стороны любые изменения курса государственного корабля в направлении здравого смысла и социальной справедливости (ведь именно этого алчут трудящиеся массы) благотворны. С другой – вековой опыт России свидетельствует, что большинство судьбоносных экономических и политических реформ в ней оборачива-

лись, мягко говоря, большим дискомфортом для народа, приводили к последствиям совершенно неожиданным для реформаторов. Можно вспомнить убийство народовольцами «царя-освободителя» Александра Второго. Или установление иностранного контроля над российской промышленностью, невиданные финансовые спекуляции на биржах после введения графом Витте свободного обращения золотого рубля. Или – применительно к современности – реформы девяностых, результатом которых стал «откат» страны практически по всем (за исключением числа миллиардеров) экономическим показателям, а также «ползучий» отказ государства от большинства социальных обязательств перед населением.

Особняком в ряду реформ стоит «сталинские» – индустриализация и коллективизация. На одной чаше весов – невиданный трудовой энтузиазм (Магнитка, Днепрогэс, Кузбасс, сотни построенных заводов и фабрик). На другой – безмерные страдания ликвидированного, как класс, крестьянства, голод и репрессии. О цене этих реформ до сих пор ведутся споры, но, думается, она за пределами любых научных (экономических и политологических) аргументов. Повторение такого рода реформ возможно только в исключительных исторических обстоятельствах и при совершенно ином психоэмоциональном состоянии власти и общества.

В сложившейся ситуации очень важно не повторить прежних ошибок. В истории России ведь были и примеры удачных реформ. Например, Столыпина. Можно сколько угодно идеализировать крестьянскую общину, но во многом благодаря реформе Столыпина Сибирь, в отличие от Украины, центральной России и Поволжья,

смогла избежать страшного голода тридцатых годов.

Правильно говорят, что реформы диктует жизнь. Но любая реформа может принести пользу только в том случае, если она опирается на вековые представления народа о жизни, если она доступна его пониманию и не вызывает нравственного и психологического отторжения. Реформы девяностых годов, плоды которых мы до сих пор пожинаем, активизировали худшие черты народа: жадность, вороватость, страсть к разбою и грабежу, анархии и обману. Вместо свободной конкуренции мы получили олигархический беспредел. Вместо социальной справедливости – бюрократический произвол и повсеместную коррупцию. Сейчас народ в массе своей прозрел, осознал, в том числе и собственные, ошибки. На невидимой повестке дня стоит вопрос о возвращении нагло украденной народной собственности, наказании проводивших «приватизацию» воров и мерзавцев. Но власть предпочитает этого как бы не замечать, рассуждать о некоем общенациональном консенсусе, всеобщем примирении. Договорились до того, что «примиряться» должны «красные», «белые» и... «ельцинские». То есть, палачи, жертвы, грабители и ограбленные. Пока что история не знает случаев подобного примирения.

Если изменения в экономической политике опираются на лучшие, в первую очередь это касается уважения к человеческому достоинству и социальной справедливости, представления народа, у этого курса есть шанс на успех. Иначе любые, даже с научной точки зрения абсолютно логичные и необходимые реформы заработают в обратном от поставленных целей направлении. Экономика

точно так же, как и идеология, не может существовать отдельно от народа. Она сильна, когда народ в ней, как «рыба в воде», а не как бессловесное приложение к собственности олигархов. В противном случае нам останется утешаться словами известного исторического персонажа фельдмаршала Миниха. Он высказался в том духе, что Россия – это страна напрямую управляемая Господом Богом, иначе объяснить существование такой страны попросту невозможно.

Вот почему правильно (без пафоса, но исходя из бесспорных исторических реалий) сформулированная высшим руководством страны и законодательно закреплённая позиция, разъясняющая место, роль и сегодняшнее положение русского народа в государстве, могла бы явиться тем «краеугольным камнем», с которого началось бы постепенное формирование нового, отвечающего национальным традициям и предпочтениям общественного уклада. Такого уклада, когда во главу угла ставились бы не сиюминутные тактические, а долгоиграющие, стратегиче-

ские, главное же, понятные народу задачи и цели.

Россия и по сию пору, потеряв некогда союзные республики, остаётся самым большим государством в мире. Пространство удлиняет мысль, делает её бесконечной. Русская философия – это философия вечной жизни и космического пространства. Если основа западной философии – Ницше, Шопенгауэра, Шпенглера, Кьеркегора, Хайдеггера, Бубера – энтропия, смерть как конечная точка бытия (в редких случаях смена сущности через насилие), то русский философ Фёдоров определил «общее дело» как воскрешение всех умерших, преодоление человеческой цивилизацией земного притяжения, свободную и счастливую жизнь на просторах Вселенной. Можно воспринимать это как наивную сказку. Но ведь был полёт Гагарина, и была всенародная, какую не обеспечить никакими «оргмероприятиями», радость по этому поводу. Это был порыв к некоему надмирному идеалу поверх сиюминутного существования «здесь и сейчас». Его

трудно сформулировать словами, но тогда он, «заархивированный» в «коллективном бессознательном» народа, вырвался наружу. Вот почему не приживается в России, несмотря на старания правящей «элиты», идея потребления как смысла существования. Потребление, как и человеческая жизнь, конечно во времени. Русскому же сознанию всегда были тесны рамки одной-единственной жизни. Русский народ не может полноценно существовать, если у него нет ОБЩЕГО ДЕЛА, и если он не видит за горизонтом собственного существования ВЕЛИКОЙ ЦЕЛИ, сообщающей СМЫСЛ его ЖИЗНИ. Русский путь – это вечное движение, пусть даже к неведомой цели. Так русские первопроходцы осваивали Сибирь, Аляску и Калифорнию. Так казаки плыли по бесконечному Амуру навстречу солнцу, справедливо полагая, что один лишь Господь Бог «знает наш предел».

Трудно предсказать, чем обернётся для России нынешняя геополитическая и идеологическая «пауза». Исторический опыт свидетельствует, что когда она чрезмерно затягивается, когда верхи «не могут», но «хотят», а низы «не хотят», но «терпят», пауза прерывается революцией. У русской революции, как у чемодана контрабандиста, двойное дно. Первое – очевидное и относительно бескровное. Так в феврале семнадцатого года покончили (национальный консенсус) с самодержавием, защищать которое отказались не только потребовавшие отречения генералы и думские депутаты, но и ближайшие родственники императора Николая Второго. Второе – поистине бездонное, поднимающее страну на дыбы. Это уже октябрь семнадцатого. Есть и другой –

тоже по-своему революционный, но в негативном смысле, как в 1991-м году, вариант. Началось всё вроде бы с правильных и хороших, главное, мирных лозунгов – больше демократии, гласности, экономической самостоятельности и гражданских свобод. Закончилось же распадом, ураганным разграблением страны, разрушением промышленности и сельского хозяйства, как если бы СССР потерпел жестокое поражение в войне и выплатил (кому?) невиданную в истории человечества (некоторые экономисты оценивают её в несколько триллионов долларов) контрибуцию.

Лично у меня нет никаких сомнений, что не случись Октябрь, результат Февраля был бы точно такой же, как в 1991-м году. Есть у меня и объяснение для метафизической революционной «ловушки», куда снова, спустя сто лет, рискует угудить Россия. Народ, переживший многовековое подавление своего национально-патриотического чувства, потерявший веру в себя, отучившийся брать ответственность за организацию повседневной жизни в собственной стране, интуитивно ищет выход своей обруганной и подавленной национальной энергии в крайностях, в альтернативных вариантах существования, таких как старообрядчество, мировая революция, военный коммунизм, православный социализм и так далее. А силы в нашем народе заключены немереные. Достаточно вспомнить Великую Отечественную войну, когда, внезапно осознав себя русскими патриотами, строители Днепрогэса и Магнитки, «сталинские соколы» и «двадцатипятипятитысячники» вместе с потомками лишенцев, кулаков, нетрудовых элементов и прочих обиженных революцией «прослоек» растёрли в пыль самую

мощную и технически оснащённую армию тогдашнего мира. И ведь есть, есть ключ к отворению этой народной энергии, направлению её в созидательное русло. Но нет у властей предрержащих воли рискнуть, честно назвать вещи своими именами. Хотя, казалось бы, так просто признать, что эксперимент не удался, страна не может развиваться в условиях государственно-олигархического капитализма и перманентного разворовывания бюджетных средств теми, «кто должен их стеречь», то есть чиновниками, губернаторами и «борцами с коррупцией», у которых дома обнаруживаются тонны денег. Что народ опустил руки и не хочет работать, потому что ему не нравится капитализм. Что ещё несколько лет такой, как сейчас, национальной и миграционной политики, и место русских, не только в банках, корпорациях, прокуратуре и прочих хлебных местах, не только на заводах, стройках и рынках, а вообще везде и всюду займут представители других народов, уже сейчас активно осваивающих пустующие просторы вымирающей России.

Существует в этой ненормальной ситуации и ещё одна «скрытая угроза». Понятно, что наш «истеблишмент», хранящий деньги в западных банках, отправивший туда детей и прикупивший там недвижимость, крайне не заинтересован в конфликте между Западом и Россией. Но есть неподвластная желанию людей логика, заставляющая разные страны вести политику, казалось бы, вопреки интересам своих «элит». Словно какая-то незримая, сокрытая в глубине истории и психологии народа сила ведёт страну по невидимым рельсам... куда? Туда, куда (спроси любого) никто не хочет. Нечто схожее происходит сейчас с Россией. Душой, имуществом,

банковскими активами наша «элита» там, на Западе. Но народ здесь, в России. И то, что происходит здесь, ему до того отвратительно и чуждо, что подсознательно он относится к возможной войне, как к событию, которое может изменить его жизнь, сломать существующий порядок вещей. А пропади всё пропадом, хуже один хрен не будет! – примерно так, не отдавая себе в этом отчёта, рассуждает народ, которому после приватизации, уничтожения бесплатного здравоохранения и образования, пенсионной и прочих социальных «реформ» воистину нечего терять. И эта невысказанная глубинная воля, как невидимая подземная река, ломает сопротивление «элиты», определяет внешнюю политику государства. Отчасти это следствие глубочайшей дезориентации народа во времени и пространстве. Когда не знаешь, что делать – соверши подвиг, учили древнегреческие философы.

Россия в очередной раз оказалась в лесу из «трёх сосен»: заговора «элиты», революции и войны.

3. Сибирь как ОБЩЕЕ ДЕЛО

За годы журналистской юности я проехал её всю с запада на восток и с севера на юг. Сибирь сыграла в моей жизни огромную роль – дала ощущение страны и народа, приобщила к ОБЩЕМУ ДЕЛУ, без которого скучно жить русской душе. Сибирь – это не территория, это целый мир, уникальная цивилизация, где русский человек на практике реализовал свои представления о том, как надо жить.

Читая огромный очерк о Сибири в двадцать девятом томе дореволюционного (1899 года) Энциклопедического словаря «Брокгауз

и Ефрон», я удивился либеральным и, скажем так, непатриотичным взглядам авторов на историю этой важнейшей и богатейшей части Российской империи. Большинство цитат известных людей о Сибири там носят крайне негативный характер. К примеру, знаменитый реформатор Сперанский, оказавшийся в Сибири в двадцатых годах девятнадцатого века, писал, что не встретил на её необозримых просторах ни одного образованного человека. С каким-то мазохистским удовольствием далее в словаре повествовалось о запредельном мздоимстве и произволе сибирских чиновников, о кровавых бесчинствах «варнаков» и беглых каторжан.

Тем не менее, в «Брокгаузе и Ефроне» неохотно признаётся, что в Сибири никогда не было крепостного права. Что люди на её необозримых просторах жили свободно и в экономическом смысле самодостаточно. Более того, именно в Сибири активно развивалось местное самоуправление, то есть народ хотел и умел решать любые организационные вопросы своими силами, без неизбежной, как в советские годы, да и сейчас, регламентации «сверху».

Вообще, внимательно знакомясь с документами и общественно-политическим дискурсом тех лет, невольно приходишь к выводу, что «элита» императорской России изрядно тяготилась территориями, которые осваивал и присоединял к государству русский народ. Странная и необъяснимая уступка Аляски Северо-Американским соединённым штатам (так тогда назывались США) во времена царя-реформатора Александра Второго выглядит при таком раскладе вполне логичной. Широкий русский человек, писал, имея в виду духовный

склад народа, Достоевский, не худо бы его и сузить. Российская «элита», руководствуясь экономической и политической целесообразностью (главным принципом всех без исключения либеральных реформ), на практике «сужала» пространство, поднесённое ей «на блюдечке» русским народом. Подобные настроения, кстати, весьма сильны и в нынешней российской либеральной «элите», рассуждающей о территориальной трансформации страны, которая должна, по их мнению, начаться с отделения Северного Кавказа, Калининградской области, Карелии и Дальнего Востока, ну, а далее – везде.

Во второй половине семидесятых годов прошлого века (звучит пугающе, как в другой жизни!) я, отслужив срочную в войсках ПВО на Чукотке, работал корреспондентом в отделе публицистики популярного в те годы молодёжного журнала «Юность». Это был журнал либеральной интеллигенции, смягчённая и адаптированная для молодого читателя версия «Нового мира». Сам «Новый мир», правда, был к тому времени «переформатирован» в идеологически стерильный, советский литературный ежемесячник.

«Юность» с начала семидесятых шефствовала над Всесоюзной комсомольско-молодёжной стройкой железной дороги «Тюмень-Сургут». Потом рельсы пошли дальше в Когалым, Уренгой, Новый Уренгой. Появилась даже станция под названием «Юность комсомольская». Помнится, я оказался на ней летом. Меня поразил абсолютно законченный – с перроном, семафорами, стрелками, вспомогательными службами и постройками вид станции и – полное безлюдье вокруг. Это была станция «на вырост». И действительно,

когда я снова попал туда через какое-то время, вокруг станции уже кипела жизнь, ударными темпами возводился коттеджный посёлок с прямыми улицами и центральной площадью.

Как я уже говорил, «Юность» была журналом отнюдь не «почвенническим». На её страницах печатались творцы «исповедальной прозы» – Аксёнов, Гладылин, Кузнецов, поэты Евтушенко, Вознесенский, Окуджава. Многие авторы журнала впоследствии стали диссидентами, эмигрантами. Потом – «прорабами перестройки».

Перестройка положила конец советскому сибирскому проекту. Но его мощь, его (термин Солженицына) *разбег* были таковы, что до сих пор Россия живёт уренгойским газом и тюменской нефтью. Освоение Сибири было поистине ОБЩИМ ДЕЛОМ всего советского народа.

В семидесятые годы даже такой «с фигой в кармане» журнал, как «Юность» реально участвовал в этом общенародном проекте. Участие заключалось не только в публикации статей и репортажей, но и в хлопотах перед министерствами по нуждам стройки, целенаправленном «вывозе» в Сибирь журналистов и писательских «бригад», встречах с читателями, на которых рассказывалось о том, как осваивается Сибирь, какие материальные и карьерные перспективы открываются перед теми, кто поедет туда работать.

Я помню, как главный редактор «Юности», живой классик советской литературы Борис Полевой без шапки на сорокаградусном морозе обнимался на церемонии закладки очередного «золотого звена» или вколачивании «серебряного костыля» с начальником строительства железной дороги «Тюмень – Сургут – Уренгой» Дмитрием Коротчаевым. Они, не чинясь

и не разбавляя, «приняли» с работягами «питьевого», как тогда писали на бутылках, спирта и закусили снегом. Это были разные люди, но их объединяло героическое прошлое страны – война (оба были на фронте) и дело, которым они занимались сегодня.

Отдел поэзии в «Юности» возглавлял поэт Натан Злотников. Он был евреем и либералом, знался, хоть и числился редакционным парторгом, с диссидентами и «отказниками», печатал в журнале стихи Варлама Шаламова, которые никто больше не хотел печатать. Но даже он никогда не отказывался лететь в Тюмень, Сургут или Нижневартовск, читать стихи собравшимся в домах культуры, а то и просто в бытовках или на стройплощадке строителям. Причём, выступал всегда искренне, с чувством, и народ в телогрейках и валенках чувствовал это, аплодировал его стихам.

Системно же занимались «шефством» над Западной Сибирью в «Юности» два замечательных журналиста – Алексей Фролов и Марк Григорьев. Сейчас их уже нет. Фролов умер несколько лет назад, а Григорьев погиб в начале девяностых во время знаменитого пожара в Ленинграде в гостинице «Балтика». Он был автором первой большой публикации о поджоге в Смольном, который будто бы устроил тогдашний помощник Собчака Юрий Шутов. От журнала «Огонёк» Марк снова поехал в Ленинград, чтобы продолжить журналистское расследование и трагически погиб в огне. На гражданской панихиде собрался весь цвет тогдашней российской журналистики. Одни не верили, что его смерть – это несчастный случай, другие видели роковую предопределённость в том, что человек, писавший о пожаре для журнала «Огонёк» сам сгорел в огне. Сейчас уже нет ни Собчака,

ни Шутова, да и кто помнит про тот пожар?

Алексей Фролов написал книгу «Человек и дорога», где высказал две пророческих мысли. Первая – что будущее России – это Сибирь. Вторая – что этого будущего не будет, если даст слабину «человеческий материал», если и дальше то, чего хочет, к чему стремится народ и то, как управляют государством, какой пример подадут народу «верхи» будет расходиться подобно неправильно проложенным рельсам. Он осторожно, чтобы не привлечь внимание цензуры, намекал, что «картонная», лозунговая пропаганда уже не работает, что советскому обществу нужны новые идеи и смыслы. Надо ли продолжать тратить огромные средства на поддержку дружественных зарубежным стран и национально-освободительных движений, в то время как не хватает средств на освоение Сибири, когда большая часть России не газифицирована, а по весне и осени почти все сельские дороги в стране становятся непроезжими. Он полагал, что колоссальные природные богатства Сибири дают СССР уникальный шанс на создание своего собственного альтернативного капитализму проекта. Надо только правильно распорядиться этими богатствами, а именно обратить их на пользу народа, сделать жизнь советских людей такой, чтобы весь мир им завидовал. Они это заслужили. Такая, обращённая на нужды страны и народа экономическая политика, а не бескорыстная (и, как выяснилось, безвозмездная) помощь странам Азии и Африки, могла бы вдохнуть жизнь в «развитой социализм», дать простор и энергию народной инициативе.

Не менее по тем временам острую и интересную книгу под названием «Юность Комсомольская» выпустил

и Марк Григорьев. В ней он коснулся межнациональных отношений на комсомольско-молодёжной стройке. Эта проблема советской властью усиленно загонялась «вглубь», но Григорьев уже тогда отмечал разницу в отношении к природе, сибирской среде обитания у молодых людей из различных республик СССР. Да, интернациональная дружба была крепка, но уже тогда ощущались попытки победительно-потребительского, с привнесением моментов физического и психологического доминирования над русскими и – особенно – над представителями коренных сибирских национальностей со стороны «братьев» из Грузии, Азербайджана и Северного Кавказа. Марк Григорьев отмечал повышенную социальную мобильность молодёжи с Юга, выражал опасение, что закрепившись в Сибири, представители этих народов перейдут от трудовых к иным, более привычным для них – паразитарным – формам социальной организации. Журналист объяснял, что из советского общества ушла объединяющая идея, что кажущееся несокрушимым единство страны держится на очевидном перераспределении средств и природных богатств от России к национальным республикам. Он резко выступал против проекта поворота сибирских рек в Среднюю Азию, справедливо полагая, что столь масштабное вторжение в природу обязательно приведёт страну к катастрофе. Фролов и Григорьев даже подготовили аналитическую записку в ЦК ВЛКСМ, где предостерегали против намечающейся кампании по пропаганде проекта «Повернём реки вспять!».

Губительный для Сибири проект, действительно, положили под сукно, но исключительно потому, что с началом

афганской войны у государства не стало необходимых для его осуществления средств.

Социализм в его советском варианте, как любая общественная социально-экономическая система, пережил ряд трансформаций, приведя СССР в конечном итоге (история всегда судит по результату, а не по неосуществлённым планам и намерениям) к полномасштабной государственной катастрофе. Политологи часто рассуждают о том, что главными государственными секретами в той или иной стране являются отнюдь не научные, военные и прочие технологии (хотя, и они тоже), но сам механизм действия власти, обеспечивающий нормальное функционирование общества. Этот механизм должен удерживать общество в состоянии равновесия, способствовать поддержанию оптимального баланса между различными социальными группами, то есть, грубо говоря, наполнять не столь уж длинную человеческую жизнь смыслом и видимыми перспективами. Если власть справляется с этой задачей, государство достаточно успешно решает стоящие перед ним экономические и социальные задачи, общество развивается динамично. Процент «лишних», не находящих себе применения людей в нём низок. Если нет – всё происходит с точностью до наоборот.

Социализм возник как народное восстание против вековой несправедливости. Иначе советская власть так быстро и практически повсеместно не утвердилась бы в России. Об этом можно прочесть в мемуарах Керенского, который уже через несколько дней после октябрьского переворота везде, где бы он ни оказался в поисках верных Временному правительству воинских частей, обнаруживал советы рабочих, солдатских и про-

чих депутатов, перепоясанных пулемётными лентами революционных матросов, а также неприкрытую враждебность со стороны простого народа. «Воцарившегося Хама», так он писал. Пройдя через ряд кровавых – сталинских – трансформаций, через величайшее напряжение сил – победу в Великой Отечественной войне – социализм вышел на пик своего развития в начале шестидесятых годов. Стратегический паритет с США, полёт Гагарина, беспрецедентный экономический рост, строительство жилья для народа, освоение целины, лучшие в мире системы образования и здравоохранения – это была «лебединая песня» социализма. Народ, пострадавший в годы постоянных репрессий и войны, искренне поверил в «очеловечивание» власти, был готов к созидательному во благо всей страны труду. Сколько талантливых учёных, режиссёров, архитекторов, писателей, инженеров появилось в то время. Но власть не сумела должным образом распорядиться народной инициативой. Расстрел рабочих в Новочеркасске, крах сельского хозяйства, отказ от любой модернизации, идеологический зажим, предельная бюрократизация повседневной жизни отвратили народ от власти, а следовательно и от социализма. Страну стали олицетворять едва стоящие на ногах члены Политбюро, одним своим видом демонстрирующие ветхость и предельную изношенность советского режима. Кстати, после распада СССР несколькими научно-исследовательским центрами в Китае было поручено проанализировать и указать его причины. Одной из главных причин китайские обществоведы назвали нарушение преемственности поколений в управлении

страной. Катастрофа СССР, по их мнению, объяснялась, во-первых, постоянным принятием руководством страны неправильных решений, во-вторых, непринятием в нужное время правильных решений, в-третьих, фактическим перехватом власти в стране «неправильными» людьми из окружения престарелых руководителей. «Утрата чувства времени и пространства», так охарактеризовали китайские учёные процесс, приведший к исчезновению СССР. Именно поэтому смена поколений в руководстве сегодняшнего Китая осуществляется системно и неотвратно. И это, как мы видим, даёт неплохие результаты. Но делает ли постсоветская Россия из этого необходимые выводы?

Последним судьбоносным, принёсшим неоспоримую пользу стране действием советской власти явилось устройство Сибири, создание в ней топливно-энергетического комплекса, который не только исправно пополняет список новоявленных российских миллиардеров, но и не даёт окончательно пропасть остальной (за вычетом членов «ста шестидесяти семей») России.

Я верю в то, что у моей страны, у моего народа великое будущее. Оно – это будущее, помимо прочего, заключено в сохранении и развитии Сибири. Уже обозначены точки грядущего глобального противостояния. Это – экологически чистые территории, природные ресурсы, вода, источники энергии. В переходные годы «идейной и экономической паузы» главной задачей русского народа становится сбережение Сибири как плацдарма грядущего развития, стартового комплекса для рывка в будущее. Других вариантов у нас нет.

Алексей ПОЛУБОТА

ПРОСОЛЁННЫЙ НРАВ ЗАПОЛЯРНОЙ СТОЛИЦЫ

Ледяные капли вперемешку с мокрым снегом летят на горящие свечи. Бледно-жёлтые огоньки вздрагивают, мечутся на ветру, гаснут. Их зажигают снова. Мурманск. 24 мая – День славянской письменности и культуры. На Площади Первоучителей рядом с каменным молчанием Кирилла и Мефодия – стихи. О славянском родстве, не только кровном, но и духовном, скреплённом Словом. Читают в основном молодые ребята, старшеклассники. Серьёзные, открытые лица. Читают осмысленно, с чувством.

*Мать – Украина, а Север – отец,
Правда, с фамилией Крайний.
Но по корням словарей и сердец
Крайний роднится с Украиной!*

Самый крупный в мире город за Полярным Кругом накануне своего столетия...

Мурманск был последним городом, основанным в Российской империи. Город имперский по самой своей сути. Не случайно его первое название – Романов-на-Мурмане. Ещё чиновники царской России поняли, что в двадцатом и последующих веках стране как никогда прежде понадобятся надёжные ворота в арктическую ширь, и дальше – в геополитическое безбрежье Атлантики.

В конце 19-го века начали появляться планы, как России потвёрже стать на скалистом выступе в Ледовитый океан – Кольском полуострове, омываемом студёными, но незамерзающими в самые лютые морозы, благодаря Гольфстриму, водами Баренцева моря.

Планы планами, однако Романов-на-Мур-

мане рождался спешно, в уже охваченной предреволюционной лихорадкой России. Завязшей в Первой мировой войне империи необходима помощь союзников. Балтика и Чёрное море перекрыты противником, архангельский порт может принимать грузы менее шести месяцев в году, когда Белое море не скованно льдами, а на фронте – «снарядный голод».

И вот в невиданно короткие по тем, да и по нынешним временам сроки прокладывается 1053 километра железнодорожных путей среди болот, скал и вечной мерзлоты. Прокладывается усилиями десятков тысяч рабочих, среди которых были не только русские, но и китайцы, канадцы, военнопленные австрийцы, венгры, чехи. Строительства подобного масштаба в условиях Крайнего Севера, да ещё и в воюющей стране, прежде не бывало.

Железная дорога, построенная чуть более чем за год, обрывалась у голого берега Кольского залива, где ещё только предстояло появиться будущему городу-герою Мурманску.

Парадокс в том, что невероятные усилия, потраченные строителями, почти не помогли русским солдатам Первой мировой. Большая часть военных грузов так и не попала на фронт. В марте 1918 года союзники уже не существовавшей Царской России высадились на берег Кольского залива под предлогом защиты от немцев и финнов огромных запасов оружия иностранного производства, хранившегося на мурманских складах. Так началась интервенция, а, по мнению некоторых историков, и Гражданская война в России.

Однако, закон сохранения затраченной нацией энергии, видимо, является одним из основополагающих в истории. Спустя 23 года после окончания Первой мировой войны, началась война Великая Отечественная. И вот тогда-то ещё как пригодились стране незамерзающий порт и ведущая из него в центральные районы СССР железная дорога.

У последыша умершей менее чем через год империи в XX веке была славная история. Впрочем, империя, хоть и в другой форме, вскоре возродилась. Да, было десятилетие сразу после окончания Гражданской войны, когда Мурманск превратился в глухой и, казалось бы, бесперспективный посёлок. Всерьёз, кстати, рассматривался вопрос о закрытии построенной с такими усилиями железной дороги из-за малого числа грузов, перевозившихся тогда по ней. Большевикам, грезившим о мировой революции, арктические окраины казались ненужной обузой. (Это, видимо, неизбежное следствие любой революции в России – тщетная попытка отказать от своей цивилизационной геополитической сущности. В 90-е годы либералы точно также решили, что Крайний Север – слишком дорогое удовольствие. И всё, что нужно от него – полезные ископаемые, которые, дескать, можно добывать вахтовым методом, не тратясь на содержание городов в суровых погодных условиях.)

Однако к концу 20-х годов революционные грёзы начали отступать, и на первое место вышла суровая реальность. Вот тогда-то начался быстрый промышленный рост Мурманска. Побывавший в Заполярье в

1929 году Максим Горький, написал в своём очерке «На краю земли»: «В Мурманске особенно чувствуешь широту размаха государственного строительства». (Эти слова, кстати, до недавнего времени можно было прочитать на стеле, украшающей одну из главных городских лестниц. Сейчас стелу убрали, и, на мой взгляд, совершенно зря.)

Писатель не кривил душой: город рос, буквально, не по дням, а по часам. Его население за годы Советской власти выросло почти в двести раз. С двух с половиной тысяч в конце Гражданской войны до 440 тысяч к концу 80-х годов прошлого века.

Были в его столетней истории и чёрные страницы. Например, лето 1942 года, когда столица Заполярья была практически уничтожена немецкой авиацией. На город за годы войны было сброшено 185 тысяч бомб – больше за всю мировую историю до стало только Сталинграду. Однако мурманчане, лишившись домов, строили землянки и продолжали работать в торговом порту, принимая союзные конвои с оружием и продуктами, выходили на промысел в море на гражданских судах, несмотря на ежеминутный риск атаки из-под воды или с воздуха, ремонтировали боевую технику, лечили раненных. Это всё – работники так сказать тыла. Само собой, тысячи горожан воевали на всех фронтах Великой Отечественной.

И после победного 1945-го, когда город стал восстанавливаться из руин, всё более выкристаллизовывалась особая порода северян – мурманчане. Это были лёгкие на подъём, в большинстве своём доброжелательные, открытые люди. Они привыкли к трудностям климата, к широте земных и морских просторов, и потому сильными и широкими были характеры многих из них. Мне повезло застать эту породу в её расцвете, почувствовать её.

«Мы знали, что живём в лучшем городе Советского Союза. Друзья и родственники со всей страны жили у нас неделями, а то и месяцами», – это слова мурманчанки Валентины Петровны, вдовы мурманского поэта Виктора Тимофеева, строки которого я процитировал вначале. Мы встретились с ней в мае во время празднования Дня славянской письменности и культуры.

Слушая собеседницу, я думаю о том, что дело было, конечно, не в «длинном рубле», которым попрекали порой северян, и не в

том, что Мурманск снабжался чуть исправнее большинства советских городов. Лучшим считали город за это ощущение молодости и широты жизни, которые он давал вперекор всем непогодам.

Мы пьём чай в «сталинском» доме в самом центре Мурманска. Из окна можно увидеть главную городскую площадь Пять углов и начало проспекта Ленина, который, согласно замыслу основателей города, должен был называться Николаевским.

Прямо напротив дом с потрескавшейся штукатуркой, с кирпично-красными язвами на стенах. В центре Мурманска сейчас немало таких запущенных домов.

Мне досадно, что в государственном бюджете огромной страны не нашлось денег на то, чтобы столица Заполярья смогла встретить первый большой юбилей в обновлённом виде. Так и не началась реконструкция Областного краеведческого музея, ремонт Мурманского драматического театра замер на середине, обнесён молчаливым строительным забором культовый для города кинотеатр «Родина». Завис и проект строительства первой в городе морской набережной. Чиновники, конечно, расскажут о благоустроенных скверах и выложенной плитке. Но мелко это для города с такой историей и с такой значимостью для страны. Да, в стране кризис. Но почему-то он не мешает цвести и развиваться таким городам, как Грозный, например...

Но не будем о грустном. Мурманск устоял в очень трудные для него девяностые годы, когда он оказался вторым в стране по потере численности населения после упомянутого уже Грозного. Устоял и продолжает жить и надеяться. Я знаю много мурманчан, которые и сегодня, несмотря ни на что, продолжают считать свой город лучшим.

В конце минувшего лета в Москве в библиотеке «Просвещение Трудящихся» на Шаболовке спонтанно был организован камерный вечер, посвящённый столетию Мурманска, «Просоленный нрав». Название ему дал одноимённый короткометражный фильм, снятый мурманской киностудией «Скальная, 20».

Насколько я знаю, эта литературно-кинематографическая встреча стала единственным мероприятием в Москве, посвящённым юбилею столицы российской Арктики. Это тоже некоторый штрих к тому, что за разговорами о важности Арктики для России кроется не так много дела. Одними военны-

ми арктическими бригадами огромные пространства за Полярным Кругом не удержат.

Упомянул я о вечере ещё и вот почему. На нём были показаны фильмы, снятые по произведениям современных мурманских авторов. Поэт, первый секретарь Союза писателей России Геннадий Иванов, участвовавший во встрече, заметил, что в этих фильмах нет хорошо знакомых ему мурманских «широких» характеров. Фильмы построены на полтонах, на оттенках человеческих отношений.

Это верное замечание. Характер мурманчан изменился. Это уже не те люди, для которых Север был пространством новизны, открытия, преодоления. Нынешнее поколение мурманчан родилось в Заполярье, для него снежные заряды в июне, летнее солнце в полночь – не экзотика, а особенность родной природы. Это поколение не покоряет Север, оно живёт здесь. Конечно, не могло не сказаться на характере мурманчан и то, что теперь это в гораздо большей степени сухопутный город, чем прежде. Число моряков среди его жителей резко сократилось, да и число заходящих в мурманский порт судов – тоже. Впрочем, думаю, это лишь этап в истории города на берегу Ледовитого океана. И, рано или поздно, морская составляющая Мурманска снова выйдет на первый план.

Но вернусь к началу. Я не случайно сделал отправной точкой этого эссе памятник Кириллу и Мефодию. Казалось бы, где Мурманск, а где Болгария, в которой проповедовали святые равноапостольские братья, создавшие кириллицу и переведшие на древнеславянский язык Библию.

Однако имперская сущность города неизбежно проявилась в культурной, духовной плоскости. В 1986 году именно в Мурманске,

благодаря, в первую очередь, писателю-славянофилу Виталию Маслову и поэту Виктору Тимофееву впервые был отмечен праздник Славянской письменности и культуры, ставший через несколько лет официальным праздником России, Украины и Белоруссии.

Как сам город рождался наперекор начинавшемуся развалу Российской империи, так и этот праздник возник накануне распада СССР, в начале разлома русской, восточнославянской цивилизации на три самостоятельных государства, которые, рано или поздно, должны были начать враждовать, исходя из самой логики разъединения.

Писатель Виталий Маслов ещё до развала уже советской империи чувствовал начало этого разлома. Вот как он вспоминал о поездке, в которой мурманские писатели сопровождали памятник Кириллу и Мефодию, подаренный мурманчанам Болгарией: «1990 год. 4-12 марта. Шествуют равноапостольные братья из Софии в Мурманск, движется небывалый поезд с негабаритным бесценным грузом по землям Болгарии, Украины, Белоруссии, России, вскипают народные праздники, идут Крестные ходы, звучат торжественные молебны – Одесса, Киев, Минск, Валдай, Великий Новгород. Радость, боль и слёзы: земля славянская, раздираемая, уже трещала и трещины, змеясь, уже рвали на части не только материк славянский, но и души».

Но, как знать, может быть именно Площадь Первоучителей, возникшая на самой северной оконечности славянского материка, в городе, вступающем во второй век своей истории, и станет тем последним духовным рубежом, с которого начнётся возрождение славянского единства.

Фото автора

Александр ПОДСТАНИЦКИЙ

*Мурманск, город мой широкоплечий,
Грудью дамб улётся на залив.
День ушёл. У окон бродит вечер.
У причалов сердится прилив.*

*Рядом у красавца-ледокола,
Что в ледовый рейс уйдёт с утра,
Мирно отдыхая у приколов,
Маленькие спят траулера.*

*Лишь в порту лебёдок визг обычный,
Новый деррик над углём кряхтит –
В трюмы пароходов заграничных
Грузят лес и камень-апатит.*

*Город мой, твои громады-скалы,
Что стоят кругом, тебя храня,
Сделать руной новой Калевалы –
Вот мечта заветная моя.*

*Бег оленьих райд, болота, кочки
И озёр нетронутую гладь
Срифмовать бы в песенные строчки
И потом с любовью распевать!*

*В них прочесть, как топкими лугами
Двадцать лет назад ходил туман,
Как сражались деды-партизаны
Против интервентов-англичан.*

*День ушёл. Окутал город вечер,
И над Колой – первая звезда.
Тихо всё. И лишь ветрам навстречу
В Ленинград уходят поезда.*

*Спи же, Мурманск, крепким сном окован.
Из Кремля курантов слышен бой...
Отдыхай: он делом завоёван,
Этот отдых, славный город мой!*
1940 г.

Лев ОШАНИН

Край белого дня

*Куда я ни скроюсь,
Зовёшь ты меня,
Край белого снега,
Край белого дня.
Сквозь клик журавлиный,
Сквозь грохот ветров,
Мне кажется, Мурманск,
Я слышу твой зов.
В часы ледяные,
В тропический чад
Твои позывные
Звучат и звучат.
На юг и на полюс
За сорок штормов*

*Ко всем, кто в дороге,
Несётся твой зов.*

Зови, зови

*К незамерзающему морю,
Зови, зови,
К незамерзающей любви.
Край белого снега,
Край белого дня,
Зови меня.
1969 год*

Александр ПРОКОФЬЕВ

Здравствуй, Мурманск!

*Ты не шёл, а вылетел навстречу,
Ты рванулся из-за облаков.
Вот какой ты стал, широкоплечий,
Мужественный город моряков!
По могучим всенародным планам
Ты поднялся, встал с другими в ряд,
Город юнг и город капитанов,
Моря брат и океана брат!
Далеко твои простёрлись дали,
Ты за них спокоен, ими горд.
Корабли пахать моря устали
И передохнуть заходят в порт.
Все они в трудах во имя мира,
Вымпела их вьются в синеве.
Вот «Москва» идёт, за нею «Киров».
«Кирову» привет, привет «Москве»!
Ты встречаешь их, громкоголосый,
У распахнутых в простор дверей...
«Здравствуй, Мурманск! – говорят матросы,
– Ты нам виден был со всех морей!».*

Виктор ТИМОФЕЕВ

Рябиновый город

*Над Мурманском солнце нечасто туман пробивает.
Под Мурманском сопки оленьими мхами цветут.
И только рябина по улицам нашим шагает.
И только рябина легко обживается тут.
Есть пальмовый Сочи и златокаштановый Киев.
Но хочется сердцу про Мурманский берег запеть
Рябиновый город! Здесь всюду рябины такие,
Что раннему снегу на пламени ягод – сгореть!*

*Как часто здесь встречи подсвечены болью невольной.
Как часто здесь окна тревогой ночью живут...
Рябиновый Мурманск... Здесь столько любви обделённой,
Что гроздь рябины, аля, листву обожгут.
Над Мурманском солнце туман на минуту пробило.
Вдоль каменных улиц с рябин полетела листва.
Рябиновый Мурманск... Горчащая сладость рябины
И женскому сердцу, и сердцу мужскому близка.*

Владимир СОРОКАЖЕРДЬЕВ

Полярный день

*Солнцем вымыт ночной перрон.
Забрели в тупик я и ты,
где стоял грузовой вагон
неразгруженной темноты.*

*Вдоль вагона прошли, случайно
заглянули сквозь щель в нутро.
Ты сказала: «На сто свиданий
нам хватило бы груза его».*

Николай КОЛЫЧЕВ

*Мурманск – это взморье и взгорье,
Берег – негде спрятаться лжи.
Скалы обрываются в море
Резко и внезапно, как жизнь.*

*Мурманск, я твой мытарь и пленник!
Вязью всероссийских дорог
Долгий смутный путь поколений
За моей спиной пролёг.*

*Страшно у предела бессилья,
Горько – до чего мы дошли!
Вижу всю больную Россию
С края, от начала земли.*

*Я стою, с трудом поднимая
Тяжесть непонятной вины:
Это – край дошедшей до края,
Некогда бескрайней страны.*

Александр МИЛАНОВ

Мурманск

*Нет городов, похожих на него.
Свои в нём и приметы, и привычки.
Морское утверждая ремесло,
Он и не думал о своём обличье.*

*Не торопясь, он начал обживать
Прибрежье у Кольского залива,
Стремясь под солнцем место отстоять
По праву равных и среди счастливых.*

*Сейчас его два сильные крыла
От Колы простираются до Росты.
Приверженец морского ремесла, –
Дома и те, как тельники, – в полоску.*

*И как бы много ни было забот,
Мой город неизменен в постоянстве –
Суровости арктических широт
И голубым дорогам океанским!*

Олег БОРОДИН

*Ах, лето в Мурманске –
По кругу солнышко.
Мы на Семёновском
Сидим на брёвнышке.
Подружка милая –
Ресницы длинные:
Глядим в обнимочку
На воду синюю.*

*Пусть спят родители
И не волнуются,
А мы, как взрослые,
Вовсю целуемся.
Подружка милая –
Взгляд с поволокою.
Совсем забыли мы
Про маму строгую.*

*Годочки быстрые.
Вот жизнь на кромочке.
Но летом в Мурманске
По кругу солнышко.
И мальчик с девочкой
От счастья жмурятся,
Сидят в обнимочку –
Вовсю целуются.*

Илья ВИНОГРАДОВ

Сопки

*Неба покрывало,
Простыня земли.
Город спит усталый,
Приобняв залив.*

*Сопки, как подушки,
Брошены кругом –
Пышные подружки,
На одной – мой дом.*

*К озеру дорога,
А за ним опять
Сопок очень много –
Не пересчитать!*

*Жизнь прожить не поле
Махом перейти:
Попотеешь вволю –
Сопки на пути!*

*Восхожу степенно –
Бок у сопки крут! –
Клавиши ступеней
Под ногой поют.*

*Музыка рассвета
Зазвучит вот-вот;
Северное лето,
Семь коротких нот.*

*Мне привычна с детства
Лестничная круть –
Никуда не деться,
Некуда свернуть:*

*Все низины топкие,
Выстужен залив...
Жизнь – сплошные сопки,
Дальше – край земли.*

Алексей ПОЛУБОТА

*Город, где цветёт иван-чай,
Каждый камень шепчет: «Прощай».*

*Скоро вьюга скажет: «Прости!»,
Заметая к счастью пути.*

*Всем, кто был однажды влюблён,
Страшен свет погасших окон;*

*Позабить – пустая мольба.
Он неотвратим, как судьба,*

*Город, где в тоске фонари
Свет мешают с блеском зари.*

*Где навек цветёт иван-чай,
Где в прохожем каждом – прощай.*

Елена ФЕДОТЕНКО

Пане

*Чёрная вода в заливе – грязно,
Я смотрю под ноги – мне не страшно –
С борта на борт перепрыгиваю –
Где-то папина каюта...*

*В маленький смешной иллюминатор –
Только волны, небо, крылья чайки –
Я смотрю. И снова я – такая –
С папой – в рейс –
И море по коленку!*

*Горький чай, брусок солёной рыбы,
Мир покачивается легонько.
Вот и выросла. И всё же, папа, видишь? –
Ничего не знаю
О покое.*

Празднование Дня славянской письменности в Мурманске, 2016 год

СЕВЕР МОЕГО ВРЕМЕНИ

Крайний Север, а именно Кольский полуостров, первый раз я увидел в 1956 году, тогда он развивался после урона, понесённого в ходе Великой Отечественной войны. Мурманску и железной дороге в 2016 году исполнилось 100 лет. Это стратегические объекты, и немецко-фашистские захватчики прилагали все усилия овладеть ими и Кольским полуостровом в целом. Но отстоять Кольский полуостров смогли Северный флот, войска 14-й Армии Карельского фронта и 7-й Воздушный флот, которые опирались на патриотизм мурманчан. Благодаря их стойкости страна регулярно получала помощь союзников....

Это история. Если подходить к ней внимательно, то понятно, что история влияет и на личные судьбы. Я и все мои товарищи очень горды тем, что нам пришлось служить в рядах Северного флота, в его передовом отряде – в подводных силах флота, так они тогда назывались. Шла «холодная война» двух мировых систем, и передовой фронт её был в глубинах океана.

Патриотизм советского народа, вынесшего все тяжести большой войны, был на пике, и трудовой энтузиазм не был

показным. Мурманский край был на подъёме. Рос не только военный Северный флот, но и рыболовецкий – Мурман сельдь, Трал флот, Пассажирский и Грузовые флоты; на полуостров прибывали молодые специалисты и просто молодёжь. Не только романтика привлекала их, но и хорошие заработки. Была правильная государственная политика относительно Севера, открывались ворота в Арктику. Сегодня модно стало охаивать всё советское, но у людей отняли главное – веру в будущее и справедливость, что и отражает кинофильм «Левиафан». Одним словом, вошли в рынок и получили движение назад, а не вперёд.

Мы офицеры не чурались общения с гражданским населением, все жили одним стремлением – делать всё на пользу стране. Мне запомнились два случая из гражданской жизни, которые я слышал из первых уст, о которых и хочу рассказать ниже, считая их поучительными на фоне нынешнего упадка развития Кольского полуострова, как бы нас не убеждала государственная пропаганда в обратном. Одна убыль населения полуострова почти в два раза говорит не о развитии, а об

упадке...

1962 год. Наша подводная лодка пришла в судоремонтный завод посёлка Роста, тогда он ещё не входил в город, теперь это микрорайон Мурманска. Несмотря на ремонт, боевая учёба продолжалась. Каждый понедельник с личным составом проводились политические занятия, чтобы моряки были в курсе событий в стране и в мире. На одно из таких занятий решено было пригласить кого-нибудь из руководства области, чтобы нам рассказали о развитии края. Я, старший лейтенант, руководитель группы политзанятий, поехал в Обком партии и изложил нашу просьбу. Мне сообщили, что к нам придет Владимир Николаевич Птицын, он тогда был ещё просто секретарём Обкома, каким по счёту, уже не помню. Впоследствии став первым секретарём, он много сделал для развития Мурманского края.

Команда лодки проживала тогда на эсминце проекта 30-БИС, стоящем в заводе, тоже в ремонте. В назначенное время в кают-компанию эсминца собрались не только матросы моей группы, но и офицеры. Всем было интересно узнать о перспективах края, где мы служили.

Птицын не подвёл и прибыл к нам в точно указанное время. Беседа получилась душевной и содержательной, интересной и познавательной. Всю её передать трудно, можно сказать одно, что в результате многие члены команды после демобилизации остались жить в Мурманской области. Уже в начале 70-х годов прошлого столетия в области начались сразу несколько больших строек, как-то Кольской АЭС и обогатительной фабрики комбината «Апатит», не считая других помельче. Развивались гражданский и рыболовецкие флоты... Мне на всю жизнь запомнился рассказ В.Н. Птицына о безотходном производстве, который хочу привести ниже.

– В 30-е годы прошлого столетия в районе Мурмашей, а именно в Кильдинстрое, возник посёлок Зверосовхоз со зверофермой «Кольский», где стали разводить черно-бурых лисиц, песцов (голубых) и норок. Это было отменное производство, приносящее стране валюту. Дело было весьма прибыльное. Основные затраты, естественно, шли на корм для зверей. Но, как говорил Птицын, руководство области задумалось над этим вопросом и привлекло к его решению специалистов. Они подсказали, что основным кормом для зверей является рыба. Но рыба важна и для людей. Выяснили, что обрабатывая рыбу, в основном треску, ей отсекают голову, которую выбрасывают. Попробовали эти головы скормить зверям. Получилось. Тогда было дано указание на рыболовецкие флоты и заводы, головы не выбрасывать, а отправлять в совхоз. На свежих рыбьих головах росло поголовье ценных пушных зверей.

Дело пошло. А куда девать мясо зверьков, когда с них снята шкурка? Оказывается, после небольшой переработки его охотно едят куры. Дано было указание – рядом со Зверосовхозом строить птицефабрику. Теперь в Мурманске можно приобрести яйца и хорошую собственную птицу, не завезённую с материка. И никаких отходов, всё идёт в дело.

Прибыль от этого по всей цепочке отличная....

Но это было в те годы, когда уловы росли год от года, в магазинах Мурманска рыба была всех видов, стоила копейки, были и свои куры. Но пришёл рынок.... Наша рыба поплыла за рубеж, откуда возвращается к нам в три дорога. В 2001 году закрылся и Зверосовхоз «Кольский». Остались одни воспоминания. И сегодня Мурмаши больше славятся такими заведениями, как исправительные колонии ИК-16 и ИК-18, а не безотходным производством. А мне кажется, что этим методом воспользовались за границей.

Вот и думайте – рынок, который так воспевают, это прогресс или регресс? Конечно, я понимаю, что всё зависит от людей, но ведь и о них надо думать, а не прессовать. Ко всему надо подходить с умом, и в первую очередь надо думать о деле, а не о собственном кармане...

– Второе воспоминание у меня о коренных жителях края, кольских саами, или лопарях. Программа поддержки малых коренных народов существовала и в советское время. Численность кольских саами уже в течение века держится приблизительно на одном уровне в пределах двух тысяч. Живут они семьями в стойбищах, или как их называют, «погостах». В 70-е годы прошлого столетия внимание к ним было большое, их пытались приобщать к современной жизни. Судите сами, если для всех «достать» холодильник в то время было проблемой, то для саами их доставляли бесплатно и без проблем.

У меня была знакомая врач из областного здравоуправления. И вот что она мне рассказывала где-то в 1965 году. Новый секретарь Обкома, не помню уже кто, решил ознакомиться с жизнью и бытом саами. Была создана целая группа сопровождения, куда вошла и моя знакомая. Объехав все погосты полуострова, секретарь собрал всех глав семейств в неофициальной столице саами Ловозеро. Конечно, об этом было известно заранее, и саами к этому готовились.

После застольной речи секретаря, где он говорил о поддержке и заботе о народе саами,

о прогрессе в их жизни, с ответной речью выступил главный саам (тогда в жизнь саам пытались внедрить советскую схему управления), который выразил благодарность власти, а непосредственно в адрес секретаря он сказал примерно такие слова: *«Уважаемый секретарь! Выражаем Вам нашу благодарность, и, чтобы Вы были довольны нами, мы в знак уважения угощаем Вас пельменями, мясом для которых наши женщины жевали целую неделю...»*. Представляете после этих слов немую сцену?!

Секретарь, зажав рот ладонями, а он уже съел несколько пельменей, они действительно были аппетитными, выбежал на улицу..., представляете его состояние? Естественно, он спросил сопровождающих: – А зачем мы даём им мясорубки? Подавив все эмоции, он вернулся в клуб, поблагодарил хозяев за гостеприимство. Вся наша «экспедиция» прошла успешно.

После на заседании Обкома были сделаны выводы из этого «путешествия» – цивилизацию и культуру в быт малых народов нужно вносить осторожно и постепенно, а не ломать их традиции через колено.

Я вспомнил эти два случая более чем полувековой давности, чтобы сравнить с нынешним днём. Оказывается, эти сравнения не в пользу нашего времени. Всё развитие Кольского края прервалось в период смуты 90-х годов прошлого века, конкретно – после распада Союза. Появились другие ориентиры в жизни, и Север стал как бы обузой для страны. Недальновидные политики стали считать только убытки от него, забыв выгоду от его природных богатств. Я поинтересовался окладами – заработками на Кольской земле – и сравнил их с московскими. Оказалось, что в Москве они на порядок выше. Извините, кто же после этого поедет осваивать суровый Север, даже будь он трижды романтиком?

Комментарии в таких случаях, говорят, излишни!

Вадим КУЛИНЧЕНКО,
капитан 1 ранга в отставке

Борис САВЧЕНКО

КОЛЫМА – ЧУДНАЯ П Л А Н Е Т А ... ИЛИ ЧУДНÁЯ?

Долго мучился дилеммой: какую взять интонацию – скорбно-ноющую, скребущую по душе, в духе «будь проклята ты, Колыма...», или оптимистически-бравурную, типа «ты узнаешь, что напрасно называют Север крайним...», как утверждал незабвенный Кола Бельды в золотые застойные годы.

Есть отчего задуматься. Ведь многие и сегодня вздрагивают от одной мысли о Колыме. А если, допустим, кто-то получил срок двадцать пять лет с отсидкой на Колыме – голова может свихнуться. А я вот родился в Магадане – родину и родителей, как известно, не выбирают – и более четверти века прожил там добровольно, правда, с поправкой: не ЗА, а У колючей проволоки. И это – скажу крамольную мысль – были лучшие годы моей жизни. В смысле познания бытия и остроты чувств.

Аттестат зрелости, первая любовь, институт – этими этапами жизни не удивишь, у всех почти одинаковы. А вот колымский антураж твоего существования – это нечто особенное. Например, видели ли вы полыхающее во всю ширь звёздного неба северное сияние – эту беззвучную, но страшную симфонию красок, заставляющую верить в Бога и в силы небесные? Встречались ли вы на колымской сопке один на один с хозяином тайги – бурым медведем, когда расстояние между вами двадцать метров и в руках у вас ни карабина, ни ружья, только ножичек для срезания грибов. Вы смотрите в его маленькие, ничего не выражающие глазки и думаете: «Ну, вот и всё! Кранты!» Ноги подкашиваются, мысли смиренно замирают, а он, постояв,

не шелохнувшись, вдруг поворачивается и уходит в сторону. Жуткие ощущения! Или захлёбываться от восторга, вытаскивая из бурлящего, забитого идущим на нерест лосося ручья целые охапки трепещущих серебристых рыбин? Или просто нежиться на мху под кустами смолистого стланика, терпкий запах которого преследует тебя всю жизнь? Или заворожённо любоваться зеркалами вод озёр Джека Лондона или Танцующих хариусов? Вообще, природа Колымы – это отдельная песня. Любопытно, что когда я спросил у издателя и фотографа Владимира Ивановича Рябкова, объездившего всю страну: «Какое самое красивое место в России?», он, не задумываясь, ответил: «Конечно, Колыма». И это без всяких претензий на оригинальность.

А сейчас я выскажу ещё одну крамольную мысль: давно канул в Лету ГУЛАГ, но всё самое лучшее в Магадане в архитектурно-строительном плане было создано в 1940–50 годы заключёнными. Конечно, помнится, как в середине пятидесятых начался бурный отток с Колымы освободившихся – кого по отбытии срока, кого по амнистии. Но было и обратное движение – с «материка»: кто-то стремился за «длинным рублём», кто – «за туманом и за запахом тайги». В 1956 году пароход «Иван Кулибин» доставил в бухту Нагаева партию комсомольцев-добровольцев, и, по-моему, этим почином всё и кончилось. Больше организованных отрядов молодых романтиков на Колыму не поступало, ехали больше самостоятельно и в основном «договорники» разных профессий. Не спорю, «строители коммунизма» внесли весомый вклад в городской облик «столицы колымского края» (Дом горкома партии, Дворец культуры, Дом политпросвета и пр.), но исторический центр города уже сформировался руками зэка. Это и планировка центральных улиц (Ленина, Сталина, Горького, Портовой и др.). Это и Первая школа, и Муздрамтеатр, и уникальные здания Дворца спорта, Горного техникума, Дальстроя и рядом СВГУ, НКВД (позже Обкома партии)... Свообразием города стали и симпатичные, долго сохранявшиеся деревянные постройки Дома пионеров, Дома быта (чуть выше входа в парк), Учкомбината (клуба им. Островского), Клуба профсоюзов (первоначально Гортеатра), даже особнячка на ул. Сталина, где проживали первые руководители Дальстроя Берзин и Никишов. Всё это имело историческую ценность и вселяло гордость в души магаданцев за непохожую на другие населённые пункты Союза красоту Их города, несмотря даже (а может, благодаря ей) на его непростую историю.

А чем порадовали власти города современных жителей, что сделали для сохранения этих, не боюсь сказать, драгоценных сооружений, памятников уже столь далёкого прошлого?

Немного порассуждав, снесли культовое здание Магадана – Первую школу, которой, по оценкам специалистов, ещё стоять бы да стоять. Уничтожили в центре, как ненужные артефакты, все деревянные постройки с их оригинальной архитектурой: Дом пионеров, Учкомбинат, Клуб профсоюзов, Дом быта. Загубили бесподобный барачок краеведческого музея, а вместе с ним и островок редких насаждений. Конечно, по причине ветхости можно вообще всё снести и построить что-то новое, сдрать плитку, заасфальтировать тротуары, но тогда город утратит свои уникальные приметы, да он уже их утратил и местами напоминает беззубого старателя,

Евгений Евтушенко и Борис Савченко. Магадан, июль 1977г.

благодаря которому он, собственно, и возник.

Может, нет денег на реставрацию? Тогда откуда они берутся на разные бронзовые изваяния, мало имеющие отношение к городу? Когда-то в недрах Колымы случайно наткнулись на сохранившееся туловище мамонтёнка, прозванного Димой. Прошло три десятка лет – нате вам! – появилась скульптура мамонта с претенциозным названием «Время».

Другой образец жанрового творчества – скульптура Владимира Высоцкого. Поэт в 1967 году прилетел в Магадан лишь на два дня, всё это время находился в состоянии «гrogги». Так по какому случаю памятник? Ах, да, кто не видел Нагаевскую бухту, дурак тот... А он видел. В Магадане немало улиц, носящих незнакомые нынешним жителям имена: Наровчатова, Болдырева, Билибина, Вострцова, Лукса и т.д. Так не лучше бы было кого-нибудь из них увековечить в бронзе? Уж их-то заслуги властям города известны. Могу подсказать ещё несколько достойных имён, оставивших свой след на Колыме: Шаламов, Королёв, Жигулин, Варпаховский, Рознер... Но нет, лучше Высоцкому – это как-то стильно, знаете ли.

Довольно умилительна жанровая композиция – на скамейке сидит старичок в валенках, с непокрытой головой и орлиным носом, поглаживает кошку. Всяк, кому не лень, включая начальственных лиц, подсаживается к старичку и делает «сэлфи». Это памятник «опальному Орфею» – великому певцу-страдальцу Вадиму Алексеевичу Козину. Ладно, пусть он будет таким, но мне сразу вспоминается начало 90-х, когда Магаданский Совет народных депутатов (или как он тогда назывался) отказал Вадиму Алексеевичу в звании «Почётного гражданина города Магадана». Позвольте, как-то не вяжется: сначала унизили, а после отлили в бронзе. Как же понимать: вы, мол, «почётного» недостойны, но памятник мы вам поставим.

Ещё два городских брэнда. Подчеркну, никому не возбраняется соглашаться с моим сугубо личным мнением. Но выслушать надо всякого, ибо в спорах рождается... Хотя, быть может, и не рождается.

«Маска скорби» – как бы святое для магаданцев место, где должна оживать память по невинно осуждённым, навсегда оставшимся лежать в вечной мерзлоте. Должна она быть в Магадане? Несомненно. Надо всегда помнить о том холодном прошлом. Честь и хвала тем, кто сумел добиться присутствия этого памятника, «пробил» его финансирование (в первую очередь, разумеется, архитектор Камиль Козаев). Но в целом идея не нашла достойного воплощения. Думается, при заказе этого монумента сыграла свою роль магия Имени. Как же, Эрнст Неизвестный! А что он сотворил? Издали нечто напоминающее с одной стороны изваяние с острова Пасхи, с другой – некое подобие не то радиолокационной станции, не то недостроенного паркового лабиринта. Хотя при ближайшем рассмотрении «лагерных символов» хоть отбавляй. И груда будто бы случайно сваленных здесь камней. Но ничто не цепляет, не трогает, не тревожит душу. Голое умозрительное сооружение, напрочь убивающее все эмоции. И расположенное на крайне неудачном месте, это не маяк, чтобы видеть его обязательно со всех сторон. А вот подойти пожилому человеку поклониться – это проблема, далековато.

И о последнем символе. На гербе Магадана изображён олень, выбивающий копытами, наподобие «золотой антилопы», благородный металл то ли из недр, то ли из морских глубин, не суть важно. Герб создавался в советское время, когда Чукотка, славившаяся оленеводством, находилась в составе Магаданской области. Старожилы помнят лозунг 60-х годов: «Даёшь миллион оленей!» Миллиона, как ни пыжились, не набрали – тундра внесла свои коррективы. Так вот, Чукотка давно отделилась, и олень на гербе Магадана остался, как говорится, ни к селу, ни к горо-

В отряде Незнамова

ду. В оставшейся после «развода» половине Магаданской области оленеводство как отрасль производства не развито. Так кое-где в Омсукчанском и Среднеканском районах ещё пасли оленей (есть ли они сегодня – не знаю). И сейчас в пору менять герб – с одинаковой славой на нём можно поместить, к примеру, курицу, несущую золотые яйца, или хотя бы бочонок с красной икрой – всё ближе к современности.

Нагулявшись виртуально по улицам Магадана, присяду на лавочке и задам себе сакраментальный вопрос: «А что лично мне такого, чего в других краях не сыщешь, дала Колыма?»

Карьеры большой я там не сделал, как если бы работал во времена оны где-нибудь в Питере в окружении нашего будущего Президента. Геракловых подвигов, за которые дают медаль или хотя бы звание «Ветеран Севера», тоже не совершил. Жил, как хотел, грешил, как все смертные, но не перед кем не заискивал, не пресмыкался. Трудился сначала в одном НИИ – лаборантом, позже в другом – уже старшим инженером чего-то там. Не ахти какая вершина. Зато судьба даровала мне встречи с неординарными людьми, которых я «на материке» бы и не встретил, и на полном серьёзе учила жизни. Впрочем, по молодости лет, все колымчане казались мне необыкновенными личностями, а я не хочу, чтобы моё эссе превращалось в очерк о «передовиках производства» или «знатных людях нашего города». Поэтому вспомню о некоторых днях, врезавшихся в сознание, хотя героического ничего там не произошло, но по непонятным причинам память не отпускает их, не даёт раствориться, и эти отдельные дни я помню до мельчайших деталей. И думаю, что именно в такие дни менялся мой характер и видение окружающего мира.

Нашей лабораторией геофизики в СВК-НИИ заведовал покойный ныне Виль Сайдельевич Якупов, но моим непосредственным начальником являлся с.н.с. Диамар Михайлович Печерский – стройный, моложавый, ироничный кандидат наук. Ещё в нашу группу входили Олег Куваев, ставший позже известным писателем, и белокурая девушка Лера Ключева. С Куваевым я общался мало (один сюжет всё же вспомню), потому что разница в возрасте, да и в лаборатории он появлялся редко, иногда в лёгком подпитии, часто небритый, с усталым лицом, в своём неизменном грубой вязки свитере и с трубкой во рту он напоминал мне Хемингуэя. А вот с Лерой отношения у меня не сложились – и не нравилась она мне внешне, и некоторый её гонор раздражал (она только закончила институт, а я ещё нет). Но пришлось-таки мне с ней и Печерским отправиться вместе «в

Уэлен, 1967

Б.Савченко с косторезом Туккаем. Уэлен, 1967г.

поле». Наш маленький геофизический отряд должен был отработать береговые отложения в районе Беринговского.

Впервые я попал на Чукотку, что само по себе стало для меня большим потрясением. Шквалистые ветры, не прекращающиеся неделями, и вдруг сменяющиеся первобытной тишиной, оголтелые птичьи базары, стада оленей и лежбища клыкастых моржей – всё было в диковинку. И приключения тоже не заставили себя ждать.

Сначала нашу палатку прибило штормом к скалистому обрыву (это при ширине галечного пляжа метров двадцать), и нам в пожарном порядке пришлось по первой попавшейся ложбине перетаскивать своё барахло наверх. Кое-как устроились на тундряном плато, но работать-то всё равно надо было внизу, отбивать образцы вдоль обрыва. Спускаться каждый день по скользким и острым камням, а вечером опять подниматься с тяжёлым рюкзаком на стометровую высоту – удовольствие ниже среднего. Когда непогода унялась, мы нашли узкий лесистый распадок и обосновались на небольшом песчаном пятчке, на высоте от пляжа метров сорок, но это же не сто метров, и тропка вроде даже имелась. С чувством, что хорошо устроились, залезли в кукули.

Затемно пошёл дождь, под который особенно хорошо засыпать. Усилился вдруг ветер, и среди ночи мы всполошились, услышав, что где-то под нами журчит ручей. В общем, едва успели одеться и выскочить, как нашу палатку вместе со снаряжением стремительно понёс вниз селевой поток. Оказалось, что мы поставили палатку на нараставшем снежном насте, покрытом осыпавшейся землёй.

Вот такое получилось начало наших полевых работ. Мы с трудом добрались до посёлка, что в пяти километрах, переночевали в гостинице, обсушились, а утром, достав лопаты, вернулись на место. И весь день откапывали на берегу наше барахло под приличным

слоем мокрого песка. Хорошо ещё, что пляж оказался достаточно широким, в море ничего не унесло, и мы нашли практически всё имущество, кроме одного ящика с образцами.

Минуло пятьдесят (!) с небольшим лет, а память упорно держит этот случай на своём «подносе». И вдруг недавно совершенно случайно натыкаюсь в Интернете на знакомое имя – Диамар Михайлович Печерский. Геофизик. Тот ли? Звоню, ещё не веря, что будет он... Он! Тот же молодой со смешинками голос. Когда я напомнил ему про Беринговский, он только воскликнул: «Опа!» Ну, дальше воспоминания, прерываемые рефреном «подумать только, пятьдесят три года не виделись!», а под конец он сказал: «Могу подарить тебе фильм того года, наша работа в Беринговском, ты там тоже есть». Я не поверил ушам своим, но вспомнил, что он действительно снимал кинокамерой «Спорт» какие-то эпизоды.

Фильм я получил, и было очень странно и волнительно видеть себя молодым, стройным, весёлым, с вечной сигаретой в зубах и рюкзаком за спиной. Совсем другой человек. Из другой жизни. Не каждый актёр может похвалиться, что снимался пятьдесят три года назад.

А курил я тогда действительно много – две пачки «Явы» в день, и в тот же год или на следующий бросил эту дурную привычку. Этот «героический» подвиг случился не по моей воле, но – спасибо Колыме.

Этот случай в какой-то мере связан с Куваевым, хотя, повторю, до дружбы с ним было, как до Луны. Если б я знал заранее... Но писателем Олег тогда ещё не стал. В общем, Печерский отбыл по своим делам, а наш завлаб командировал Куваева, Ключеву и меня в Билибино, к начальнику геологической партии Незнанову, по-моему, даже Герою соцтруда. Незнанов летел на два месяца в район Анюя, и наш отряд, воспользовавшись этим, должен был отработать для Якупова некий анюйский разрез.

Меренга, у аборигенов

Прибыли мы на место, вертолёт тут же улетел, а мы (десять человек у Незнанова и нас трое) обнаружили вдруг пренеприятнейший сюрприз. Когда загодя, ещё до прибытия экспедиций, вертолёт по указанным «точкам» развозились продукты, лётчики перепутали «лабазы» — у нас оказалась металлическая бочка с продуктами на неделю на четверых человек, а наш провиант, в трёх или четырёх бочках, оставили в двухстах километрах, куда потом высадились небольшой отряд. Как мы не тянули с провизией, через неделю всё сожрали. И курево кончилось, не говоря о прочем. Только соли избыток да чая чуток. Что делать? Вызывать снова вертолёт нереально по двум причинам. Первая. Один «МИ-4» обслуживал полтора десятка полевых отрядов и был просто нарасхват: у кого больного вывезти, у кого «горючка» на исходе, у кого работа закончилась, надо в другое место. А небо над перевалом постоянно закрыто тучами, рассчитывать на «окна» с хорошей погодой сложно. Вторая причина: час работы вертолёта стоил 800 рублей, к нам лететь четыре часа, обратно тоже четыре — никаких «полевых» не хватит.

В общем, подсели мы на подножный корм. Мужики курили мох, некоторые пили чай с солью — говорили, якуты так пьют. Потом за сопкой обнаружили озеро, в котором хариуса было столько, что хоть сачком лови. Через неделю повезло: на склоне подстрелили барашка, в ягольнике уложили медведя. Жизнь более-менее наладилась. Но курить ягель я не стал, попробовал, закашлялся и всё, решил — это не моё. Недели две-три я мучился, потом полегчало, а когда наконец за нами прибыл вертолёт и привёз Незнанову курево, в голову пришла светлая мысль: а может и дальше перетерпеть, попробовать вообще завязать с этим. Позже в городе, во время каких-то пьянок ещё, ох, как тянуло подымить. Но в конце концов я переломил себя.

Мою золото. Колыма, 1965

1977 год... Я работаю в том же здании, но уже в Институте биологических проблем Севера в должности старшего инженера. Лето, середина июля. В институте — пустота, все разъехались в «поля» или отпуска. Я остался на подмене в отделе кадров.

Вдруг звонит наш директор Витас Леонович Контримавичус (в сентябре 2016-го ушёл из жизни — царствие ему небесное) и сообщает, что к нам едет — кто бы вы думали? — Евгений Евтушенко. Не вообще в Магадан, а почти инкогнито в наш институт. Надумал сплавляться по реке Колыме, просит помочь. И мне предлагается обеспечить поэта всем необходимым для сплава: двумя лодками, горючим, спальниками и прочим снаряжением, из того, что имеется у нас на складе. Магадан — не Москва, и приезд, даже инкогнито, такого модного поэта — целое событие, и я, конечно, с особым рвением взялся за порученное дело.

Евгений Александрович поселился в спецгостинице Обкома КПСС, почти за городом, по дороге на Весёлую. Когда я приехал к нему, чтобы окончательно определиться со снаряжением, то к удивлению обнаружил, что на дворе уже «пасётся» человек десять разных городских мажоров, жаждущих, видимо, общения с Мастером... Инкогнито не получилось. Да какое там! 18 июля у Евтушенко — день рождения, и этот день он отметил чтением стихов не как обычно в Политехническом музее, а в магаданском Доме политпросвещения. Народу, разумеется, битком, и успех поэта был небывалый.

А назавтра мы проводили его до Синегорья, посёлка строителей Колымской ГЭС, откуда должно было начаться его путешествие. И день этот памятен мне не только общением с поэтом. Я вдоволь налюбовался панорамой грандиозного строительства среди нехоженых сопок и самой ГЭС и посёлка, рассчитанного на десять тысяч человек с полной инфраструктурой материковского города: школы, магазины, больница, кинотеатр, спортзалы,

даже бассейн... Как по заказу, по поселковому динамике звучала бравурная песня неизвестных авторов: «Вы нам письма пишете, наш адрес весь – Синегорье, Колымская ГЭС...»

Сердце переполнялось гордостью и за реку Колыму, и за людей, сумевших укротить её суровый нрав.

Недавно мне показали фотографии Синегорья, сделанные около года назад. Теперь они есть и в Интернете. Душа сжалась от этих снимков. Зияющие чёрными окнами пятиэтажки, в которых никто не живёт, кроме бездомных собак. Кругом полный раздрай и упадок. Обшарпанные временем плакаты: «Синегорье – золотые ворота Колымы!». Опустелые улицы. В общем, всё ясно. Золото иссякает, энергия не нужна, люди бегут с Колымы. Сколько посёлков вообще прекратили своё существование в некогда обжитых местах: Галимый, Большевик, Мадаун, Гастелло, Широкий, Транспортный, Кулу, Таскан, Нексикан, Спорное, Атка, Берелёх, Омчак, Кадыкчан... Перечень можно продолжить.

В том же Синегорье осталось тысячи две жителей (в 1989 году их насчитывалось 11,5 тысяч!). В каком же режиме сейчас работает Колымская ГЭС, которую несколько лет строили ударным трудом, временами даже не за деньги, а на голом энтузиазме и за знаменитые «пехтинки» – талоны с печатями, по имени одного известного не только на Колыме деятеля.

А сплав Евгения Александровича прошёл нормально. Через пару недель он прислал в институт телеграмму с благодарностью и сообщением, что снаряжение оставлено на нашем стационаре на Зелёном мысе.

А мог ли я так запросто встретить его и пообщаться в Москве? Вряд ли. Только на Колыме.

Нечто комическое тоже необъяснимо застрекает в памяти на долгие годы. В 1993 году в составе большой артистической делегации, организованной директором Мосэстрады Владимиром Александровичем Рубаном (и ему вечная память), я прибыл в Магадан на празднование 90-летия В.А.Козина. Приехал, разумеется, не как артист, а как автор первой книги о певце – «Опальный Орфей».

Торжества прошли, как и полагается, на высоком уровне, и некоторые из прибывших после юбилея задержались в Магадане на несколько дней. В один из вечеров небольшая компания в составе Рубана (он, кстати, до Москвы был директором Магаданской филармонии, так что мы с ним знакомы давно), меня, красивой певицы С. и её пожилого аккомпаниатора отправилась «посидеть» в один из ресторанов.

Зашли. Ресторан пустой. Кроме нас только за одним столом мужик в одиночестве пьёт. Но он сам по себе, мы сами по себе.

Проходит время, официант вдруг поднос приносит: бутылка коньяку, балык, шашлыки. Что такое, мы заказ не делали. Официант кивает на мужика: «Презент вам от того стола». Мужик так весело рукой нам помахал, ну, мы кивнули, мол, спасибо.

Через полчаса опять поднос: шампанское, икра, крабы... И опять от того мужика.

Проходит меньше часа, опять поднос: коньяк, икра, языки... Мы уже и не благодарим, потому что и сами набрались прилично. И главное – уже первый час ночи, а кабак-то работает до одиннадцати.

Наконец, подходит официант и тихо так говорит: «Ребята, вы мне ничего не должны, только давайте убирайтесь немедленно, а то он нас разорит сегодня» – и кивает на мужика. «А кто это такой щедрый?» – спрашивает Рубан. «Проверяющий наш из налоговой инспекции. Вот прихоть наша угощать за счёт ресторана других» – «Наверно, ему наша Люда понравилась», – вздохнул я, но задерживаться мы не стали и быстренько ретировались.

К сожалению, это был последний мой визит на малую родину. Цены на авиабилеты стали такими запредельными, что общаться с друзьями молодости, оставшимися в Магадане, или следить за новостями Северо-Востока остаётся только по Интернету. Может, оно и к лучшему. Большое видится на расстоянии. И я даже за тысячи километров чувствую, как Колыма постепенно становится депрессивным районом. Ведь несмотря на то, что в глянцевах альбомах Магадан выглядит, как зализанное эскимо, несмотря на оптимистические реляции местного руководства, численность населения города катастрофически падает (примерно на тысячу человек в год), и это несмотря на «подпитку» переселенцами из посёлков Центральной Колымы.

Не меньшими темпами пустеют и некогда обжитые районы Колымы. Если лет десять назад нам по ТВ под скорбную музыку показывали остатки лагерей Севвостлага, то теперь так же страшно выглядят посёлки, брошенные уже в середине десятых годов. Если дело так пойдёт и дальше (а тенденция вымирания Колымы довольно устойчивая), то как бы не пришлось город Магадан переводить из разряда областных центров в районный, скажем, Хабаровского края. Потому что руководить местным чиновникам станет просто некем. Сейчас в области насчитывается 142 тысячи человек, а в 70-х годах прошлого столетия только в одном Магадане проживало более 150 тысяч. Как говорится, почувствуйте разницу. К тому же третья часть (а, может, и больше) населения города – пенсионеры, которым, видимо, придётся доживать свой век в непростых условиях Крайнего Севера.

О программе переселения их в Центральные районы страны мы что-то не слышали.

Возникает вопрос: как переломить ситуацию?

Во-первых или во-вторых, наладить наконец мощное производство рыбы и морепродуктов. Смешно, да? Но ситуация с этой отраслью очень туманная в области. Ничего внятного до сих пор мы о ней не слышали. А ведь Охотское море самое богатейшее в мире на рыбу – золотое дно, серебряна покрывка, как говаривали в старину. А видели ли вы, при тех несусветных ценах на икру и морских гадов, рыбопродукцию Магадана в Москве, я уж не говорю о брянских и саратовских магазинах? Норвежский лосось, камчатская икра и крабы, астраханская икра и осетрина – это есть, правда, ценою от двух-трёх тысяч и до... страшно вымолвить. А магаданского ничего нет. Как будто на берегах Охотского моря и понятия не имеют, что такое рыба. Нонсенс!

Упование на золото, при нынешних затратах на его добычу, смахивает на маниловщину. Учитывая, что россыпи практически исчерпаны, а подземная выработка рудного металла будет только дорожать (а в количественном плане уменьшаться), картина в обозримом будущем может получиться удручающая.

Я помню, как в середине 90-х годов в кулуарах Госдумы г-н Кокорев (мир праху его) с завидным оптимизмом рассказывал мне о строительстве афинажного завода, который явится чуть ли не панацеей от всех бед.

Завод построили в 1998 году. Отрапортовали. Начали лить слитки по мировым стандартам. И вдруг, как гром среди ясного неба: пропали более 2 тонн золота и 17 тонн серебра (подробности см. выше в материале В.Огрызко. «Неизвестная кража века»)! В конце 40-х на одном из приисков исчезло 64 килограмма золота. Так его на следующий же день нашли в кабине у пилота, собиравшегося уже взлетать. А тут тонны злата-серебра словно испаряются, и виноватых нет. Красота! Понятно, что золотодобыча – бизнес почти криминальный, честно колупаться в вечной мерзлоте желающих немного найдётся. И здесь местным властям давно пора навести порядок. Не то возникнет перспектива, что через энное время его наведут люди из какой-нибудь дружественной страны.

Нынешний губернатор обещал прилюдно дать в 2016 году 27 тонн золота. Амбициозное заявление, но верится с трудом. К середине октября, судя по сводкам местной печати, было добыто 14 тонн. Когда же успеют со второй половиной – на дворе Мороз красный нос. Более того, высказана возможность довести в недалёком будущем добычу до 50 тонн! Вашими бы устами... Боюсь, к тому времени

уже придут другие люди и будут говорить, наверно, другое.

В конце концов, да вы хоть выверните наизнанку этими «Павликами» и «Наталками» всю колымскую землю, а что дальше? Золото сдаётся в государственную кассу каждый год – тонной больше, тонной меньше, а люди на Колыме лучше жить не стали. Мне думается, вопрос выживания региона зависит не только и не столько от золота, и не от воли местного руководства, зазывающего инвесторов и что-то им обещающего. Это вопрос государственного значения и решаться должен на самом высоком уровне.

Колыма жутко оторвана от страны, вот в чём самая большая беда. Резервация, куда только самолётом можно долететь. Но при этом нужно заплатить за проезд туда-обратно 70 тысяч! Какой после этого отдых может быть у рядового магаданца и на какие шиши? Никакие полумеры и временные договорённости насчёт хотя бы сезонных скидок для определённых категорий граждан погоды не сделают.

Будь по-моему, я бы вместо стадионов и проведения различных олимпиад, которые, кроме головной боли и миллиардных убытков, ничего нам не дают, построил бы хорошую железную дорогу (ответвление от Транссиба, например Тынды-Якутск-Магадан), хорошую автомагистраль с соответствующей путевой инфраструктурой. Сколько было разговоров на эту тему ещё лет двадцать назад, а воз и ныне там. Комфортное и недорогое пассажирское сообщение – вот залог нормального общения между людьми и надёжный способ заселения территории. Помнится, в 70-е годы из Магадана в Москву каждодневно отправлялись четыре авиарейса. Билеты были сравнительно недорогими, даже поговорка ходила: «Слетать в Сочи на три ночи». Это точно, сам летал.

Люди должны постоянно общаться, ездить друг к другу в гости, или смотреть без больших затрат Колыму, решать, стоит ли там оставаться надолго и пр. Тогда и туризм будет развиваться. Сейчас же даже планы о туристических поездках на Золотую Колыму – пустая говорильня. Для магаданцев тоже – съездить на отдых в Крым – это равносильно угодить в долговую яму. За эти деньги можно пару раз слетать в Сингапур или провести время на Маврикии. Впрочем, быть может, у правительства в плане экономии более далекоидущие планы. Зачем заботиться о каких-то ста сорока двух тысячах жителей Колымы, когда, глядишь, лет через десять там вообще никого не будет? Пустуют же тысячи квадратных километров Сибири и Якутии – и ничего, небо не упало на землю.

Какое будущее ждёт Колыму? Знает ли кто-нибудь об этом?

НЕИЗВЕСТНАЯ КРАЖА ВЕКА

*На Колыме никак
не могут найти пропавшие
две с лишним тонны золота*

Вся страна сейчас следит за тем, как идёт расследование по делу полковника МВД Захарченко. Всем интересно, откуда у полковника полиции взялись даже не миллионы, а миллиарды рублей. Одни считают, что страж правопорядка поимел эти деньги от крупных строительных фирм, которые из года в год получали выгодные заказы от бывшего руководства Российских железных дорог. Другие полагают, что так щедро с ним поделились проворовавшиеся банкиры. А третьи убеждены, что он просто был хранителем чужого общака. Узнаем ли мы всю правду, пока не ясно.

Однако на фоне всей этой шумной истории потерялся другой не менее чудовищный скандал, связанный с потерей более двух тонн золота и шестнадцати тонн серебра на Колыме.

Сумасшедшая недостача драгоценных металлов вообще-то обнаружилась ещё в 2013 году – на Колымском аффинажном заводе. Но с тех пор выяснить истину и найти пропажу золота и серебра так никому и не удалось. В этом деле до сих пор много неясностей.

Первая неясность: кому во-

обще понадобился этот завод? В своё время Россия уже имела пять крупных аффинажных заводов, которые и так работали с неполной загрузкой. Скажем, золото, которое добывалось на приисках Колымы, очень качественно доводилось до кондиции под Рязанью в Касимове. И все были довольны. Но вот в конце лихих 90-х годов тогдашний губернатор Магаданской области Валентин Цветков стал пробивать идею строительства на Колыме шестого по счёту аффинажного завода. Доводы его были такие. Очень много денег и сил тратится на перевозку драгоценного металла из Магадана на большую землю. Мол, расходы на эти цены можно уменьшить чуть ли не в десятки раз. Кроме того, акцент делался на социальные моменты. Дело в том, что в своё время геологи допустили крупную ошибку, заявив, что есть якобы поблизости с Магаданом крупное Карамкенское золоторудное месторождение. Под прогнозы геологов были выстроены мощный рудник и крупный посёлок. Однако в реальности золота там оказалось с гулькин нос, и тысячи людей, приглашён-

ных на освоение месторождения, вскоре оказались без куска хлеба. Новый аффинажный завод должен был трудоустроить сотни колымчан и дать вторую жизнь Хасынскому району Магаданской области.

Впрочем опытные управленцы в добрые помыслы губернатора не поверили. Наслышанные о многих тёмных делишках Цветкова, они понимали, что за хорошей идеей наверняка скрывались чьи-то корыстные интересы. В общем-то, так оно и оказалось. Несмотря на заключения опытных экономистов, Цветков с бульдожьей хваткой пробил свою идею в правительстве России, хотя, ещё раз отметим, уже существовавшие аффинажные заводы, имевшие высочайшую репутацию на рынке, были недозагружены на 20–30% своих мощностей. Но главное даже не в этом. Цветков предложил на новом заводе использовать какие-то странные производственные схемы, которые, как предупреждали специалисты, могли позволить укрывать от учёта определённый процент драгоценных металлов. Кстати, когда Цветков всё-таки запустил в производство новый

завод, большая часть предприятий золотодобывающей промышленности Колымы, засомневавшись в высоком качестве завода, решила по-прежнему отправлять добытый металл в Касимов. Губернатор тогда решил применить кнут и пряник. Одних он заставил отдавать золото на местный завод путём угроз и административных мер, а другим пообещал снизить часть региональных налогов.

Первые пропажи драгметаллов на Колымском аффинажном заводе обнаружили уже через несколько месяцев после запуска первой очереди предприятия. Но тогда начальство объяснило возникшие проблемы временными производственными трудностями и необкатанностью новых технологий. Потом дыры затыкались за счёт новых порций сданных на завод металлов. Но до бесконечности эта афера длиться не могла. Наружу скандал выплеснулся в 2013 году, когда завод не заплатил десятки миллионов рублей некоторым крупным золотодобывающим предприятиям. Вот когда органы правопорядка выявили сумасшедшие пропажи. Естественно, начался поиск виноватых.

Кто-то стал всё списывать на Цветкова. Ещё раз повторим, спора нет – Цветков много что в конце 90-х – начале 00-х годов намутил. И за свою жадность он поплатился жизнью. Его расстреляли прямо на Новом Арбате. Но ведь понятно и другое. Вряд ли Цветков действовал в одиночку. Он ведь не сам придумывал новые производственные схемы. Наверняка ему кто-то существенно помогал. Безусловно, после его гибели кто-то с неучтённого оборота драгоценных металлов продолжал получать многомиллионные доходы. Но кто именно – следствие почему-то до сих пор не выявило.

Была и другая версия. Мол, за всё должен нести ответственность руководитель аффинажного завода. Действительно, трудно предположить, чтобы руководство завода ничего не знало

и не ведало о систематических пропажах золота. Но поскольку руководитель очень старенький, его решили пожалеть и по-тихому отправить на пенсию.

Впрочем, осталась и третья гипотеза. Смотрите: как только следствие стало подбираться к весьма существенным документам, вдруг по совпадению срочно ушёл в отставку первый заместитель губернатора области Николай Карпенко. Многим это показалось странным. Дело в том, что Карпенко, начиная с конца 90-х годов, мечтал подвинуть в сторону Цветкова и стать новым губернатором Магаданской области. Однако после гибели Цветкова он по глупому проиграл выборы совершенно беспомощному чиновнику по имени Дудов, который до этого умел только одно – безропотно выполнять все распоряжения и прихоти Цветкова – и не имел никакой стратегии по развитию Колымы. Не случайно вскоре разобидевшийся Карпенко переехал в Ростов-на-Дону, где влиятельные друзья помогли ему занять должность начальника контрольного департамента в постпредставительстве президента России по Южному федеральному округу. Однако в Ростове Карпенко ни на что влиять не смог. И он потом вынужден был не солоно хлебавши вернуться в Магадан первым заместителем к своему недавнему сопернику Дудову. Конечно, ему, человеку очень сильному и волевому, с харизмой, было унижительно работать под началом бесхребетного губернатора. Но и другого выбора у него не было.

Всё вроде бы изменилось спустя десять лет. Дудова наконец выпроводили на пенсию. Объявили новые выборы, в результате которых победил бывший заведующий магаданским городским отделом народного образования Владимир Печёный. Карпенко ликовал. Ещё бы! Это ведь он в своё время выгатажил Печёного в мэрию. Печёный был ему слишком многим обязан. Понятно, что теперь Кар-

пенко рассчитывал стать при Печёном неформальным хозяином золотой Колымы. Во всяком случае ни о какой отставке после победы Печёного он даже не заикался.

Параллельно с укреплением собственных позиций в Магадане Карпенко начал добиваться усиления влияния одного из своих сыновей в Ростове-на-Дону. Некоторые эксперты в повышении статуса семьи Карпенко увидели помощь колымского золота. Но в это не хотелось верить. Ведь старший Карпенко продолжал жить в Магадане довольно-таки для высокопоставленного чиновника скромно. Он не шиковал, не строил себе загородных вилл и миллионами не сорил. Чего сложно было сказать о его обосновавшейся в Ростове-на-Дону родне...

Тем не менее, скоропалительные отставки отца в Магадане и сына в Ростове-на-Дону последовали в момент расследований о крупных хищениях золота на Колымском аффинажном заводе. Правда, одни аналитики до сих пор считают, что эти отставки были связаны не столько с пропажей драгоценных металлов, сколько с появлением новых губернаторов на Колыме и в Ростове. Но другие твёрдо убеждены, что первопричину всех увольнений надо искать именно в золотом скандале.

Самое странное в этой истории то, что дело о многомиллионных пропажах на Колыме золота и серебра в итоге спустили на тормозах. Конкретных виновных так и не нашли. Какой отсюда можно сделать вывод? Значит, и дело о миллиардах полковника Захарченко тоже, видимо, закончится ничем. Ну, в крайнем случае отправят в отставку двух или трёх генералов из Министерства внутренних дел и пожурят того офицера из Федеральной Службы Безопасности, который способствовал в своё время продвижению офицера полиции в центральном аппарате МВД.

Вячеслав ОГРЫЗКО

Иван МЕДВЕДЕВ

ПРИЗРАК МОРЯ ЛАПТЕВЫХ

В начале XIX века в Петербург от Иркутского губернатора одна за другой шли депеши об открытии новых земель в Ледовитом океане к северу от Ляховских островов.

Высказывались предположения, что это берега ранее неизвестного обширного Северного континента, который протянулся до самой Америки! Открытия совершили малограмотные казаки, охотники, сборщики мамонтовой кости. Противоречивые и неточные сведения нуждались в проверке. Министр иностранных дел и коммерции Н.П. Румянцев поручил чиновнику Рижской таможни М.М. Геденшторму возглавить экспедицию в этот суровый безлюдный край.

В Усть-Янске (Якутия) к экспедиции Геденшторма присоединился Яков Санников, промышлявший мамонтовую кость на просторах севера Сибири, человек смелый, любознательный и опытный. В марте 1809 Геденшторм со спутниками пересекли на нартах по льду пролив Дмитрия Лаптева и ступили на землю архипелага, который позже получил название Новосибирских островов.

Два года, в пургу и мороз, терпя невзгоды и лишения, исследователи добывали бесценные сведения о природе и географии открытых земель. Пища первопроходцев состояла из оленины и сухарей. Иногда удавалось подстрелить дичь, ещё реже белого медведя.

Кровом служила палатка, в которой было не намного теплее, чем под открытым небом. Не всегда были дрова, чтобы обогреться у костра. Спали на шкурах, которые стелили прямо на снег или промёрзлую землю. Но гонимые жаждой открытий, люди продолжали идти вперёд к неведомым берегам.

ТРИ ЗЕМЛИ САННИКОВА

Первая земля. По заданию Геденшторма Санников на собачьей упряжке пересёк остров Новая Сибирь с юга на север. Поднявшись на крутой склон северного берега, далеко на северо-востоке он увидел синеву, которая бывает над отдалён-

ными землями в Ледовитом океане. По этому признаку были открыты многие другие острова Новосибирского архипелага – Столбовой, Котельный, Фадеевский... Призрак неведомой земли властно манил исследователя вперёд, но собаки были измотаны, продовольствие на исходе. Санников повернул обратно.

Вторая земля. Летом на острове Котельном Санников обнаружил старое зимовье и древнюю могилу с крестом на церковнославянском языке. Возле креста лежало копьё и две железные стрелы – всё, что осталось от безвестных предшественников. А в один из ясных солнечных дней в море, в верстах семидесяти на северо-запад от острова,

показались высокие скалистые горы ещё одной неведомой земли. Потом погода испортилась, земля исчезла.

Третья земля. Исследования продолжались. Закончив объезд северного берега острова Фадеевского, Санников вернулся на остров Новая Сибирь и вновь далеко на севере усмотрел вершины гористой земли. На этот раз собаки были сыты и отдохнувшие. Упряжка неслась изо всех сил. Якову казалось, что ещё немного, вёрст двадцать, и он вступит на нехоженую твердь! С высокого тороса Санников увидел впереди тёмную полосу. Она ширилась и росла, пока не превратилась в полынью, протянувшуюся по всему горизонту. Несколько дней спустя он попытался достичь неведомой земли с острова Фадеевского, но в тридцати верстах от берега опять упёрся в полынью. А неведомая земля исчезла, испарилась посреди океана, как призрак...

Несмотря на то, что Санников лишь издали наблюдал новые земли, его авторитет первооткрывателя был настолько высок, что две из трёх виденных им земель картографы того времени нанесли на карты: одну к северо-западу от острова Котельного (вторая земля), другую к северу от островов Фадеевского и Новой Сибири (третья земля).

Так началась история, которая не давала покоя многим учёным и путешественникам на протяжении более ста лет!

ОДИССЕЯ ЛЕЙТЕНАНТА АНЖУ

В 1820 году Морское министерство поручило лейтенанту российского флота Петру Анжу предпринять

поиски земель, виденных промышленником Санниковым, описать их и нанести на карту. Через год, как только установился наст, отряд Анжу с материка переправился по льду на остров Котельный. На архипелаге свирепствовали метели. Ночью палатки доверху заносило снегом.

День за днём отряд двигался вдоль острова на северо-запад. Метель улеглась. Но кругом всё равно ничего не видно, кроме снежной равнины, над которой равнодушно плыло холодное светило. Остров остался позади, начались океанские торосы, веками нагромождённые, никогда не тающие ледяные горы высотой до 30 метров. Люди, помогая собакам, подталкивали нарты, а достигнув вершин, с огромной скоростью неслись вниз, рискуя переломать сани или задавить собак. Вдруг кто-то с высокого тороса заметил у горизонта контуры неизвестной земли. Земля! Вперёд! Быстрее вперёд! Через несколько часов показались горы и отдельные скалы. Анжу не сомневался, что на его долю выпала честь большого открытия. Но что происходит? Солнце сместилось, и вместе с изменением освящения неизвестная земля стала бледнеть, расплзаться в разные стороны, и наконец совсем растаяла. Это был просто мираж!

Лейтенант Анжу не сдавался. После непродолжительного отдыха он отправился на остров Новая Сибирь, чтобы продолжить поиски. У мыса Высокого путь ему преградил ненадёжный припаянный к берегу лёд, за которым виднелось открытое море с плавающими ледяными полями. Тогда отряд повернул на восток к мысу Рябого. В этом районе море было покрыто сплошным льдом. Анжу приказал держать курс на северо-восток.

Наплыл мокрый густой туман. Шубы и кафтаны покрылись коркой льда. Шерстяные чулки примерзали к телу. Издали доносился оглушительный треск ломающегося льда, будто палили из пушек. Дрова кончились. Чтобы согреть чай на привале, моряки разложили костёр из жердей от палатки. Лёд под ногами дрожал, грозя расколоться в любую минуту... Преодолев 25 вёрст пути, Анжу приказал повернуть обратно.

Последнюю попытку обнаружить Землю Санникова Анжу сделал с острова Фадеевского, когда далеко в море увидел синеву, которая обычно наблюдается над сушей в этом районе моря Лаптевых. Туда же вели олени следы. Этот путь привёл исследователя к гигантскому нагромождению торосов, которые действительно издали можно было принять за землю. Приблизжалась весна. Дальнейшие поиски не имели смысла.

Вернувшись на Большую Землю, Анжу отправил в Адмиралтейство донесение о том, что не обнаружил земель Санникова, но не отрицал их возможного существования. Поскольку на расстоянии 20-40 вёрст от Новосибирских островов экспедиция, как правило, встречала битый лёд и открытую воду, Анжу предложил использовать для поисков суши небольшое судно. Начальству такое предложение показалось слишком рискованным.

Земли Санникова продолжали оставаться загадкой.

ОТКРЫТИЯ ДЕ-ЛОНГА

Геденшторм сообщил учёному миру, что к северу от Новосибирских островов находится Великая северная полынью. Большую

открытую воду за дрейфующими льдами полярные мореплаватели видели и в других районах Арктики. Постепенно сложилась легенда о свободном ото льда море в районе Северного полюса.

В 1879 году американский путешественник Джордж Де-Лонг на шхуне «Жаннетта» попытался достичь Северного полюса со стороны Берингова пролива. Корабль был затёрт льдами и раздавлен, командир и большая часть экипажа погибли. Но во время дрейфа Де-Лонг открыл в северной части моря Лаптевых три острова и назвал их островами Жаннетты, Генриетты и Беннета. Многие географы задумались: а не знаменитые ли это три легендарные земли Санникова? Санников действительно мог видеть острова Бенетта и Генриетты с берегов Новой Сибири. До первого из них всего 130 км. Известны случаи, когда остров Столбовой и вершины Новой Сибири моряки видели за 200-300 км! Так или иначе, открытия американской экспедиции возродили интерес к землям Санникова.

ТРАГЕДИЯ БАРОНА

Эстафету поисков Земли Санникова перехватывает замечательный русский учёный и путешественник барон Эдуард Толль.

В 1886 году в составе экспедиции А.А. Бунге он занимался изучением ископаемого льда на северных берегах острова Котельного. В один из солнечных августовских дней проводник экспедиции якут Джергели вскинул руку и, указывая на северо-восток, крикнул: «Земля!». Присмотревшись, Толль увидел на

краю горизонта контуры четырёх гор, соединяющихся на востоке с пологой низменной землёй. Джергели, в седьмой раз летовавший на Новосибирских островах, рассказал, что несколько раз наблюдал эти горы, и каждый раз они потом исчезали в туманной дали океана. С этого дня призрак моря Лаптевых завладел умами нового поколения путешественников. Поиск Земли Санникова стал для барона Толля делом всей жизни.

Четыре года спустя Императорская Академия наук снарядила шхуну «Заря». 9 сентября 1901 года корабль вышел в район предполагаемого местонахождения Земли Санникова (77 с.ш. и 140 в.д.). Обнадёживали малые глубины, Толль видел в этом признак близкой земли. Но в тот же день путь судну преградил пояс мощных льдов. Обойти его не удалось. Дальше к северу кругом просматривались паковые льды.

Отважный барон принимает решение покинуть корабль и пересечь на собачьих упряжках острова Котельный и Фадеевский, пробиться через торосы к Новой Сибири, переправиться на каяках по морю на остров Бенетта и оттуда достичь загадочной и неуловимой Земли Санникова. Далёкий, трудный и очень опасный путь. Толль и его три спутника-добровольца поставили на карту свои жизни. Летом, если откроется вода, «Заря» придёт за ними на остров Бенетта.

«Заря» не смогла пробиться через льды, и два года о судьбе Эдуарда Толля ничего не было известно. В 1903 году спасательная экспедиция обнаружила на острове Бенетта наполовину занесённую снегом ветхую хижину, построенную

из плавника. В ней нашли ящик, обшитый парусиной. Его вскрыли топорами и извлекли оттуда дневник экспедиции Толля. Из записок следовало, что барон отчаялся найти Землю Санникова и склонялся к мысли, что её не существует. Толль сообщал, что, не дождавшись «Зари», намерен отправиться на юг. Очевидно, отважный барон и его спутники погибли в пути.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Несмотря на авторитетное мнение Эдуарда Толля, Земля Санникова продолжала занимать умы. Академик В.А.Обручев даже написал увлекательный роман «Земля Санникова», по которому снят замечательный фильм.

В 1913 году в море Лаптевых отправился ледокольный транспорт «Таймыр». Северо-восточнее Новой Сибири экспедиция открыла остров Вилькицкого, который, вероятно, и видел Санников. Через год в этом же районе был обнаружен остров Жохова. Что касается миражей, которые наблюдали Санников, Анжу и Толль, то это явление объясняется особенностями строения атмосферы и освещения в Арктике, когда отражения далёких берегов видны за многие сотни километров.

Земля Санникова, это русское Эльдorado, стало мощным стимулом географических открытий. Благодаря призраку моря Лаптевых, учёные и путешественники нанесли на карту и исследовали много новых земель, явили миру удивительные примеры мужества, верности долгу, терпения, беззаветного труда и самопожертвования во имя научной истины.

РОБИНЗОНЫ СУРОВОГО ШПИЦБЕРГЕНА

Хроника мореплавания богата самыми невероятными робинзоадами, но эта история превосходит всякую другую умением человека выжить даже в самых суровых условиях.

ОСТРОВ ЭЙДЖ

В мае 1743 года беломорский промышленник Еремий Окладников снарядил корабль к западным берегам архипелага Шпицберген¹, на которых русские поморы добывали моржа и тюленя. На девятый день плавания ветер переменился. Пробыться к традиционным местам охоты на морского зверя не удалось. Поморское судно пристало к острову Эдж² на юге-востоке Шпицбергена, чтобы дожидаться попутного ветра.

Утром следующего дня русские моряки увидели безотрадную картину: к берегу подступали льды. С каждым днём они подбирались всё ближе к кораблю, охватывая его в клещи. Опасность нарастала.

Штурман Алексей Инков вспомнил, что когда-то на этих берегах зимовали его земляки-мезенцы. Они привезли с собой лес и построили здесь хижину. Капитан принял решение отыскать место зимовки предшественников на случай, если придётся покинуть корабль. Штурман и три матроса отправились на разведку, взяв с собой ружьё, порох и пули на двенадцать зарядов, топор, котелок, двадцать фунтов муки, огниво и трут, нож, табак и курительные трубки.

Остров был пуст и необитаем. На горизонте вздымались острые чёрные вершины, под ногами камни и лёд. Холодный ветер сёк лица.

Избушку обнаружили к концу дня на соседнем острове Полумесяца, на который моряки перешли по ледяным торосам. Просторный домик с сенями и печкой при небольшом ремонте был вполне пригоден для зимовки. К вечеру погода испортилась, ветер усилился, по всем признакам надвигался шторм. Штурман с матросами решили заночевать в домике, а рано утром

поспешили обратно, чтобы обрадовать хорошими вестями своих товарищей.

Охотники преодолели последний крутой гребень, и открылся берег, который они покинули накануне. Все четверо как по команде замерли. Серое, пустынное, свободное ото льда море представило ужасную картину: корабль исчез. Ночной шторм разметал льдины, которые могли раздавить судно. Оставалась надежда, что корабль успел выйти в открытое море, и за моряками вернуться. Но ни в ближайшие, ни в последующие дни этого не случилось. Судно пропало без вести. Четыре моряка – штурман Алексей Инков, его двоюродный брат Хрисанф Инков, Степан Шарапов и Фёдор Веригин – остались одни, почти без припасов на необитаемом острове с суровым климатом, в полутора тысячах километров от родного дома, на 77-м градусе северной широты.

ТРУДЫ И ДНИ РОБИНЗОНОВ

Опытному штурману не раз приходилось зимовать в высоких широтах, правда, с запасом провианта, тёплой одеждой и топливом. Но отчаиваться и сетовать на судьбу не имело никакого смысла. Если они сами о себе не позаботятся, то умрут с голода или замёрзнут.

В первую очередь моряки отремонтировали стены хижины: укрепили брёвна, в дыры наткали мха, в изобилии росшего на острове. Затем занялись охотой на северных оленей, стада которых бродили на острове в большом количестве.

Надвигалась зима. В суровом арктическом климате не растут деревья, где же взять дрова? К счастью, к берегам острова волны регулярно прибывали деревянные обломки потерпевших кораблекрушение судов, а иногда даже большие деревья с корнями.

Когда вышел порох, встала проблема пополнения запасов мяса. Нужда стимулирует изо-

¹ Древнерусское название Грумант. Архипелаг посещался русскими охотниками на морского зверя с XI–XII века, задолго до его официального открытия голландским мореплавателем В.Баренцом в 1596 году.

² Русское название Марфин.

бретательность. Полярные робинзоны соорудили кузницу. Из железных предметов, которые встречались в обломках кораблей, они наковали наконечники для копий и стрел. Из веток и корней деревьев изготовили рогатины, лук и стрелы. Жилы убитых оленей пошли на крепление и тетиву.

С таким первобытным вооружением моряки с большим риском для жизни убили белого медведя. И хотя удачная, но опасная охота надолго обеспечила их мясом, они решили больше без крайней нужды не нападать на свирепых хищников и избегать встреч с ними. Но зимой медведи часто сами подходили к жилищу людей. Некоторые из хищников были настолько настойчивы в своих попытках забраться внутрь, что, обороняясь, приходилось их убивать. За шесть лет робинзонады поморы убили десять медведей, 250 оленей и великое множество песцов. К сожалению, в море не было рыбы, а птицы, моржи и тюлени для своих колоний облюбовали другие берега.

Мясо вялили и коптили, ели без соли и без хлеба. Летом жажду утоляли из ручьёв, зимой растапливали снег и лёд. Чтобы не заболеть цингой, употребляли в пищу сырое мясо, пили тёплую кровь только что убитых оленей, ели ложечную траву (*Cochlearia*) – замечательное противцинготное средство, проверенное многими поколениями поморов. На охоте много двигались, что тоже способствовало укреплению здоровья. Хрисанф Инков – самый молодой из поморов – так наловчился бегать, что догонял оленя и на ходу поражал его копьём! Заболел только Фёдор Веригин. Он так и не смог преодолеть отвращение к оленьей крови, был ленив и почти всё время оставался в хижине.

Чтобы уменьшить расход дров на поддержание огня и обеспечить освещение хижины, моряки слепили из глины лампаду, наполнили её жиром убитых животных, приспособили фитиль из изношенной материи одежды.

Стоило решить одну проблему выживания, как следом возникла другая. Одежда быстро ветшала. Моряки принялись за выделку кож. Вымачивали оленьи шкуры в пресной воде, потом соскабливали с них шерсть и пропитывали растопленным оленьим салом. Мяли их в руках, пока кожа не становилась мягкой и эластичной. Наковали игл и оленьими жилами сшили себе новую прочную одежду и обувь. Шкуры медведей и песцов пошли на шубы и постели.

Первая зимовка прошла в надежде, что весной за ними придёт корабль. Четырёхмесячную полярную ночь, когда солнце вообще не поднималось из-за горизонта, заброшенные на край земли поморы коротали в хижине при тусклой лампадке за разговорами и воспоминаниями о своих родных и близких, не покидая надолго своего убежища. Алексей Инков зарубками аккуратно вёл календарь, отмечая в нём каждый прожитый день. Затяжной снегопад заваливал домик по самую крышу, и тогда приходилось откапываться.

Весной моряки сложили на каменистых гребнях плавник под сигнальные костры на случай

появления корабля в прибрежных водах. Но тщетно они надеялись на помощь. Наступившее лето и несколько за ним последовавших оказались настолько холодными, что поля льда у берега так и не растаяли. Море оставалось скованным на многие мили. Даже если капитан какого-либо судна и надумал бы пристать к берегу необитаемого острова, он всё равно не смог бы этого сделать. Оставалось уповать только на милость Божию.

В трудах и заботах прошло около шести лет. Фёдор Веригин, не встававший последние годы с постели, умер зимой 1749 года. Его похоронили в глубокой снежной могиле. И хотя эта смерть избавила большого от страданий, а его друзей от многих хлопот по уходу за ним, они искренне горевали о товарище. Смерть друга напомнила им о возможном печальном конце каждого из них на этой Богом забытой земле.

НЕОЖИДАННОЕ СПАСЕНИЕ

Через шесть лет и три месяца арктической робинзонады, когда моряки уже потеряли всякую надежду вернуться домой, 15 августа 1749 года в пределах видимости появился поморский корабль! Робинзоны подожгли костры и побежали к берегу, крича и размахивая копьями с привязанными к ним оленьими кожами. На судне заметили отчаянные призывы о помощи и пристали к берегу. Радости троих моряков не было предела. Они не могли устоять на месте, бросались обнимать своих спасителей, смеялись и плакали одновременно.

Капитан корабля Амос Корнилов, из староверов, разведывал на Шпицбергене промыслы, так как в течение шести лет из-за сильной ледовитости к архипелагу никто из поморов не плывал. Он согласился взять на борт островитян и доставить их в Мезень за 80 рублей. Робинзоны погрузили на корабль 50 пудов запасного оленьего сала, множество выделанных кож и мехов, которые выгодно продали в Архангельске, расплатились с капитаном и с прибылью отправились домой.

Когда корабль приставал к родному берегу, на пристани случайно оказалась жена Алексея Инкова. Увидев супруга, которого считала давно погибшим, она в шоке прыгнула в воду, чтобы вплавь добраться до судна. С борта ей бросили верёвку и вытащили прямо в объятия «воскресшего» любимого мужа.

Дома моряки долго не могли привыкнуть к хлебу, жаловались, что он пучит живот, как и все другие напитки, кроме воды. Заново пришлось привыкать и к насекомым – на Шпицбергене не было ни блох, ни вшей.

История беспримерной робинзонады стала известна в Петербурге. Ею заинтересовался М.В. Ломоносов, по приказу графа П.И. Шувалова братьев Инковых доставили в столицу, где учёные мужи записали рассказ поморов.

О дальнейшей судьбе наших героев мало что известно, кроме трагической гибели Хрисанфа Инкова и двух его сыновей во время зимовки на Новой Земле в 1778 году.

*В 1912 году из Петербурга отправилась
в плавание шхуна «Святая Анна»
под командованием лейтенанта Г.А. Брусилова.
Экспедиция намеревалась пройти северным морским путём
во Владивосток.*

СТО ДНЕЙ ШТУРМАНА АЛЬБАНОВА

ДРЕЙФ «СВЯТОЙ АННЫ»

У полуострова Ямал корабль попал в «капкан»: вмёрз в паковый лёд и вместе с ним в течение двух лет дрейфовал на север. Вся команда переболела цингой, отношения между Брусиловым и его первым помощником штурманом Альбановым вконец испортились. Продовольствия на третью зимовку не хватало. В сложившейся обстановке Альбанов принял решение покинуть судно и по льду добираться до Земли Франца Иосифа. К нему присоединилось ещё 13 человек. 10 апреля 1914 года отряд Альбанова, погрузив на нарты каяки, снаряжение и продовольствие отправился в путь на юг. «Святая Анна» находилась на 83°17 с.ш. и 60°45 в.д.

Обледенелые мачты и снасти «Святой Анны» скрылись за первыми торосами. О судьбе шхуны и оставшихся на ней людей до сих пор ничего не известно.

К ЗЕМЛЕ АЛЕКСАНДРЫ

Налегая на лямки, моряки тянут за собой по глубо-

му снегу гружёные нарты. На пути встают целые хребты торосов. Вокруг – безмолвная, залитая солнцем, ледяная пустыня.

Пригревает солнце. Снег покрылся тонкой гладкой коркой, отражающей свет. У всех начали болеть глаза, безостановочно текут слёзы. Впереди не дорога, а сплошной частокол изо льда.

Первая широкая полынья. Подстрелили несколько тюленей. Удачная охота подняла настроение моряков. Тюлений жир пополнил запасы топлива, а из мяса сварили питательную похлёбку. В бинокль Альбанов рассмотрел у противоположного берега кашу из битого льда, через которую на каяках пробраться невозможно.

Отдохнули два дня, пока полынья не затянулась молодым льдом. Переправились и снова изо дня в день однообразная, изнуряющая битва с торосами. За день проходили около трёх километров.

Матрос Баев вызвался пойти на разведку – поискать более ровный лёд – и пропал. Альбанов послал поисковую группу. Но к вечеру поднялась метель, следы замело. Баева не нашли.

Снова дни пути. Торосы сменились трещинами и полыньями. Когда их не удавалось обойти, снимали с нарты каяки и переправлялись по воде. Два матроса заболели цингой, обессилили, плюют кровью.

Продовольствие на исходе. Консервированного мяса давно нет. По расчётам Альбанова, они уже должны были достигнуть Земли Рудольфа – самого северного острова в архипелаге Земли Франца Иосифа. Бросали лот, вытравивали более 200 метров, но дна не достали. Где же земля? Вероятно, отряд сносит на запад вместе с дрейфующими льдами.

Матрос Конрад застрелил медведя! Вместе с мясом путешественники получили и топливо – мишка оказался очень жирным.

В конце мая льдина, на которой поставили палатку, пришла в движение. Прорезавшиеся полыньи вокруг неё заполнились обломками льда. Каналы и разводья то сжимались, то раздвигались. Сниматься с места и идти дальше – слишком опасно, равноценно самоубийству. Альбанов принял решение остаться на льдине.

Начался дрейф на юг. Моряки занялись охотой на

тюленей. Животные часто всплывали и с удивлением рассматривали людей. Матрос Луняев, лучший стрелок в отряде, обычно не промахивался.

За сутки льдина проплывала в среднем 100 километров. Альбанов опасался, что так их пронесет мимо Земли Франца Иосифа. В ясные дни он поднимался на самый высокий ропок* и внимательно оглядывал горизонт. 9 июня далеко на востоке штурман заметил на голубом небе выпуклую серебристо-матовую полосу. По всем признакам – это была земля. Штурман приказал сворачивать лагерь.

Подгонять никого не приходилось – все мечтали поскорее попасть на сушу. С одной льдины на другую через полыньи, забитые мелким льдом, переправлялись на каяках. Погода испортилась. Пошёл мокрый снег с дождём и все вымокли до нитки.

Шли дни, а остров на горизонте, как заколдованный, ближе не становился. Матросы выбились из сил. Ложились на лёд и отказывались идти дальше, предлагали остановиться и отдохнуть несколько дней. Но железный штурман вновь и вновь поднимал товарищей. Надо как можно скорее попасть на сушу, пока льды не протащили полярников мимо земли.

Наконец начал попадаться лёд с приставшими кусками водорослей, песка и камней. Земля близко!

На одной из стоянок, взяв с собой каяк, часть снаряжения и продовольствия, сбежали два матроса. В ярости Альбанов пообещал лично пристрелить негодяев, если отряд нагонит их. В запасе осталось два килограмма сухарей, двести грамм сухого бульона и фунт соли.

Отряд выбрался на небольшую льдину, и через пролив

люди увидели огромный отвесный ледник, спускавшийся с вожделенного острова прямо в море. В одном месте в вертикальную трещину шириною в два метра намело снега, который с годами утрамбовался и заполнил её доверху. Столкнули каяки в воду и, расталкивая небольшие льдины вёслами, пристали к этому желобу. Выдолбили топором ступени, поднялись сами и втащили на вершину ледника всё снаряжение. Покинутая незадолго до этого льдина лопнула и перевернулась.

С вершины ледника на западе проглядывался чёрный мыс. Обвязавшись верёвками, чтобы не провалиться в припорошённые снегом возможные трещины, альбановцы начали спуск. И вот под ногами каменистая земля, из-за скал доносится оглушительный, не прекращающийся ни на секунду шум. Что это? Птичий базар! Тысячи непуганых птиц и свежие яйца! Этот клочок бесплодной суши показался путешественникам земным раем.

Отправились на охоту. В ответ на выстрелы послышался человеческий крик. Показалось? Крик повторился. Вдруг Альбанов увидел идущего к ним человека. Это был один из сбежавших матросов. Он плакал и умолял простить его. Появился и второй дезертир. На радостях Альбанов простил предателей.

На мысе оказалось много плавника. Запылал костёр, изголодавшиеся моряки наслаждались жареным гагачьим мясом и яичницей.

Осмотрев окрестности, матросы наткнулись на сложенный из камней холм правильной формы. Рядом лежала бутылка из-под английского пива. Разбросав камни, полярники нашли ещё одну бутылку с запиской на английском языке. В ней британский капитан Джексон сообщал, что в августе 1897 года он отправился с мыса Флора на запад

от Земли Франца Иосифа, затем высадился на мысе Мэри Хармсуорт, где и оставил эту записку. Альбанову всё стало ясно: они находились на мысе Хармсуорт Земли Александры.

К МЫСУ ФЛОРА

Заготовив впрок птичье мясо и яйца, Альбанов решил достигнуть мыса Флора на острове Нордбрук, где Джексон построил в своё время зимовье с запасом продовольствия.

Штурман разделил свой отряд на две партии. Одна пошла на каяках с грузом вдоль берега, вторая налегке по леднику на лыжах. На ночлег собирались на суше в укромных бухточках. За день проходили до 35 километров.

Однажды береговая партия не появилась в лагере. Матросы пришли только через день и принесли плохую новость: по дороге отнялись ноги у их товарища Архиреева. Несколько часов назад он умер.

Смерть матроса плохо подействовала на его спутников. Они просили Альбанова не спешить, отыскать в скалах пещеру и хорошо отдохнуть несколько дней. Но Альбанов не мог себе позволить такую роскошь, как отдых. Для этого у них нет достаточного количества продовольствия. И пока море свободно ото льда, надо спешить к мысу Флора.

У мыса Гранта, южной оконечности Земли Александры, подул холодный шквалистый ветер. На каяках поставили паруса. Брызги окатывали сидящих в лодках моряков. Они промокли и дрожали от холода. Вечером пошёл снег, мгла накрыла суровое море. Альбанов пристал к берегу. Развели костёр, начали сушиться.

Береговой отряд опять запаздывал. Когда распогодилось, штурман с Луняевым пошли его искать, но безре-

* ропок – стоящая на ребре льдина

зультатно. Альбанов не мог ждать бесконечно. Его спутники Нильсен и Шпаковский были больны, необходимо как можно быстрее добраться до мыса Флора. В конце концов Альбанов решил, что матросы береговой партии самовольно решили расположиться на отдых где-нибудь в укромном местечке.

На двух каяках с четырьмя матросами штурман устремился к острову Белль. От него до мыса Флора – рукой подать. Ветер стих. Гребли десять часов без остановки. Измученные, продрогшие и мокрые, моряки причалили к льдине, отдохнули на ней несколько часов и вновь отправились в путь. Нильсен уже не мог грести. У него отнялся язык, в ответ на расспросы он только мычал.

На острове Белль Нильсен умер. Над телом товарища молча возвели холм из булыжников. Смерть Нильсена не стала для его спутников чем-то необычным или необычным – смерть стояла за спиной каждого из них.

Осталось преодолеть последнее препятствие – пролив Миэrsa, разделяющий острова Белль и Нордбрук, около десяти миль. Поплыли при тихой и солнечной погоде. Когда каяки были уже на середине пролива, поднялся сильный ветер, задуло как из аэродинамической трубы. Одновременно начался отлив, лодки понесло в открытое море. В тумане между плавучими льдами Альбанов потерял из виду второй каяк. Штурман решил пристать к айсбергу и переждать, пока ветер не уляжется.

На вершине ледяной горы оставшиеся вдвоем Альбанов с матросом Конрадом воткнули флагшток для ориентира потерявшимся матросам, а затем улеглись на ночлег. Проснулись от ужасного треска. Айсберг накренился, и люди упали прямо в ледяную

воду. Следом за ними полетело снаряжение и каяк. Барахтаясь в воде, моряки нащупали под ногами подводную часть айсберга, наспех покидали в лодку всё, что успели поймать, забрались в каяк сами, отжали одежду и принялись изо всех сил грести к ближайшему острову Белль. Через шесть часов, вконец ооченевшие, они высадились на берег. Пытаясь согреться, начали бегать, как сумасшедшие. Разломали нарты и развели костёр. Живительное тепло возвращало к жизни.

На остров Нордбрук благополучно переправились на следующий день, 9 июля. Вероятно, Колумб волновался меньше русских моряков, когда высаживался на берега Америки. Сохранилась ли база Джексона?

Еле переставляя ноги, Альбанов и Конрад из последних сил тащились вдоль берега. На утёсах гнездились птицы, со скал сбегали водопады. За очередным поворотом показался настоящий бревенчатый дом, потом ещё одна постройка. У глубокого оврага лежал промысловый бот. Это была база Джексона!

На пути к цели Альбанов и его спутник преодолели в тяжелейших условиях более трёх тысяч километров!

Когда моряки немного отдохнули и осмотрелись, они обнаружили продовольственный склад. В ящиках лежали сухари, галеты, шоколад, яичный порошок, консервированное мясо баранины, свинины и крольчатины, масло и колбасы в запаянных банках, копчёная сельдь, чай, сахар, сушёные фрукты и картофель, прессованная зелень... Нашлись аптечка с лекарствами, ружья и патроны, компас, секстант, хронометр, домашняя утварь, большой запас дров... До чего предусмотрительный народ эти англичане!

«СВЯТОЙ МУЧЕНИК ФОКА»

Альбанов заболел, метался в горячке. Купание в проливе и нервное напряжение последних дней не прошли для него даром. Конрад приводил в порядок базу, готовился к зимовке.

20 июля 1914 года выздоравливающий штурман вышел из дома подышать свежим воздухом, бросил взгляд в сторону моря и замер, как статуя. Сквозь туман явственно проступал корпус судна, между мачтами из трубы вился дымок. Когда к Альбанову вернулся дар речи, он истошно закричал: «Корабль! Корабль идёт!». На вопль выскочил Конрад, внимательно всматриваясь в лицо товарища: не сошёл ли он с ума? Альбанов забрался на крышу дома и стал палить из ружья. Но было видно, что корабль и так намеревается пристать к мысу Флора.

Штурман побежал к каяку и поплыл навстречу кораблю. На борту его заметили, замахали шапками, спустили шторм-трап.

Это был «Святой мученик Фока», барк капитана Седова, возвращавшийся в Мурманск из экспедиции к северному полюсу. Сам Седов погиб во время похода, судном командовал штурман Сахаров. «Святой Фока» завернул на мыс Флора, чтобы разобрать часть построек базы Джексона на топливо.

Через пять дней корабль, паля из пушек, прошёл ввиду острова Белль и мыса Грант. Альбанов надеялся, что пропавшие моряки со второго каяка и берегового отряда живы и откликнуться на призывы. Но суровый берег молчал, на чистом снегу не было заметно никаких следов.

Сто дней борьбы за жизнь штурмана Альбанова закончились. В истории освоения Арктики немного найдётся таких примеров мужества, стойкости, воли к жизни, к победе.

Из Харбина в Магадан

*Летом 2016 года свой юбилей отметила уникальная женщина, редактор, журналист и преданный всем сердцем Магадану человек — Лидия Николаевна Ягунова.
Судьба её — увлекательная история, которая тесно переплетена с историей нашего края.*

Лидия Николаевна родилась в русской семье в городе Чань-Чуне, бывшей столице Маньчжоу-Го, в 1921 году. Спустя несколько месяцев родители переехали в город русской эмиграции — Харбин, а потом в маленький русский городок с красивым православным храмом — Хайлар на Восточно-Китайской железной дороге.

**Екатерина и Николай Сафроновы. Маньчжурия.
Начало XX века**

Отец, Николай Александрович Сафронов, был скромным служащим, бухгалтером, на КВЖД. Мать — Анна Родионовна Сафронова (в девичестве Шильцева) занималась воспитанием единственной дочери. В 1912 году юного Николая пригласила старшая сестра Екатерина приехать к ней в Маньчжурию. Муж её, Александр Лавров, работал в русском консульстве на КВЖД. Анну, перед поступлением в Тимирязевскую академию,

позвал брат отдохнуть у него на станции Юмынь тоже на КВЖД. Мечты Ани об учёбе в Москве рухнули. Вернуться домой помешала революция. Октябрь 1917-го перекрыл все пути назад, в Россию. Вот так родители Ягуновой оказались приговорёнными к Маньчжурии. Но быть русскими не перестали.

Лида училась в Хайларской русской гимназии по ещё дореволюционной программе. Изучала Закон Божий, точные и гуманитарные науки, языки. Танцы преподавал уже старенький бывший танцовщик Мариинского театра. Закончив гимназию с золотой медалью, Лидия поступила в Харбине в Высший институт иностранных языков (так в СССР официально называли это учебное заведение) и получила диплом с отличием.

Преподавание в институте велось только на английском. Беседы по-русски даже на переменах были запрещены и строго наказывались. Среди всех дисциплин английского факультета был один-единственный, особенно дорогой студентке из Хайлара, предмет на русском — современная русская литература. Чтение до сих пор самое любимое занятие Лидии Николаевны. Эта страсть, наверное, предопределила её профессиональную судьбу.

По окончании иняза Лида вернулась к родителям в Хайлар и в 1941-м стала литсотрудником газеты «Захинганский голос», которая издавалась под протекторатом японцев. Как ни странно, в годы Великой Отечественной войны писать что-либо о Советском

Союзе было строго запрещено. В мае 1945-го Лидия уехала в Харбин и устроилась преподавателем вечерних курсов английского языка в родном институте.

В 1946 году в Свято-Николаевском кафедральном соборе в Харбине Лидия Николаевна навсегда связала свою жизнь с любимым человеком. Дмитрий Яковлевич Ягунов родился в 1920 году в Харбине. После окончания Северо-Маньчжурского университета работал инженером-электромехаником на Английском фанерном заводе. Когда завод закрылся, организовал собственную радиомастерскую в самом центре города. Здесь собирались радиолюбители, чтобы обсудить последние новости.

Первенец супругов – Владимир, сделал жизнь молодой пары ещё счастливее, но прожил только полгода... Велико было их горе, но родились ещё двое детей – сын Николай и дочь Наталия.

В 1949 году в Китае победила коммунистическая партия. Начались чистки, аресты, расстрелы. Сначала они касались только китайцев.

5 декабря 1950 года в дом Лидии Николаевны пришла беда: муж не вернулся домой с работы. Два с половиной года молодая женщина провела в безывестности, отчаянии и бесконечных метаниях между советским консульством и китайской полицией. Получить хотя бы какую-нибудь информацию о судьбе мужа было невозможно.

Лидия Николаевна устроилась на подготовительный факультет Харбинского политехнического института. Там она преподавала русский язык китайцам аспирантам.

В 1953 году произошло знаменательное событие – умер Сталин. Вышло постановление об амнистии осуждённых на срок до пяти лет. Появилась

Русско-Китайский техникум в Харбине

надежда узнать, может быть, где Дмитрий Яковлевич.

В апреле 1953 года родители Лидии в Хайларе получили от зятя телеграмму. Он писал из Магадана (о таком городе семья даже не слышала), спрашивал про жену и детей. Как оказалось, Дмитрий был арестован как «социально опасный элемент» со сроком наказания пять лет. После освобождения первое время работал слесарем на Магаданском промкомбинате. У него в бараке была крохотная комната в одиннадцать квадратных метров. Но ни минуты не сомневаясь, Лидия Николаевна решила приехать в далёкий незнакомый город. И обязательно вместе с родителями, благодаря которым она с двумя маленькими детьми выжила в это страшное время.

Почти два года заняли у Дмитрия хлопоты по получению визы для семьи. Только 19 августа 1955 года они, безмерно счастливые, встретились наконец на магаданской земле. Здесь начинается новый этап жизни Лидии Николаевны и её семьи. Но Харбин останется для неё особым местом. Она сумела на долгие годы сохранить дружеские связи с сокурсниками, разбросанными волею судьбы по всему свету. После отъезда из Харбина они жили в Австралии, Англии, Америке и лишь немногие – в России. Лидия Николаевна вспоминает, что у неё не было чувства привыкания к Магадану. Город покорила её своим дружелюбием, стал сразу своим. Это была с детства горячо любимая Родина-мечта – Россия. Где бы потом она ни находилась – в Париже, Лондоне, Флоренции (именно Магадан дал ей возможность путешествовать), душа её оставалась в любимом городе.

Первое место работы – Магаданская вечерняя школа рабочей молодёжи. Там Лидия Николаевна преподавала английский язык в пятом-десятом классах с 1955 по 1958 год. Работала вдохновенно, с интересом. К концу первого года её уже уговаривали перейти в дневную школу. Но летом, во время каникул, она прочитала объявление: «Магаданской типографии требуется квалифицированный корректор».

Первый Новый год в Магадане

Лидия Николаевна прежде корректурой не занималась, однако в типографию всё-таки пошла, считая, что четыре года преподавания русского языка в институте дают ей на это право. После собеседования из большого числа претендентов выбрали её. Работа Лидии Николаевне понравилась. Даже осенью, когда кончились каникулы, она не оставила типографию. Днём занималась корректурой, а вечером вела уроки.

В 1958 году её пригласили работать корректором в Магаданское областное книжное издательство, которое позднее помещалось в Доме связи на проспекте Ленина (этого здания, к сожалению, больше не существует). И ещё четыре года Лидия Николаевна совмещала работу в школе с работой корректора. Нагрузка была большая. Сидеть на двух стульях, имея детей, постоянно было невозможно. Пришлось выбирать между любимыми занятиями. Она выбрала русский язык, хотя до последних лет жизни в Магадане английский не оставляла – были ученики, занималась сама.

Проработав несколько лет корректором, Лидия Николаевна почувствовала, что эта профессия её больше не удовлетворяет. В 1963 году открывается другая страница её профессиональной жизни. Она с радостью приняла предложение журнала «Колыма» Северовостокзолота и стала его литсотрудником.

Дом связи, в котором располагалось Магаданское областное книжное издательство. 1950-е годы

Производственно-технический журнал «Колыма» издавался в Магадане с 1936 года. Вся история периодического издания неразрывно связана с горнодобывающей промышленностью. Это издание – хроника промышленного освоения огромного региона, история развития крупнейшей в стране структуры по добыче драгоценных и цветных металлов, солидный научный журнал и практическое пособие для специалистов многих отраслей народного хозяйства.

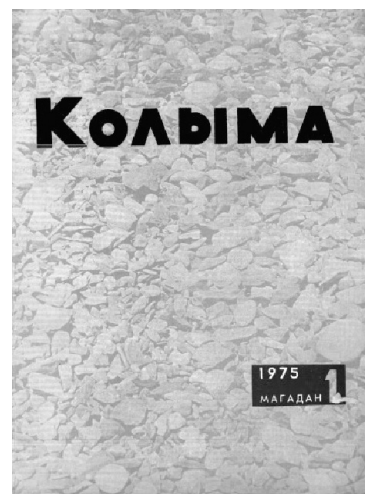
Многие материалы журнала были посвящены жизни предприятий и коллективов,

истории деятельности Дальстроя и Северовостокзолота.

В «Колыме» по штатному расписанию Л.Н. Ягуновой полагалось и корректурой заниматься, и писать свои материалы, и редактировать чужие. В том же 1958 году её пригласили работать на полставки редактора в Магаданское областное книжное издательство.

Магаданское книжное издательство возникло на базе издательства «Советская Колыма», занимавшегося в основном тиражированием ведомственной документации, переизданиями правительственных документов, лучших произведений советской и зарубежной литературы, материалов из центральных газет.

Позже, с образованием в декабре 1953 года Магаданской области организация занялась изданием и переизданием художественной литературы, в том числе произведений о жизни северо-восточных районов нашей страны и произведений местных авторов, массовой общественно-политической литературы, выпускало литературу на языках народностей Севера.

Коллектив Магаданского книжного издательства. 1979 год

Большой вклад в становление и развитие издательства внесли Т.П. Матвеев, Н.В. Козлов, П.Г. Морозов, Л.Н. Стебакова, Л.А. Савельева, Л.Г. Тынель, М.П. Легков, П.П. Нефёдов, А.М. Бирюков, В.И. Першин, В.И. Огрызко, другие и, конечно, Л.Н. Ягунова.

Когда Лидия Николаевна пришла в издательство, редактором мог быть только человек партийный, а она в коммунистической партии не состояла. Только в 1968-м, проверив и перепроверив всё, оценив по работе, её окончательно оформили редактором. Сама Лидия Николаевна предполагает, что, мо-

жет, помогло то, что она шесть лет училась в Институте марксизма-ленинизма и окончила факультеты философии, международных отношений и журналистики. Но до конца существования издательства она так и оставалась единственным беспартийным редактором. Более тридцати лет, до 1994 года, Л.Н. Ягунова проработала в издательстве. Ей было присвоено звание «Заслуженный работник культуры РСФСР». Авторы книг, которые издавались в Магадане, были довольны, если их редактировала Лидия Николаевна. Они доверяли её художественному вкусу, её эрудиции.

Среди сотрудников было немало писателей и поэтов. Это Н.В. Козлов, П.П. Нефёдов, В.И. Першин, М.Ф. Фролова, О.Н. Гусаковская, А.М. Бирюков, В.И. Данилушкин, Е.И. Наумов. Общение с ними, а иногда и дружба, обогащали, радовали. Участвуя в создании серии «Дальневосточная историческая библиотека» (Хабаровск), она познакомилась лично и много лет переписывалась с московскими историками А.И. Алексеевым, Л.А. Гольденбергом, известным членом Московского географического общества С.Р. Варцавским. Руководство издательства высоко ценило знания Ягуновой, её талант.

Л. Н. Ягунова обсуждает новое издание «Место действия – Колыма» с магаданскими писателями В. И. Данилушкиным, П. И. Цыбулькиным, заведующей сектором краеведческой библиографии МОУНБ имени А.С. Пушкина С. И. Симоновой и журналистом Г. Я. Радченко. МОУНБ имени А.С. Пушкина. 2009 год

С 1994-го по 2012 год Лидия Николаевна работала редактором Магаданской областной универсальной научной библиотеки имени А.С. Пушкина, куда её пригласила Нина Львовна Кошелева (почётный гражданин Магадана, заслуженный работник культуры РСФСР, возглавляла областную библиотеку имени А. С. Пушкина с 1974-го по 2001 год). Здесь Лидия Николаевна, вновь после окончания факультета журналистики, начала писать статьи, посвящённые теме культуры, иногда под псевдонимом Татьяна Ларина.

История псевдонима берёт начало в детстве Лидии Николаевны. В десять лет она впервые прочитала «Евгения Онегина» великого русского поэта. Образ провинциальной девушки Татьяны пленил её. Уже будучи студенткой, когда три стихотворения юной Лидии Сафроновой «Анна Павлова», «Пасхальный звон» и «Утешение» Листа опубликовали в харбинском литературно-художественном журнале «Рубеж», она подписала их именем пушкинской героини. Это было настоящим событием в жизни Лидии Николаевны, потому что в этом издании публиковали стихи известных поэтов. Потом стали происходить разные жизненные события, и Лидии было уже не до стихов и других публикаций. Татьяна Ларина воскресла лишь в Магадане, спустя десятилетия, во время работы в областной библиотеке имени А. С. Пушкина.

Сейчас Лидия Николаевна живёт в Москве в семье любимой дочери Наташи. Общается с друзьями, с внучками (три из них в Москве, четвёртая в Италии), с восемью правнуками. Иногда бывает в театре, очень много читает, с удовольствием сама учит язык своих итальянских правнуков. Теперь, когда у неё появился свой ноутбук, она переписывается с друзьями.

В Магадане похоронены её родители, муж и сын Коля, рядом с которым прожита почти вся её жизнь.

В 1975 году ушёл из жизни Дмитрий Яковлевич, специалист отдела кинофикации обкома профсоюзов, талантливый рационализатор, штатный заместитель председателя Магаданского совета научно-технических обществ. Лидия Николаевна и Дмитрий Яковлевич вырастили прекрасных, умных детей. Дочь Наталия, уехала в Москву. Там поступила в Московский педагогический институт имени В.Ленина, как и мама, на факультет английского языка. Сын Коля пошёл по стопам отца, закончил Магаданский областной политехнический техникум. Всю жизнь прожил в родном Магадане. Полвека своей магаданской жизни Лидия Николаевна Ягунова провела среди писателей, поэтов и журналистов Колымы. Она считает себя счастливым человеком: «Мне просто повезло, что вся моя трудовая жизнь была связана с родным русским языком. Работа литсотрудника, преподавание русского языка, работа корректора, редактора – все эти виды деятельности милы моему сердцу. По образованию я ведь преподаватель английского, но так, считаю, счастливо сложилась моя судьба, что занималась всегда любимым делом».

Полина ФАТТАХОВА,
студентка Северо-Восточного
Государственного университета

г. МАГАДАН

Олег МОШНИКОВ

НА НЕДЕЛЬКУ, ДО ВТОРОГО Я УЕДУ В ПИКАЛЁВО

Сойдя с поезда, по велению вольного вепсского сердца, на станции города Пикалёва, я был встречен своим другом поэтом Юрием Лепиковым и сопровождён в местный краеведческий музей – музей Бокситогорского района Ленинградской области, где исконно обитали люди моего древнего племени. Экскурсия на археологическую выставку «С древнейших времён до средневековья» началась с казуса – в виду экономии, свет в здании включали с первыми зимними сумерками в три часа дня... Но тем таинственней, загадочней было наше приобщение к миру, быту моих далёких предков – летописной веси.

Обстоятельной и вдумчивой была беседа сотрудника музея Нины Ткаченко, начавшаяся с палеозоя, с представителей первичных форм животного мира Бокситогорского района, бывшего тогда морским дном. Далее – по мере чередования экспонатов – шли (в описании и фрагменте бивня) обитающие и вымершие в Кайнозойскую эру, около края периодически тающего и движущегося

ледника, шерстистые носороги и мамонты. С отступлением последнего ледника, вслед за северным оленем, около 9 тыс. лет назад эта территория стала осваиваться людьми. Проникшие сюда из Волго-Окского междуречья группы людей через некоторое время, на рубеже 7–5 тыс. лет до н.э., столкнулись с населением, продвинувшимся из Прибалтики. Они оставили свои поселения, времён мезолита, на реках Лидь и Колпь. В Бокситогорском районе обнаружено на сегодняшний день 26 стоянок человека периода неолита. В экспозиции представлены каменные топоры и наконечники стрел, керамическая посуда с ямочно-гребенчатым орнаментом. Также здесь находятся обломки выпуклодонного сосуда бронзового века, который проходил на территории района со 2 тыс. до н.э. до середины 1 тыс. до н.э. Обломки обнаружены на стоянке у д.Забелье. Сосуд украшает орнамент, представляющий собой древнейшую надпись, написанную слитно. Все линии и сами знаки письма подчеркнуты острым предметом

по сырой глине до обжига. В тексте выявлен 31 знак и 4 особые чёрточки («вирам» – чёрточки в древнеиндийских письменах). Направление «вирам» указывает, что письмена необходимо читать слева направо. С большой вероятностью Забельскую надпись можно считать древнейшей индоевропейской надписью, обнаруженной на территории России.

С 5 века на юго-востоке края в низовьях Лиди, Горюни, Чагоды появляются могильники культуры длинных курганов, сложившейся на славяно-балтской основе, с возможными влияниями финских элементов. Севернее, начиная с бассейна Тихвинки, обитало финноязычное население, предки современных вепсов, на которое значительное влияние оказала скандинавская культура.

На протяжении всего средневековья происходило взаимодействие русского и вепсского населения, в результате которого последнее подверглось мощному языковому и культурному влиянию, а частично ассимилировано.

Таким образом, к началу 20 века вепсы сохранились как этнос на окружённом болотами водоразделе Волжского и Балтийского бассейнов, пространстве между северными крупнейшими озёрами – Ладожским, Онежским и Белым (Межозерье). В настоящее время этнос занимает восточную часть Межозерья – пограничные районы Карелии – Прионежский район (северные вепсы), Ленинградской – Подпорожье – и Вологодской областей (средние вепсы) и Бокситогорский район Ленинградской области (южные вепсы). Разобщению вепсов, не смотря на разные диалекты, свободно общающихся друг с другом, произошло из-за недалёкости и равнодушия Советской власти к судьбе древнего народа, разделившей его границами областей и районов, переселённой из мест исконного обитания вепсов Шимозерья (Вытегорский район Вологодской области). В молоткостопастых паспортах не принято было записываться вепсом. Не строились дороги. Не изучался язык. И – как следствие – запустение «неперспективных» вепских деревень... В последнее время положение изменилось. Многие стали возможным. Но изменились ли люди? Отношение молодёжи к малой родине? Очень и очень жаль, что долгие годы культура народа – летописной веси – была насильственно изгнана из сознания и быта северян.

Зажёгся свет. Радужный экскурсовод повела нас с приятелем в соседнюю залу, где были представлены предметы быта древнего народа: доска для глаженья (своеобразный утюг), многочисленные прялки, ткацкий станок, верхняя одежда. Я тут же попросил разрешения и примерил на себя холщовый зипун (надо сказать, что люди тогда были миниатюрней). Далее,

наш уважаемый гид-экскурсовод рассказала о своих этнографических экспедициях по Бокситогорскому району. Южные вепсы, которые называют себя «чухарь», «чухарид» (реже «вепслайне», «вепслайжет», «бепс», «бепслайжет»), проживающие в деревнях Лахта, Сидорово, Лаврово, Юликово, Белая, Прокушево, Красный Бор, Саньков Бор, Чайгино, Радогоща, Боцево, Сташково, Боброзеро, Максимова гора, Фёдорово, Пожарище, Кортала, Остров – свободно говорят и думают на южном вепском диалекте. Кстати, со слов милой сотрудницы музея, приехавшие в Пикалёво норвежские и американские гости величали наш северный народ – «бепсы», «бепсон» – ещё до знакомства с выставочными залами.

Потрясла меня история о «жальнике» – захоронении пришедшем на смену курганному. Жальник – местное новгородское название, производное от древнерусского «жаль» – гробница. По приданию целая деревня, не сдаваясь злему врагу, вырыло яму и, нагрузив навес над ней камнями-валунами, добровольно, выбив лёгкие опоры, вместе с женщинами и детьми погребли себя в могиле...

В жальнике у д. Чайгино обнаружены и представлены в экспозиции железные ножи, два крестика (один из бронзы, другой из белого металла), несколько металлических булавок, три перстня, кольцо из бронзы, около двух десятков височных колец (используемых как обереги; изображение утицы на некоторых из них – помогало владельцу переноситься из мира мёртвых в мир живых через чрево женщины-роженицы), пряжки, два футляра из кожи и меди для фитиля, глиняные горшки.

Данные находки говорят о том, что уже с 12 века древние обитатели Бокситогор-

ского района начинали принимать христианскую веру, хотя поначалу, вероятно, это была внешняя религиозность, без какого-либо понятия об отличии нового бога от старых. Правда, под влиянием христианства, начало меняться положение захороненных – не с севера на юг, а с запада на восток. Но по-прежнему могильники являлись кладбищами для целого или нескольких родов, проживающих в этом месте. Не случайно и современные северяне гораздо чаще, чем того требуют церковные праздники, посещают кладбища, говорят с усопшими, проникаясь глубинной земной памятью.

Простившись с Ниной Ткаченко и выйдя на мороз, Юра заметил, что сколь не посещай Пикалёвский музей, узнаешь о «бепсах» что-то новое (намёк на эволюцию простейших беспозвоночных до моей скромной персоны). Все мы – мои шелтозерские предки, род Лепиковых – из южных карел – одним миром мазаны – языческим и христианским.

Мошников Олег Эдуардович, родился 1 ноября 1964 года в г. Петрозаводске. По национальности – вепс. В 1988 г. закончил Свердловское высшее военное политическое танко-артиллерийское училище. Служил заместителем командира военно-строительной роты. После сокращения военно-строительного отряда служил в органах МВД и МЧС – на различных должностях государственной противопожарной службы Карелии. В 1996 г. закончил Ивановское пожарно-техническое училище. Подполковник внутренней службы – в отставке. На данный момент – продолжает трудиться в одном из подразделений Регионального МЧС. Член Союза писателей России. Автор трёх сборников стихов и трёх книг прозы.

В конце прошлого — начале нынешнего века заметным явлением в творческой среде Магадана была активная деятельность Молодёжной литературной студии «Завтрашний день», созданной благодаря члену Союза писателей России поэту Станиславу Бахвалову, выпускавшей свой журнал «Светотени». К сожалению, ввиду прекращения бюджетного финансирования, в 2009 году и группа, и журнал прекратили свою деятельность. По нелепой случайности это произошло в год, объявленный в России Годом молодёжи.

Известно, что сломать значительно проще, чем построить. Было несколько попыток вновь объединить молодых литераторов, но постоянно возникали различные проблемы. То с помещением, то создаваемое объединение уходило в сторону от литературного творчества, превращаясь в клуб для проведения досуга и свободного времени.

И вот, наконец, можно сказать, что одна из попыток завершилась удачно. На базе созданной когда-то Советом дублёров мэрии г.Магадана молодёжной поэтической (литературной) гостиной, кстати, не совсем оправдывавшей своё название, с конца 2014 года, под патронажем магаданской писательской организации, работает молодёжная литературная мастерская. И уже можно похвастаться первыми результатами — есть публикации, выступления на публике, идёт работа над созданием интернет-сайта.

Семён Губичан появился в мастерской летом прошлого года. Можно сказать, что это уже готовый автор, поэтому получил от участия в данном коллективе в основном только поддержку. Поддержку тому, что находится на верном пути.

Пётр Ив. ЦЫБУЛЬКИН,

член Союза писателей России, руководитель мастерской

Семён ГУБИЧАН

СХВАТКА

После отпуска, приехав с детьми в пятую бригаду совхоза «Расцвет севера», Абрам ходил на дежурство с бригадиром Мико и его сыном Сергеем. Стойбище расплгалось на левой стороне реки Вархам, километрах в пяти ниже устья речки Хигичан. Олени паслись, поедая ягель и зелёную траву, и ничего особенного не происходило, пока стадо не забрело в густой вековой стланик. Кусты кедрача были столь большими, что с близлежащей террасы стадо невозможно было рассмотреть.

— Бу итндым ораббу болгитал бардала, хи-да ораббу илбэли Хигичан холилэн. Болгиту мудаграм тадук бакалдыдим (Мы с Сергеем проверим оленей на той стороне стланика, а ты гони оленей вниз по течению вдоль Хигичана, пока не закончится

стланик, там и встретимся), — сказал Мико, и они с сыном скрылись в зарослях. Мико — опытный оленевод, не раз замещал бригадира, и сейчас ему доверили эту должность на время отпуска основного бригадира Ивана.

Абрам криками сгонял оленей, направляя их в сторону равнины, начинавшейся там, где кончался стланик. Вдруг до его слуха донёлся нарастающий гул: что-то потревожило стадо. Один за другим мимо пастуха промчались с десятком оленей, а за ними гнался мощный бурый медведь. Стланик был настолько плотный, а поляна мала, что хищник просто не успел отпрыгнуть в сторону при виде внезапно возникшего перед ним человека.

Медведь просто так с человеком иметь дело не станет,

обойдёт, избегая встречи. И вовсе не от трусости. Он мудр. Иной раз ходишь по лесу день за днём, а медведя увидишь редко, лишь тогда, когда он потеряет запах человека.

Доли секунды Абрам стоял в оцепенении, хиркан (нож) в эньки (ножны) остались в рюкзаке. Полчаса назад, сидя у костра, сам положил. Карбин в смену не брали: очень тяжело таскать его целый день, да и пасли недалеко от стойбища — километрах в четырёх.

Медведь от безвыходности пошёл на человека и свалил Абрама в речку. Удар был смертельный, если бы вода не смягчила его. Медведь хоть и силен, в воде ему было несподручно расправляться с пастухом. Он вытянул человека на берег и начал снимать скальп. Боль была ужасная,

вся жизнь пролетела перед глазами Абрама...

На прошлой смене или немного раньше Абрам во время проливного дождя взял, чтобы укрыть голову, материал из разбитого медведем геологического вагончика. А у эвенов существует поверье, что брать найденную старую вещь нельзя: она уже принадлежит медведю, и хозяин обязательно придёт за ней. Мико предупреждал Абрама, но тому всё это казалось сказками. Вот он и взял с собой материю. Да и в этот трагический момент той тканью была обмотана голова, чтобы вытирать пот.

Боль пронзила голову, крик, вырывавшись изнутри был настолько пронизывающий, что казалось его слышит весь мир. Мико и выбежавший из-за стланика Сергей поспешили на помощь.

– Серёга, медведь! Медведь! Медведь! Уходи! – Кричал истекающий кровью Абрам.

Сергей тарашил испуганные глаза, пока не понял, что ничем не может помочь раненому. Вырвавшись из оцепенения, он побежал к стойбищу. Гена – старший брат Сергея, рыбачил чуть ниже стойбища на Вархаламе, взяв с собой младшего брата Сеню, который то и дело бросал камни в реку и распугивал, шедших на нерест, горбушу и кету. Несмотря на такое времяпровождение, рыбалка удавалась.

– Гена! Гена! Медведь! Папу медведь задрал! – Плача, бежала по дороге их сестра Марина и, обняв младшего брата, повела его в стойбище.

А Гена уже был возле палаток. Оставив свежевывловленную кету на берегу, он взял карабин и побежал к стаду.

Медведь хладнокровно орудовал острыми когтями, то и дело отгоняя надоедливую собаку, впивавшуюся, словно комар, ему в спину. Если бы не её старания, то хозяину уже настал бы конец.

...Давным-давно Мико подарил Абраму старую собаку по кличке Моряк, но через некоторое время она умерла под упавшим деревом: от старости не смогла во время увернуться. После смерти Моряка Марфа, жена бригадира Ивана, подарила Абраму новорождённого щенка. Сын Сеня таскал его вместе с другими щенками на наледь – «мерить глубину». Абрам назвал его Моряком в честь старой собаки. Все щенки из этого помёта долго не прожили, многих из них сразила чумка. Но Моряк выжил и работал до глубокой собачьей старости. В возрасте шестнадцати – семнадцати лет глухая и дряхлая собака ушла умирать в тундру.

...Моряк рьяно защищал своего хозяина, кусая медведя, ловко и с бесстрашием манил его на себя.

– Мину мултули, муландали эди мадали (отпусти меня, пожалей, не убивай меня), – выдавил просьбу из раненой груди Абрам, обращаясь к медведю.

– Часки хорли нугдэ! Ку-у! Ку-у! Часки хорли (уходи прочь, медведь)! – Во всё горло кричал Мико, стуча концами посоха и длинной палки, изображая подобие выстрела...

Сознание у Абрама уходило, внутренности вывалились на землю. Медведь ушёл, так и не сломив волю человека к жизни. Абрам так и не узнает о его дальнейшей судьбе. Убили его тогда или нет, даже не интересовался. Да и о медведе эвены просто так не говорят, боятся, что придёт, услышав своё имя.

Мико связал маутом стланик, соорудив подобие носилок, чтобы перенести умирающего напарника до прибытия санрейса на поляну. На счастье, кроме фельдшера в стойбище находилась начинающая врач Татьяна – дочь Марфы и Ивана. То ли она была студенткой-практиканткой, то ли только начинала работать в больнице. Времени прошло уже немало, не упомнишь.

Оказав первую помощь, стали дожидаться санрейса. Время шло мучительно долго.

«Как же дети?» – Сверлило в голове Абрама...

Из тумана показался вертолёт. Врачи при помощи пастухов перенесли истекающего кровью в салон, сделали необходимые уколы.

...Сознание пришло уже в Эвенске, в больнице. Врачи приготовили «тяжёлого» для отправки в Магадан. Но непогода загнала авиацию в угол.

«Как дети? Нужно готовить их в школу», – крутилось в голове Абрама, – «надо выжить для детей».

Вечером у костра в дюкане (юрте) обсуждали происшествие. Дети ловили каждое слово, не всегда предназначенное для их ушей.

– Кишки мы собирали с земли и уложили прямо в живот, – с горечью говорила Татьяна. Сделав глоток чая, чтобы перевести дух, продолжила, – лицо всё покалечено, страшно было смотреть.

Марина убежала в кустарники и тихо плакала. Все переживали и очень жалели детей.

– Би гэрбэтэн бэй кокэче дэсчин (я думал мёртвый человек лежит), – рассказывал спустя некоторое время Папачан, который лежал в то время в больнице и случайно заглянул в палату Абрама.

Положение с каждым днём ухудшалось, раненому пастуху вводили обезболивающее. Самолёт стоял в полной готовности. На четвёртый день небо прояснилось, и лётчики решились на вылет – под свою ответственность. Безотказная «Аннушка», скрывшись в тумане, взяла курс на Магадан. В порту малой авиации на тринадцатом километре ожидала «Скорая».

Абрам очнулся в холодном помещении. Он принялся стучать о деревянную кушетку. У появившегося врача попросил пить. Утолив

жажду, вновь потерял сознание. Через некоторое время вновь очнулся. Яркий слепящий свет бил в лицо. Люди в марлевых повязках что-то говорили. Догадался: «Операция».

Здоровье мало-помалу возвращалось, силы прибавлялись с каждым днём. На соседней койке лежал парень-шофёр – не справился с управлением. Его машина в районе посёлка Талая слетела с дороги. Чудом спасли его в реанимации. Мать наведала парня каждый день и всякий раз не могла удержаться слёз:

– Вы оба выжили, Бог вам помог – от смерти спас. Всё время Бога о вас молю.

– Ну, ты и крепкий мужик, – сказал врач Абраму во время осмотра, – другие бы не выжили.

Каждый день приходила дочь Анна.

Уже после выписки он узнал не новую для других новость. Ждал вылета в Эвенск, и одна незнакомая женщина шепнула ему:

– Ты тогда в морге лежал. Врач не велел говорить. Ты воды попросил, вот в операционную и повезли. Умер ты, а ожил. Как-то он говорил... Клиническая смерть. Чудно как.

Три месяца прошло, пора домой, к детям. Лицо, покрытое шрамами, наполовину закрывали большие солнцезащитные очки. Один глаз не открывался. После того, как приехал домой, первое время старался не выходить из комнаты, чтобы не пугать детей своим видом. Спустя некоторое время пообвыкся, стал принимать родственников, гостей. Жизнь входила в своё русло.

То место стали называть Абрам болгитал (Абрамовские стланики). Мне доводилось бывать в тех местах и гонять по этому стланику оленей. Он стал ещё гуще. Один раз мы три часа выгоняли забредшее туда стадо. Очень сильно вымотались.

С тех пор прошло немало лет. И как-то к Абраму, гревшему у печи спину, в гости зашла Марфа с рюкзаком.

– Абрам, рюкзак гали хиркан, энъки долан бисни (возьми рюкзак, нож и ножны внутри лежат).

Это спустя столько лет было найдено то, что было когда-то потеряно в смертельной схватке. Тогда было не до рюкзака. Воспоминания вновь нахлынули на старика, и в грустных глазах предательски выступили слёзы.

ОРАНЖЕВОЕ ЯБЛОКО

В детском саду, где я и дневал, и ночевал, воспитателем была Мария Васильевна. Она приобщала меня к цивилизованной жизни. Отец круглый год находился в оленеводческой бригаде, лишь время от времени приезжал в центральную усадьбу в Гижигу. Когда умерла мама, ему стало невмоготу ставить на ноги нас восьмерых. Я был седьмым в семье, а

самую младшую взяли под свою опеку дедушка Виталий и бабушка Улита.

Раннее детство я провёл с отцом, и когда меня приняли в детский сад, я не умел говорить по-русски. Мария Васильевна учила меня русским словам, а я не оставался в долгу – начал обучать её разговаривать по-эвенски.

– Мария Васильевна, когда я приду, то говори мне «Дорова», значит, здравствуй.

На том и порешили.

– Дрова, Сеня! – Бойко, с выражением, солдатски отчеканила воспитательница, придя утром на работу.

– Да не дрова, а дорова! До-ро-ва – это же очень просто, – с досадой я смотрел на свою «ученицу».

Раньше, в советские времена, в детском саду, в школе и в больнице во время обедов давали различные фрукты и овощи. Это называлось «витаминизация». Мне очень нравились яблоки.

– Какой вкусный и большой ягода, Мария Васильевна, – говорю воспитательнице, с хрустом поедая спелый зелёный плод.

– Это не ягода, это фрукт, и называется «яблоко».

– А что такое фрукт? Я в тундре не видел такого.

– Оно растёт далеко отсюда, там, где тепло.

– Правда, тепло? А ты не обманываешь меня? Разве бывает всегда тепло? – Удивлялся я. – У нас только летом можно ходить без куртки и не мёрзнуть, а в остальное время холодно бывает. Да и то дожди с туманами над тундрой гуляют.

– Есть такие места на земле, где целый год можно ходить без куртки и не мёрзнуть.

– Наверное, там олени всегда жирные бьют? Им не приходится голодными копать глубокий снег, чтобы поесть ягель.

Воспитательница зареклась продолжать беседу, остерегаясь всё новых и новых вопросов. Ведь в скором времени должна прийти нянечка, чтобы забрать оставшихся детей и отвести их в ночную группу.

– Дрова, Сеня!

– Да не дрова, а до-ро-ва. Ты, наверное, в школе училась плохо, Мария Васильевна, раз не можешь запомнить.

– Хорошо, запомнила: до-ро-ва, до-ро-ва!

На завтрак обычно давали молочную кашу.

– Эрэкмолоков, манный кашав кэнелич бивэттэн. Чакты бидай, минду боли улрыв, олрав – тарав айдмар бивэттэн.

– О чём ты говоришь? Я не понимаю тебя.

– Молоко, манная каша – не вкусно, будьте добры, дайте мне мясо или рыбу – всё-таки это лучше.

Как обычно, попив чай с хлебом, намазанным маслом, я незаметно для воспитателя переливал кашу соседям по столу. Конечно, вос-

питательница ругала за это, но ничего со мной поделывать не могла.

После завтрака выходили всей группой на прогулку.

– Шарик! – Так по несколько раз кричали мы всеми группами, находившимися на территории, вслед улетающему в неизвестность зонду, запущенному местной метеостанцией.

Вдоволь нагулявшись, мы, обмениваясь впечатлениями, заходили в игровую, где находились до обеда.

В обед давали крупные оранжевые яблоки. Первый раз, попробовав такое яблоко, я начал машинально глазами искать воспитательницу. Так и не найдя её, положил яблоко под подушку.

Самое мучительное было время послеобеденного сна, и, чтобы его скоротать, мы рассказывали друг другу различные истории. Я обычно говорил об оленях, волках и медведях. Другие дети рассказывали, как летали в самолётах, ездили в машинах и на мотоциклах, плавали на моторных лодках. От зависти и обиды я стал приукрашивать свои истории: мол, выстрелами из ружья убил двух волков, ранил медведя, а в прошлом году вообще поймал маутом (арканом) оленя.

– Всем спать, не шумите, – резким строгим голосом прерывала наши увлечённые беседы, переходившие в жаркие споры, воспитательница.

На полдник всегда давали либо молоко, либо кефир. Многие из нас, приезжих из бригад, отказывались от полезного для здоровья питья. Воспитатель даже не предлагала добавки, знала – всё выльем. А вот если давали мясной суп или гарнир с мясом – иное дело. После полдника я подошёл к воспитателю:

– Мария Васильевна, яблоко испортилось, оно совсем не вкусное и сильно горькое.

– Какое яблоко? – удивлённо спросила воспитатель.

– Да вот же. Под подушкой лежало.

– Так ведь это же не яблоко, а апельсин, – повеселев, объяснила мне Мария Васильевна и, ловко почистив его, протянула мне дольку.

– Теперь вкусно?

– Да вкусно, как это яблоко называется?

– Это апельсин, а вовсе не яблоко...

– Дорова!

– Дорова!

– Он такан (как дела)?

– Аич (хорошо).

– Хину он гэрбэн (как тебя зовут)?

– Мин гэрбэв Семендя (меня зовут Семендя).

– Хину он гэрбэн?

– Мин гэрбэв Мария Васильевна.

Так вот и общались мы с моей воспитательницей, передавая друг другу частицу своей культуры.

Аич бидлилрэ, Мария Васильевна! Живите долго и счастливо, Мария Васильевна!

МЕДВЕДИЦА

Осенью наше стойбище кочевало в верховьях реки Вархалам. Стадо на ночь оставляли в определённом месте, а ранним утром, как посветлеет, его собирали, передавая дневной смене. И так день за днём.

Однажды утром, попив чаю, бригадир, распределяя пастухов на участки, велел мне с Чивиткиным Рудольфом обследовать распадок Гилинэмнэм (Глинистый) и всех найденных оленей сгонять на поляну у реки Вархалам.

Собрав в рюкзак всё необходимое: котелок, чай, сахар, лепёшки, запасные спички, завернутые в полиэтиленовый пакетик, вышли мы по указанному маршруту. Сразу договорились, что я пойду вдоль самого русла ручья вверх по течению по правой стороне, а Рудик по левой, но по хребту сопки. Покурив, Рудик затушил сигарету и скрылся в стланике, поднимаясь вверх по склону.

В распадке нашего ручья находилось больше половины стада. Остальные пастухи пошли искать оленей – кто вверх по Вархаламу, кто на другую сторону реки. Нам с Рудольфом нужно было дойти до передних оленей и пасти их вниз по течению, а там встретиться с другими поисковиками. Сгоняя оленей с правого склона, заросшего густым стлаником и редким листовником, я изредка поглядывал на Рудольфа, который был хорошо виден на горизонте и шёл с такой же скоростью, что и я.

«Вот вроде бы и передние олени», – подумал я, пройдя пару километров и, напевая во всё горло знаменитый в то время хит популярной группы, остановился.

Обычно, когда кричишь или поёшь песню, то олени, реагируя на звуки, собираются в кучу, что они и делали.

Боковым зрением я уловил большое тёмное пятно, которое слегка шевелилось. Метрах двадцати от меня, на противоположной стороне ручья, среди оленей мирно отдыхала, наслаждаясь игрой своих детёнышей, медведица. Тут же страх сковал всё моё тело. Я замер, кровь застыла в жилах, ком подкатился к горлу, ноги подкосились. От неожиданности я присел на торчащую возле меня кочку. Раньше медведей видел и с более близкого расстояния, но медведицу с медвежатами – впервые. Три медвежонка проворно играли друг с другом, а мать, сидя рядом, будто смотрела прямо на меня. Нюхая воздух, медведица направила морду в мою сторону. Видит она ли меня? В какую сторону ветер дует? Вот незадача – с моей стороны!

Олени мирно паслись метрах в десяти вокруг семейства медведей. Медведица и не думала на них нападать. В данный момент она точно смотрела прямо на меня. От кого же ещё ей ждать опасности, как не от человека? Ей эта встреча, как и мне, была нежелательна, как и нежелательны её последствия.

Медведица резво встала на дыбы, подняв лапы перед собой. В этот момент вся моя жизнь, словно в ускоренном кино, пронеслась перед глазами. Медведица приняла меня в мою сторону, шевеля ушами. Встав на четыре лапы, она оглядела малышей, один из которых хотел было из любопытства ринуться ко мне. Но, сделав пару прыжков, он был остановлен мамашей и, получив приличный увесистый шлепок, скуля, покотился в противоположную от меня сторону. В этот момент я ещё более испугался, вспоминая рассказ отца о знакомых о встречах медведем.

Остальные медвежата, видимо поняв рык матери и не желая получить тумака, как младший братишка, потянулись вслед за медведицей. Четыре зверя начали свой подъём вверх по слону сопки, то скрываясь за стлаником, то появляясь на маленьких полянах. Медведица, вставая среди стланика на задние лапы, почти на половину показывалась из него.

В это время Рудольф, поняв, что выше по течению оленей нет, стал спускаться в мою сторону. Я его увидел шагающим через открытые полянки – в стланике его видно не было. Но ко мне ещё не вернулся дар речи, и я не мог предупредить об опасности ничего не подозревающего Рудольфа, который шёл прямо навстречу к приближающимся животным. Как ни пытался я крикнуть, ком не хотел рассасываться и ещё сильнее сдавливал грудь и горло.

«Я буду виноват в смерти Рудика», – приходило на ум. Через некоторое время я увидел силуэт бегущего в сторону от медведей человека.

«Фу, – облегчённо выдохнул я. – Рудик, медведь! Быстрее беги!»

Как будто бы я заговорил впервые в жизни. Чуть ниже горизонта, среди редко растущей ольхи, медведица встала на задние лапы, в последний раз посмотрела в нашу сторону, словно прощаясь, вернулась в обычное положение и на большой скорости, подгоняя медвежат, побежала вверх по распадку.

«Ку-у, ку-у!» – Кричал я вслед убегающей четвёрке.

Через некоторое время подошёл Рудольф и, поделившись впечатлениями, начал свой рассказ:

«Иду я, время от времени поглядывая в бинокль, слышу, ты песни поёшь, а потом вдруг резко замолчал. Что бы это значило? Посмо-

трех вверх по распадку, не увидел оленей, начал спускаться. Иду я, выбираю дорогу среди стланика, выхожу на поляны. Убирая для прохода ветки стланика, столбенею: на меня движется медвежье семейство. Они по ту сторону поляны, я по эту. Недолго думая, разворачиваюсь и что есть силы бегу обратно. Думаю – доберусь до верха, а там и до большой каменной скалы, торчащей из-под земли, рукой подать. А дальше ты знаешь... Кстати, а почему ты не предупредил?»

«Да у меня голос от испуга пропал», – ответил я напарнику и показал место, где отдыхали медведи.

«Я так и понял, когда бежал от медведей, – сказал Рудольф. – Ты пока паси оленей вниз по течению ручья, а я проверю – может быть есть выше олешки – посмотрю по следам, но мне кажется, что они и есть передние».

«Ты там держи ухо востро, опять не встреться с этими», – показав в сторону медведей, предупредил я напарника.

«Да нет, они далеко убежали, ты ведь сильно кричал. Хорошо ещё, сытые они были», – сказал Рудольф и пошёл, растворившись среди кустарников.

Через полчаса он догнал меня. Подгоняя оленей к назначенному месту, мы не могли не говорить о происшедшем.

«Медведи и вправду сытые были, я там видел свежую тушку явкана (годовалого оленёнка). Видимо, медведица остановила ночью оленей, и они, пробежав немного, там и паслись, где ты их и нашёл».

Подогнав оленей к равнине, я начал сооружать таган, Рудольф сходил по воду. Повесив чайник над костром, мы ожидали приближающихся с разных сторон пастухов, подгонявших другие группы оленей. Собрав стадо, мы начали пить чай, вытащив из рюкзаков испечённые накануне лепёшки. Олени, насытившиеся за ночь, улеглись.

«Когда медведь встаёт на дыбы, то значит, он уходит, – сказал мне бригадир Иван. – Сейчас медведи сытые: кормятся ягодой, шишками, летом рыбу ели... Если бы весной встретилась, было бы хуже».

Дождавшись дневную смену, мы медленно направились к стойбищу

ЗНАМЯ ПОБЕДЫ

Накануне этого великого для каждого россиянина, жителей стран СНГ, да и всего мира дня мы делали венки. На следующий день учащиеся Гижигинской средней школы имени Лягушина должны были возложить их на могилы ветеранам, отдавая дань уважения всем воинам и труженикам тыла – тем, кто приближал День Великой Победы над фашистской Германией. Старшеклассники, днём

ранее, натаскали кедрача. Девчонки сделали цветы из цветной бумаги, обмакнув их при этом в расплавленный парафин. Ну а венки делали мы – я и мои одноклассники Казик и Вася под руководством классного, учителя физкультуры Алексея Николаевича.

– Какое у нас прекрасное знамя, смотрю на него и прямо не налюбуюсь, красота! – С восхищением произнесла завуч Светлана Максимовна, зашедшая в кабинет провести процесс изготовления венков. – Как у вас, всё получается?

– Ребята молодцы, к работе приступили ответственно, стараются, – ответил на вопрос наш классный.

– Долго вам ещё? Ребята, в столовую потом сходите, вас там накормят.

– Спасибо, работы хватает – пока проволоку в обод скрутим, на него потом ветки закрепим.

– Не буду мешать, у самой с документацией работы полно. Если, что, то я у себя.

– Знамя и вправду красивое, алое. Где только Михайловна материю достала? – Вслух рассуждал Алексей Николаевич. – Ребята, а давайте завтра в поход пойдём. Школа завтра на кладбище, а мы на сопку Школьную рванём. Знамя прихватим и установим его в честь Дня Победы.

– Здорово, Алексей Николаевич, вы придумали... Я согласен, только вот у родителей спрошу... – С задумчивостью сказал Казик, видимо перебирал в голове слова, которыми он поставит отца и мать в известность о своих планах.

– Я тоже пойду, – сказал Васька.

– А во сколько выйдем, Алексей Николаевич? – Спросил я.

– Полдесятого сбор, в десять выходим. Встречаемся у меня в кабинете, заходим через интернат.

– А как со ... знаменем? – Мы все загадочно переглянулись, предвкушая что-то особенное.

Недолго думая, классный пошёл в кабинет завуча по «личному вопросу», а мы тем временем сняли стяг с флагштока, мигом перетаскивали знамя из рекреации в кабинет литературы, где делали венки, и спрятали его за шторой. Проведя операцию, мы вновь принялись за работу, а через некоторое время нас пригласили в столовую. Мы пообедали, взяли с собой по стакану киселя.

– Алёша, а где знамя? – Спросила снова зашедшая нас провести Светлана Максимовна. Вид у неё был уставшим. Документов, наверное, было много, да и проверка тетрадей отнимала много времени.

– Не знаем, не видели. – Непринуждённо, как ни в чём не бывало, ответил Алексей Николаевич.

– Наверное, Михайловна после концерта и убрала, – подыграл классному Казбек.

– Да, наверняка она его спрятала – красная материя сейчас в дефиците, на следующий год оно и пригодится, – поддержали товарищей мы с Васькой.

Так ничего и не понявшая завуч пошла к себе в кабинет. Она уже и забыла, как два часа назад восхищалась Знаменем Победы. Сделав дело, мы незаметно перенесли знамя к спортивному залу, а Алексей Николаевич занёс его к себе в кабинет. Попрощавшись со Светланой Максимовной, мы вышли на крыльцо школы.

– Завтра в полдесятого сбор, сухпаек не забудьте, котелок у меня есть, ложки, кружки, тарелки возьмите. Родители подскажут, что брать.

Так и разошлись.

Утром, прихватив с собой рюкзак и положив в него сгущёнку, кусок оленины, вяленое мясо, четыре пластинки юколы, хлеба, сахара, пачку индийского чая, посуду, походный чайник и охотничий нож, я пошёл в интернат на завтрак.

В школьные годы я считался интернатовским, и даже когда в старших классах жил дома (по заявлению родителей или старших сестёр и братьев воспитанники интерната могли проживать дома), питался в столовой. Иногда приходилось в интернате и ночевать. На каникулы, как в летние, так и в зимние нам выдавали сухой паёк. Но всё же большую часть детства я прожил в интернате. Даже в садик меня отводили старшие сёстры или брат из интерната, где я находился во время отсутствия отца.

Алексей Николаевич уже был в кабинете, когда я вышел из столовой. Казик пришёл, как и договаривались – к половине десятого. Василия не было. Без четверти десять мы с Казбеком пошли домой за пропавшим одноклассником. Постучались в дверь, вышел ожидавший нас Василий и расстроенным голосом сказал, что родители его не отпускают.

– Дядя Витя, отпустите Ваську с нами в поход.

– Кто идёт?

– Алексей Николаевич и мы втроём.

– Нет, Вася не пойдёт, он наказан и знает за что.

Посочувствовав взглядом Василию, мы бегом ринулись в школу.

– Васька не пойдёт, наказан за что-то.

– Выходим без него. Готовы?

– Да.

Мы вышли из посёлка, подгоняемые весенним майским ветерком. Ярко белый снег ослеплял глаза. Перейдя распадок, мы начали подыматься к подножию Школьной.

– Нужно было с собою лыжи взять, быстрее

бы шли. Думал же прихватить. – Сокрушался Алексей Николаевич.

До Школьной добрались за два с небольшим часа. Дошли до каменных осыпей, среди которых выбрали место для привала. Разожгли костёр, поставили таган, подвесили котелок и чайник. Перекусили.

– Казик, поешь кам, – я подпалил над костром юколу, почистив от нагара, подал однокласснику.

– Вкусно, в первый раз кам.

Поели отварной картошки с поджаренным на костре мясом. Насытившись, легли отдыхать. Во всю палило весеннее солнце, место нашего привала закрывала от северного ветра сопка Школьная. Было тепло.

– В школьные годы мы всегда ходили в походы. Все окрестности облазили. – С ностальгией произнёс Алексей Николаевич.

– Мы по отдельности – кто с семьёй, кто с друзьями ходим в походы. Хорошо бы классом пойти, здорово было бы.

– Обязательно сходим, – заверил классный.

Отдохнув от сытного обеда, мы начали свой подъём на Школьную. Время прохождения расстояния от подножия до первой вершины заняло сорок минут. Выбирали удобные участки пути. По серым, испускающим синеватый оттенок камням мы выходили на снежные поля, выдалбливая в промёрзшем насте ступеньки. На крутом снежном подъёме нам встречались следы бывших здесь накануне медведей. Наконец мы забрались на вершину, нас окатило холодным студёным ураганным ветром. В тот же момент нам открылся необычайно красивый вид пёстрой тундры.

Преодолев все трудности, установили на пирамиде Знамя Победы, с помощью заранее приготовленной верёвки прикрепили древко к торчащему из макушки лому.

В ушах свистал хлётко бивший в лицо ветер. К этому свисту присоединился звук, скорее гул трепещущего материала.

Дальше мы пошли по плато, встречая бесконечные надписи фамилий и имён, дат, признаний в любви, прямо на земле выложенных из камней. Вышли на верхнее плато. Здесь надписей стало больше. На обоих плато мы оставили и свои автографы. Алексей Николаевич, как ни старался отыскать свои предыдущие «послания внукам», его старания были тщетны – надписей было море.

Время от времени спускались на левый, морской склон сопки погреться, укрывшись от пронизывающего до костей ветра. Осмотрев в бинокль окружающие окрестности, мы вышли в обратный путь. Дойдя до реющего на ветру знамени, мы постояли возле него, отдавая дань павшим воинам, погибшим в боях за Родину. Почтили их память минутой молча-

ния.

Спускались мы примерно по тому же маршруту, по которому поднимались, стремительно скатываясь по медвежьей колее, и кое-как передвигаясь, ища более удобный путь между камнями при крутом спуске. Мы и не ожидали, что наш спуск займёт то же время, что и подъём – сорок минут.

У подножия сопки разожгли костёр, отварили гречневую кашу, обильно заправили её тушёной. Возле костра сложили из камней пирамиду, возле которой выложили наши имена и дату пребывания.

Солнце клонилось к горизонту, мы любовались видом открытого, таскающего по водной глади многочисленные поля льда блестящего моря. Из труб котельных посёлка клубился угоняемый в море северным ветром дым. За посёлком вдаль красовались белоснежные, очерченные синими полосками камня Чайбухинские горы. Горная цепь тянулась далеко с севера, плавно переходя в полуостров Тайгонос.

Напоследок попив горячего свежесваренного чая, мы стали собираться в дорогу. Шли не спеша по рыхлому от палящего днём солнца снегу. Западная часть неба окрасилась в розово-алый цвет. Вечерело. Спустились с холмов в тундру. Дорога, за зиму утрамбованная «буранами», белела тонкой полоской среди коричнево-жёлтой тундры. В этот момент мы вспомнили про лыжи, которые не помешали бы нам в данный момент. Уставшие за день, мы подходили к вертолётной площадке на окраине посёлка, на которой вырисовывалась фигура человека. Было десять вечера, когда мы ступили на вертолётную площадку, усыпанную речной галькой.

– Сколько можно ждать? Дома получишь! – Встретила переживающая мама Казика и повела его домой.

Оглянувшись, переведя дух, мы с чувством выполненного долга любовались реющим над Школьной знаменем, которое отчётливо можно было разглядеть в бинокль. Пирамида, которая обычно выглядела маленькой выпуклостью на вершине сопки, выросла раза в три.

После выходных, по приходу в школу, на пороге меня встретила, сложив на пояс руки, завхоз Людмила Михайловна:

– Это же надо – додуматься украсть знамя! Где я на будущий год буду материал искать, скажите мне, пожалуйста!

– Досок нам не привозят, как в советские времена. А у техничек швабры без конца ломаются. – Добавил трудовик Вячеслав Прохорович.

– Молодцы ребята – в честь Дня Победы флаг установили! – Поддержала нас завуч. – А я, то думаю: заработалась, что ли? Знамя вроде бы стояло, и вдруг его нет.

Все учителя одобрительно смотрели на нас, стоя возле гардероба всем коллективом, ожидая пришедших в школу учащихся.

– А мне дома сильно досталось, – шепнул мне на ухо Казбек, – но я не расстроен – классно ведь время провели.

Как и обещал Алексей Николаевич, мы сходили в поход всем классом, вспугнув из

под одной скалы рыжую лису. Знамя красовалось ещё долго, пока не истребалось постоянными воздушными потоками, характерными высоте над уровнем моря, где мы его установили.

пос. ТАХТОЯМСК,
Магаданская обл.

Семён Абрамович Губичан уроженец села Гижига Северо-Эвенского района Магаданской области. В 1998 году окончил Гижигинский учебный комплекс: Гижигинскую среднюю школу, интернат с детским садом. В этом же году поступил на факультет естественных наук и математики в Северный международный университет. По результатам учёбы получал стипендию от благотворительного фонда «Омолон». Являлся участником, призёром и победителем в межвузовских научно-практических конференциях и семинарах.

В 2001 году был делегатом от Магаданской области на Втором конгрессе оленеводов мира, в рамках которого проходила Конференция молодых оленеводов мира в коммуне Инари (Финляндия).

После окончания университета работал учителем математики в сельских школах (п. Усть-Среднекан, с. Тауйск). В 2008–2011 годах работал педагогом дополнительного образования в областном детском доме п. Ола.

Пишет стихи и рассказы на русском и эвенском языках. Дипломант литературной премии Юрия Рытхэу (2014 г.).

Занимается спортом. Является членом ДНД пограничного поста с. Тахтоямск.

Награждён грамотой начальника УФСБ России по Магаданской области. С 2011 года работает учителем в МКОУ «ООШ с. Тахтоямск». Учитель эвенского языка. В апреле 2016 года стал победителем областного конкурса Педагог года – 2016 в номинации «Лучший учитель родного языка».

КОМУ ВЫГОДНО ИСЧЕЗНОВЕНИЕ МАНСИ?

Я родилась в национальном посёлке Кондинском Ханты-Мансийского округа – крае, богатом лесом, ягодай, пушниной, дичью. А ещё очень хорошими людьми. Там принято угощать всех пришедших в дом, не расспрашивая, кто, откуда, зачем. А попавшему в беду соседу отдавать половину своего имущества. Многие кондинцы до сих пор ключи прячут под ковриком. А жизнь между тем там всё хуже и хуже.

Главная беда моей родины – нефть. Почти пятьдесят лет назад государство начало варварски добывать «чёрное золото» в нашем районе. В край, куда «только самолётом можно долететь», устремились вахтовики. Жажда денег затмила всё, в считанные дни погибли хвойные леса и пойменные луга. Местная поэтесса Алла Копьева написала такие строки:

Может, это был.

А может, небыль.

Может, перепутал

что-то ветер...

Там, где буровые смотрят

в небо,

*Был кедрач, остался только
пепел.*

Сорок лет назад здесь жили кондинские манси, говорившие на восточном диалекте мансийского языка. Этот диалект умер вместе с его носителями. Прервано естественное течение жизни. Всем понятно: тайгу сгубило дикое освоение Севера. По неписаным правовым нормам ханты, манси и лесных ненцев человек не должен наносить земле никакого урона. Не только нарушать её поверхность, но и не оставлять следов. Если дети, играя, бросаются в снег, то взрослые учат их этого не делать. Потому что зверь оставляет след, и по этому следу его на-

ходит охотник. А есть такие участки земли, по которым вовсе нельзя ступать (это, как правило, священные земли). Тогда к подошвам привязывают бересту. Эта норма вступила в прямой конфликт с отношением к земле «цивилизованного» населения, которое непрерывно копает и заливает всё кругом нефтью. Оторвав маленький народ от земли, власти будто в издевательство сделали его преступником: по статистике, каждый четвёртый житель посёлка имеет одну-две судимости, примерно столько же умирает от рака, алкогольных отравлений, несчастных случаев. Причина гибели моего народа проста: полностью подорвана материальная основа лесо- и рыбодобычи: что-то приватизировали, что-то разворовали. А значит, нет работы, нет денег. А стало быть, нет продуктов, медикаментов,

необходимых для нормальной жизни товаров...

При этом прав у оставшихся в живых – никаких. Депутаты с душой цвета нефти перед каждым российскими выборами брезгливо объезжают национальные посёлки, удивляются живучести аборигенов, а затем, обменяв дешёвые подарки на голоса электората, скрываются на VIP-вертолётах.

В России нет более несовершенной законодательной сферы, чем та, которая призвана регулировать судьбу коренных малочисленных народов Севера и, собственно, самого Севера. В законах речь идёт о «кормящем ландшафте», которым пользуются вся и все, но на этом ландшафте испокон веков живут люди. Им что-то положено, но по уничижительному минимуму и только до тех пор, пока они живут на «ландшафте». Но как только они выезжают на Большую землю, все их и без того мизерные льготы теряются.

Недавно смотрела американский фильм про подростков. Фильм как фильм, особенно приглянулся учитель физкультуры – обычный учитель, но представитель национального меньшинства, а значит, в отличие от других педагогов более социально защищённый, а сокращению так и вовсе не подлежит. И не важно, что он не живёт на «территории традиционного обитания». Американский законодатель понимает, что если уж цивилизация выжила с родных мест аборигена (или сам он добровольно уехал, что в принципе одно и то же), то он имеет право на льготы на территории всей Америки. И он, чувствуя к себе такое отношение, где бы ни был, постарается сохранить в себе национальную самобытность, язык предков и привить всё это детям.

А теперь посмотрим российские реалии. Скажем, представитель народа ханты или манси по состоянию здоровья или просто так ре-

шит переехать, например, в Рязанскую область. Что он там будет иметь? Бесплатное здравоохранение? Образование? Право на жильё? Уверенность, что его не сократят на работе (если, конечно, она есть)? Как бы не так! Зато социальная среда изобилует анекдотами про представителей северных народов. Поэтому их представители всё чаще пишут в документах, что они русские, а про характерные монголоидные черты лица говорят, что бабушка была казашкой или татаркой...

Читаю статью Аркадия Тишкова, профессора, доктора географических наук, академика РАЕН, почётного работника охраны природы, вот что он пишет: «Сравните – сколько забот и внимания к интересам хозяйствующих субъектов (компаний) на Севере. Их и президент принимает, их представители становятся министрами и продолжают работать на свои компании, целые группы депутатов лобби-

руют прохождение «нужных» законов и постановлений, практически всё федеральное природно-ресурсное законодательство прописано под них. Будучи основной финансовой силой в регионах, они, по сути дела, сами ставят и снимают губернаторов, формируют региональное законодательное собрание и, соответственно, законодательство».

Поэтому сейчас мы имеем ряд социально значимых законодательных актов, где попросту «забыли» о людях коренных северных народностей, будь то пенсионная система или защита водных территорий (акваторий). Нельзя не согласиться с профессором Тишковым, который определяет основные критерии решения проблем малых народностей.

Главное – право на свою землю (территорию), которая дом родной, «кормящий ландшафт», где нашли покой предки.

Второе – право на сохранение традиционного уклада, языка, культуры и обеспечение преемственности традиционных знаний. Без назойливого навязывания со стороны властей «образцов развития».

Третье – право на традиционное использование

биоресурсов: кормовых угодий, промысловой фауны, рыбы, недревесных ресурсов леса и пр. с сохранением своих приоритетов над пришлым населением и освоителями.

Четвёртое – право самим отстаивать свои интересы по всей вертикали власти, иметь гарантии представительства в них, создавать свои органы самоуправления.

Пятое – юридически закреплённые права самим контролировать экологическую и ресурсную ситуацию на территориях проживания и ведения традиционного хозяйства, участвовать в принятии решений по любому вопросу, затрагивающему интересы малочисленных северных народностей, требовать проведения и участвовать в экспертизах проектов, осуществляемых на их землях.

Интересное наблюдение: многознающий Интернет при поиске научных исследований Сибири выдаёт А.Регули и М.А. Кастрена, которые ездили по Иртышу, Северному Уралу и Нижнему Приобью в... 1843–1845 годах. Далее читаем: «С конца 1880-х гг. по первые годы нового столетия был собран такой огромный материал по обско-угорской мифоло-

гии, верованиям, как будто было предчувствие грядущего векового запрета на эту тему...»

Но сейчас прямого запрета нет – и всё равно серьёзных исследований никто не проводит. А зря. Ведь ещё буквально до тридцатых годов прошлого столетия у угорских народов не было письменности. И история народа передавалась из поколения в поколение в устной форме, чем и вызвано многообразие фольклора этих народов. Вот она, кладовая для учёных, художников, поэтов, сценаристов! Но странным образом мы больше осведомлены о культуре и образе жизни американских индейцев, чем о собственных, таких же маленьких и не менее самобытных народах. Даже в отдельно взятом Ханты-Мансийском округе дети в школах, как правило, не знают о хантыйских писателях и поэтах...

Правительство округа каждый год выделяет деньги для научных и культурных исследований, которые «осваиваются» одними и теми же людьми. Активно и своевременно пишутся отчёты. Но всё происходящее не имеет отношения к жизни. Давно не новость, что почти на всех руководящих должностях на Севере – люди пришлые, не скрывающие чисто финансового интереса, попутно насаждающие свои обычаи, культуру, понимание форм хозяйствования. Аборигены же стоят на бирже труда, и считается, что в этом ничего зазорного для них нет. Не говоря уж о том, что они не имеют практической возможности выехать куда-либо, чтобы элементарно подлечиться...

Что (или кто) кроется за этим? Почему быть коренным жителем в своей стране – позор, а не гордость? Ответы на эти вопросы, конечно, есть, но их заглушает ласка-

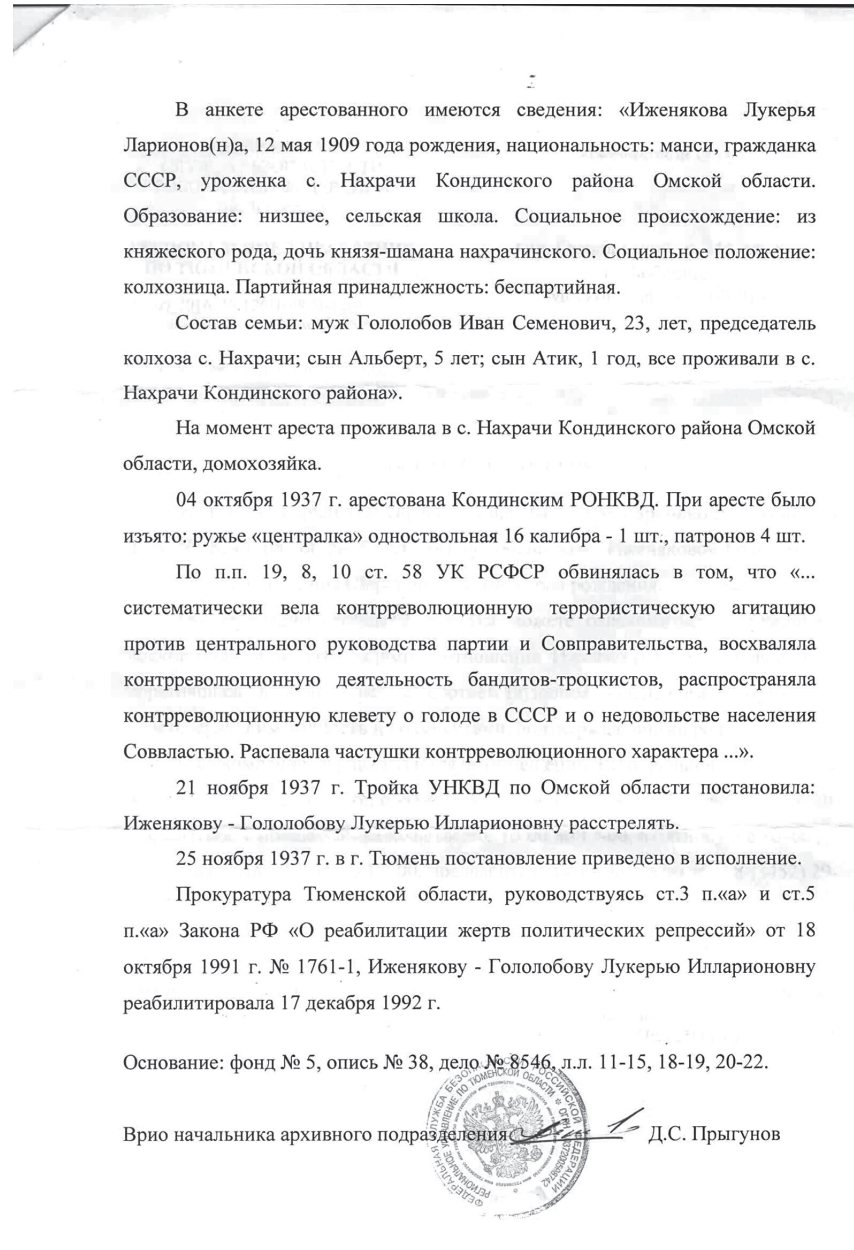

ющий уши власть имущих шум нефти в трубах.

Всякий раз, когда я поднимаю тему своего почти исчезнувшего народа, мне поступают (почему-то) звонки с угрозами, дескать, лезу в не своё дело.

У этой истории есть предыстория. В начале прошлого века у кондинских манси отобрали земли и теперь там, естественно, выкачивают нефть. Дальше – больше, стали отбирать дома, угодья, инвентарь. В начале тридцатых это выглядело политически модно. Мои предки на своих территориях разрешали жить всем, кто бежал из Центральной России: монахи, священники, интеллигенты... в общем, всё подряд. Советской власти это не нравилось. Мансийское гостеприимство не в духе красных комиссаров. Ведь манси в переводе на русский означает *человек*, и стараются они, немногие, поддержать-сохранить всякого пришедшего к ним за помощью.

Власть перешла к наступательным действиям. Она арестовала мою наиболее активную прабабушку и приговорила её к смертной казни. 29-летнюю Иженякову-Гололобову Лукерью Ларионовну быстро увезли в Тюмень и расстреляли, реабилитировали только в 1992 году. А до этого – все эти годы – моя родня не могла получить ни хорошее образование, ни приличные должности, как потомки «врага народа». Казалось бы, сейчас должен наступить просвет. Но нет же! Ханты-Мансийский округ прочно «оккупировали» чеченцы, они на всех хлебных должностях, они в судах и прокуратурах. Губернатор края Наталья Комарова напроць отрицает близкое общение с кавказцами, забыв, что в нашем веке есть масса способов проверить правдивость её слов. Один из них лингвистический. Известно,

если человек долго общается с представителем другой культуры, этноса, языка – это сказывается на его речи, построении фраз, наконец, манерах. Достаточно проследить пресс-конференции Натальи Владимировны последних пяти-семи лет, чтобы убедиться, Северный Кавказ, скорее всего, занимает доминирующее место в её жизни. Чужая она нам.

...Когда пришли арестовывать Лукерью, она отстреливалась в бане, старалась нападавших ранить, но не убить. Окружили, взяли чинлом, когда перезаряжала

ружьё. В приговоре ей многое приписали, но упустили собственную трусость. Тех, кто в твоём подчинении, проще оклеветать и даже казнить, забывая простую истину «Аз воздам». Комиссары плохо кончили, во всяком случае в Кондинском районе, не буду описывать их мук и кончины – это удел историков. Почему бы уважаемой губернаторше не усвоить этот урок и не навести, наконец, порядок в округе, оценив по достоинству представителей древней национальности?

Ольга ИЖЕНЯКОВА

ХРИСТОС ПРИДЁТ С СЕВЕРА

Каменная книга Анны Неркаги

Понятно, это дело каждого верующего – ждать второго пришествия Христа, тем более откуда его ждать.

Но меня привлекла истовая вера моей собеседницы и непоколебимая уверенность в том, что его нужно ждать именно здесь.

Он придёт с Севера.

Она сказала.

Она знает, что говорит.

Не обязательно – она.

Разве Вы знаете – когда говорите Вы сами, а когда Вами – говорят?

Каждый человек – голос.

Я не знаю, о чём – на этот счёт – проповедуют церковные каноны, но, право же, у каждого есть право на свою версию.

Неркаги: Разделяй и властвуй, – это мудрое правило, да, разделяй и властвуй, но это правило сатаны, когда он делил небо на части. Своей смутой, которую он затеял на земле, он и разделил небо. Затем он разделил землю. Затем вот это «мудрое» правило он вручил всем властимущим. Поэтому властимущие у нас разделяют и властвуют, да. Но объединять и направлять – это правило Иисуса Христа. Поэтому я мечтаю о том времени... Вот мы сегодня губернатора встречали, владык встречали, но моё желание – чтобы здесь со временем (естественно, не в том виде, в каком я существую) мои дети так, чтобы они *Иисуса Христа* встретили во втором пришествии. Северная часть неба где ближе царствие небесное, была осквернена сатаной, когда он смуту вёл на небе. Теперь усилием Иисуса Христа и всех его воинов, святых и ангелов, эта часть неба очищена, и поэтому Господь придёт с севера. И вот эти пути, по которым во втором пришествии Он ступит своей ногою, эти земли сейчас готовятся на севере. Если вот так вот посмотреть – на севере один за другим появляются люди, которые

готовят место для того, чтобы Иисус Христос ступил ногою своею. Вот эта земля по большому счёту, где мои правнуки, если они будут праведно здесь жить, они будут встречать Иисуса Христа, они не умрут, но преобразятся ещё при жизни.

Анна Неркаги, которую мы знаем прежде всего как ненецкую писательницу, скажем чётче – великую ненецкую писательницу, последние годы здесь, на озере Тейнто, занята созданием православного лагеря для тундровых сирот – «Земля Надежды».

В ней пробудилась немыслимая энергия, яростная страсть, необузданная мудрость: а как ещё в этих родных, но дальних и глухих местах появиться всему этому: и лагерю, и храму. Сначала невеликому, малюсенькому, сегодня – солидному, величественному, старинной деревянной рубки, храм организует это безмолвное пространство, сущностно преобразуя его.

Молодой губернатор Ямала Дмитрий Кобылкин не перепоручает никому, сам приезжает сюда, считая за честь приглашение Анны Неркаги.

Кобылкин: Я считаю, что Анна Павловна ещё не всё сделала, ещё очень большой задел впереди. Мы, так скажем, начали оказывать определённое содействие, прежде всего в строительстве храма. Понятно, что это сложное сооружение... Есть очень много задумок, связанных именно с реабилитацией и пребыванием здесь детей-инвалидов. Что очень не просто сегодня. Мы понимаем, что есть определённые ограничения, связанные с сертифициацией того или иного учреждения по реабилитации либо лечению детей. Но то, что духовная составляющая в этой реабилитации должна присутствовать, это, на мой взгляд, абсолютно очевидно. Поэтому мы будем Анне Павловне помогать, чем можем.

Палаточный православный лагерь «Земля надежды» проводится на территории Горно-Хадыгтинского заказника Приуральского района Ямало-Ненецкого автономного округа на базе национального стойбища ненецкой писательницы Анны Неркаги в 30 километрах от посёлка Лаборовая. Участники лагеря – приёмные дети Анны Неркаги из числа коренных малочисленных народов Севера ЯНАО, воспитанники православных гимназий Тобольска и Ноябрьска, дети Лаборовской тундры. Лагерь работает в природных условиях, дети проживают в домиках.

В программе лагеря дети изучают основы православной культуры, культуры народов Севера, осуществляют выездные походы на уникальные места природных памятников данного заказника – озеро большое Щучье, озеро Большая Хадыта, национальная рыбалка на реке Щучья, пешие походы на горные массивы вблизи лагеря, духовная программа, посещение стойбища «сихяртя», празднование Дня коренных народов мира. В этом году лагерю исполняется 6 лет.

Омельчук: Анна Павловна, ну что, все мечты осуществлены, желать больше нечего, замыслов больше никаких. Всё произошло?

Неркаги: Нет. Главное не произошло. Я считаю, что это только начало пути, начало того пути, о котором я говорила. Вот я однажды вам написала такой автограф: *в начале тропы буду ждать с любовью*. Наверное, вы, Анатолий Константинович, не очень-то и поняли, о каком начале пути и о какой тропе шла речь.

Омельчук: Ну, дойдёт, дойдёт.

Неркаги: Да, дойдёт, я надеюсь на это, дойдёт.

Омельчук: Да, доживём.

Неркаги: То есть поэтому я на ваш вопрос отвечаю так: это начало пути моего, может быть, личного пути, совсем в другую реальность. Это начало моего пути в вечность.

Омельчук: Так, неудовлетворена этим храмом?

Неркаги: Нет, я удовлетворена всем тем, что сейчас стоит за моей спиной, да. Но, однако, я хочу сказать, что эту землю я вижу в другом ракурсе.

Вот это большое пространство. Фрагмент пространства. Западная Сибирь. Сибирский Север. Почему бы не здесь?

Ловлю себя на мысли: почему мы считаем, что все главные события происходят где-то далеко и без нас.

Почему бы не здесь происходить сегодня главным событиям мира?

Ну не в вонючем же Нью-Йорке либо Неаполе, заваленном человеческими отходами.

Именно здесь, в этом чистом прохладном продуваемом пространстве, на стыке красивых гор и необъятной тундры.

На крохотном, как всякая драгоценность, озере Тейнто.

Давайте придавать значение себе и тем событиям, свидетелем или участником которых мы являемся.

Не будем мельчить и мелочиться: Тейнто – центр мира. Сегодня и сейчас.

У вас то место, где вы находитесь.

Омельчук: Дмитрий Николаевич, вот здесь на озере Тейнто произошло сегодня очень много событий. От вас хотелось бы услышать о сакральном смысле произошедшего, это, по-моему, не очень рядовое событие – то, что происходит сегодня здесь?

Кобылкин: Ну, вы знаете, я скажу вам то, о чём, может быть, многие думают, но не все хотят говорить. У нас произошло разделение епархии. Мы знаем, что у нас выделена Салехардская Новоуренгойская епархия, значит, у нас есть и владыка сегодня свой. Но начинали мы все с Тюменской, с Тобольской Тю-

менской епархии. И наши корни, и все наши начинания связаны, безусловно, с владыкой Димитрием. Для меня это, конечно, знаковое событие, что владыка Димитрий сегодня приехал и как отец-наставник нашему владыке сегодня помогает. Потому что сегодня помощь нам очень-очень нужна. В части того, чтобы здесь был монах-наставник, чтоб был духовник здесь обязательно, потому что без этого, наверно, всё превратится в простой лагерь. В простой детский лагерь, каким когда-то, может быть, он и начинал быть. Сегодня это понимают все, что монах нужен... Этот монах будет или с Абалака, или с Тобольской епархии. Это не значит, что кого-то сюда нужно прислать, надо, чтобы человек сам созрел душой, и сердцем проник в это всё. Вот такой человек нам нужен, этим мы будем заниматься, поэтому в ближайшие время, я думаю, владыка Николай приедет в Тобольскую Тюменскую епархию.

Омельчук: Ну вот на всех северных просторах России это единственное такое место. Ямал принимает на себя вот такую миссию, так далеко на Севере и именно православный храм, причём, я бы сказал, такой впечатляющий и величественный?

Кобылкин: Ну, ненцы, коренные жители Севера, сегодня тянутся к православию, тянутся к христианству. И я считаю, что моя миссия, может быть, как губернатора (да, я понимаю, что я не служитель в церкви), всячески этому помогать. То есть мы можем всё что угодно построить, я понимаю, что это тяжело, когда тебе нужны детские сады, нужно ликвидировать ветхо-аварийное жильё, содержать школы, инфраструктуру, дороги, мосты. Мы можем построить всё, что угодно, но наполнить это духовной жизнью, конечно, может только епархия. Поэтому я надеюсь на то, что вот эти вот две ветви сегодня найдут общие точки соприкосновения.

Омельчук: Это тяжёлый крест или лёгкая ноша?

Кобылкин: Самый тяжёлый крест мы восстановили – он 23 тонны, в Севастополе.

Некоторые события кажутся такими обычными и очевидными, что не сразу разберёшься и осознаешь: где ты был и что ты видел. Дистанция времени всегда увеличит масштаб.

Омельчук: Владыка Николай, большая радость сегодня на стойбище, вот здесь в предгорьях Полярного Урала?

о. Николай: Огромная радость и в наших сердцах. Потому что мы видим, какая необычная жизнь здесь начинает зарождаться для тундры. Мы знаем, что были времена, когда тундра испытывала некоторое оскудение внутреннее, как бы не было огня. Ну, понятно, что сейчас дали возможность власти возродить традиционные методы жизни, то есть образ жизни традиционный, их оленеводство, рыболовство. Люди получили возможность получать за свою работу определённые деньги, как-то устраивать свой быт. Но вот здесь, здесь проглядывается особая жизнь, которая, может быть, в своё время послужит как бы неким маяком внутренним, духовным и преобразит жизнь вообще всех живущих на Ямале.

Омельчук: А вот кто помогал, владыка Николай, в таком большом деле строительства храма!..

о. Николай: Ну, конечно – это, прежде всего, губернатор Дмитрий Николаевич Кобылкин. Здесь очень огромное участие принял Нак Игорь Владимирович

Омельчук: Большие труды?

о. Николай: Огромные. Ну, видите, за год такой храм чудесный построен. Я думаю, многие даже населённые пункты могли бы удивиться и позавидовать по-доброму вот этому месту, которое получило такой чудный храм. И он здесь очень востребован.

Омельчук: А приход здесь до Северного Полюса?

о. Николай: Ну, да. Именно так. Это, наверно, самый северный приход получается. Самый северный храм.

Два человеческих сердца, как бы далеко они ни находились, обязательно встретятся. Если это предназначено.

Анна Неркаги, решившись на свой подвиг: объединять и направлять, в первую очередь обратилась за благословением владыки Димитрия – архиепископа Тобольского и Тюменского. Так что владыка Димитрий здесь не гость.

Омельчук: Владыка Димитрий, большая радость в сердце?

о. Димитрий: Ну, конечно. И сейчас, когда мы говорили с местными, они говорят: у нас Пасха. На Ямале...

Омельчук: В августе?

о. Димитрий: В августе. На Ямале Пасха. Ну, встретилось духовенство, встретились дети, то есть православная молодёжь. И, конечно, значимый приезд губернатора, всё-таки внимание руководство региона – это тоже много значит, поскольку без поддержки развитие в таких трудных условиях сложно себе представить. Ну, и конечно, у нас радость: мы видим с каждым приездом, как приумножается это поселение. Такой величественный, великолепный храм. А самое главное, что он не пустует, наполняется молодёжью, дети тундры сюда идут. И значит есть надежда, что вот эта вот христианская искра веры, надежды и любви будет и дальше распространяться среди жителей и помогать им и духовно, и нравственно возделывать эту землю.

Омельчук: Хотел вот задать такой вопрос: вы, владыка, верующий, семь лет назад верили, что такое здесь получится?

о. Димитрий: Вы знаете, верил, надеялся на милость Божию. Потому что иначе бы мы все наши усилия не предпринимали. Но мы не могли предвидеть, что так Господь положит им на сердце дар любви к Богу. Что проснётся у них вот эта вот чистота веры. Поскольку эти народы, они как дети в своей простоте пребывают. И вот тот период 20-го века, когда их оторвали от веры христовой, когда их, в общем-то, оставили один на один с миром. Он, конечно, прошёл, будем так говорить, сложно, и многие потери мы имеем, в первую очередь, нравственные. А сейчас мы видим на этом примере, что люди потянулись, люди идут, и возрождается эта вот цементирующая роль церкви православной.

Омельчук: Богоугодное место?

о. Димитрий: Богом благословлённое место. Храм – Дом Божий, значит это место посвящено Богу. И здесь люди встречаются и соприкасаются, и соединяются с Богом, и освящаются.

Есть вещи, речи, которые вроде и понимаешь, но которые надо пережить и осмыслить. Анна Неркаги – не простой словоговоритель и произноситель речей. Я не буду комментировать то, что услышал.

Неркаги: Я по большому счёту готовлюсь к этому. Я хочу выпросить у Господа самый плохой участок. Вы знаете, во Вселенной у Господа, как у России, есть сильно запущенные регионы, бедные, пьянка там и всё такое. У Господа во Вселенной тоже есть такие регионы, которые нуждаются в хороших губернаторах. И я за честь считаю, если Господь

мне скажет: вот тебе твоя губерния, ты здесь должна установить надежды, веру и любовь. Вот к такому виду творчества я себя примерно готовлю, если Господь мне такую честь доверит.

Омельчук: Так, губернатор своей Вселенной?

Неркаги: Нет, не Вселенной, но какого-то маленького уголка...

Омельчук: Своего?

Неркаги: Да, где у меня будет: не разделяй и властвуй, а объединяй и направляй. И вот сегодня, вы видели, есть ещё надпись: самые жаркие уголки ада. Самые жаркие уголки ада оставлены для тех, кто в моменты нравственных переломов сохранял нейтралитет.

Писателей бывших не бывает. Сегодня Анна Неркаги не пишет, не до этого. Вон какая неуправляемая орава, которой нужно дать направление и объединить. Может, она имеет это право – не писать, потому что за её плечами такие написанные вещи, как «Ильгр», «Белый ягель», «Анико из рода Ного». И роман «Молчащий» – этот апокалипсис XX века.

Омельчук: Хочу вспомнить эпоху, которую Анна Павловна всегда предваряет такими словами: «когда я работала писателем».

Неркаги: Да.

Омельчук: Я понял, что Анну Павловну не удовлетворяло в писательском деле – её не удовлетворяла бумага. И она стала писать книгу на камнях.

Неркаги: Да, я стала писать камни на камнях, и вообще для своего творчества я выбрала мир. Лист бумаги слишком мал ...

Омельчук: Для меня?

Неркаги: Но... лист бумаги слишком мал для того, кто понял, что высшее творчество – это есть творчество любви. Сотвори любовь и ты будешь творцом. Господь сотворил нас любовью. Мы сотворяем здесь той малой любовью,

которую он нас одарил. Поэтому я могу сказать, что один из лучших моих сыновей, повесть «Молчащие», в людском мире оказался на помойке. Весь тираж «Молчащего», да, в конце концов оказался на помойке, и мой сын, которого я рожала такими муками души своей, он жил на помойке и кормился людскими помоями, отбросами. Поэтому я не то чтобы обиделась, но я поняла, что сейчас вот этот вид творчества людьми не понят. Вы правильно говорили: вряд ли я буду понята кем-то из своих современников. Единственный человек, который немножко заглянул в меня, это был Анатолий Константинович, и я вас люблю именно за этот взгляд. Взгляд в мою сущность. Поэтому я ожидаю от Бога иного творчества. Если я буду сейчас тут хорошо творить, я надеюсь на то, что Господь в вечности мне даст маленький кусок своей Вселенной, где есть бардак, где есть всё, что мы имеем. И я заслужу своей жизнью, Господь скажет: вот тебе кусочек Вселенной, сотвори из него добро, любовь, радость. Сотвори. Сотворишь добро, любовь и радость – будешь моим воином.

Кому посчастливится побывать на «Земле надежды» на озере Тейнто в дальней Байдаракской тундре, недалеко от берега Карского моря и вблизи острогов Полярного Урала, обязательно обратит внимание на необычные каменные страницы. Может быть, скрижали. Наверное, она всё же не может не писать.

Неркаги: Конечно, я не скрываю, это я специально у Данте позаимствовала для тех, кто сегодня проходил мимо: для губернатора, для владык... Значит, слезу утешения, слезу страдания осушить любовью гораздо сложнее, чем весь мир забрызгать кровью. Об этом я им хочу напоминать, что есть кровь физическая, а есть кровь духовная, которая сейчас у наших детей льётся морями. Кроме того, как я уже сказала: разделяй и властвуй, то есть приходится быть ещё и таким политиком. Приходится пользоваться пока вот такими методами, людскими ...

Омельчук: Взаимы у Данте?

Неркаги: Да, взаимы взяла у Данте сегодня, у Гёте и у Байрона. Ну, кроме того, у меня есть свой писательский уголок, недалеко от моего дома...

Омельчук: Да?

Неркаги: Есть писательский уголок, если хотите, мы можем туда пойти. Пойдёмте.

Она родилась здесь. В тундре, но у Камня. На Полярном Урале. На Камне. Русский народ зря не скажет. Русский народ сказал: Камень. У неё характера – камня. Нет, она не каменная женщина, как всякая Мать Тереза, она нежная женщина, бесконечно заботливая мать. Но кому как ни ей – писать на камне.

Наверное, я и сегодня ещё не осмыслил всего, свидетелем чего был. Понимаю одно: это значительно.

И ведь я услышал.

– *Христос придёт с Севера.*

– *Господь даёт каждому свою Вселенную.*

И ведь я увидел:

– *В нашем 21-м веке можно писать каменные книги.*

И их непременно прочтут, каменные книги Анны Неркаги.

Анатолий ОМЕЛЬЧУК

г. ТЮМЕНЬ

Олег ХИМАНЫЧ

*Противоречивая
и многотрудная
история
нашей страны
отразилась
в судьбах
четырёх
известных
россиян*

Русско-норвежские отношения насчитывают не одно столетие. Пересказать историю их простым перечислением дипломатических шагов, исходных и венчающих соглашений — невозможно. Или — почти невозможно. Уж больно куцым получится повествование. Потому что столь длительную историю дружества (наши народы никогда не воевали друг с другом. Разве что в во времена викингов и раннего Новгорода) «писали» не дипломаты. Изю дня в день её создавали десятки тысяч людей по обе стороны границы. Впрочем, о границе в знакомом понимании этого слова в данном случае говорить не приходится. Её попросту не было. Российские поморы, норвежские рыбаки и зверобои плечо к плечу, борт к борту вели тяжёлые, опасные промыслы в Арктике. В конце XIX и начале XX веков русские мореходы и добытчики привычно ходили в порты Финмарка и Тромсё, а на Кольском побережье России даже возникли несколько норвежских поселений. К тому же, многие роднились друг с другом брачными узами.

В семье норвежского промысловика Северьяна Хонцуса, жившего в Варде, было одиннадцать дочерей. Удивительно — семь со временем вышли замуж за иностранцев. Трое уехали в Америку, четверо — в Россию. Троице из последних судьба предначертала породниться с известными российскими поморами.

Иван Ануфриев. Петра

Брак Петры-Марселии Хонцус с Иваном Петровичем Ануфриевым — русским ледовым капитаном был счастливым. Супруги прожили в согласии без малого тридцать пять лет, воспитали четверых детей.

Талант искусного судоводителя всегда высоко ценился на поморском Севере.

История и молва сохранила нам множество имён смелых и удачливых мореходов. Но среди них была особая категория авторитетов, именуемых за практические знания и опыт плаваний «ледовыми капитанами». Первый из них — Иван Петрович Ануфриев.

Профессиональная судьба его во многом схожа с тем, как складывалась она у некоторых ныне морских капитанов, выходцев из поморской

среды. На это невольно обращаешь внимание, изучая послужной список Ивана Петровича. К слову, едина она даже в том трагическом обстоятельстве, что отец его — потомственный помор, как и у многих, погиб в море.

В четырнадцать лет будущий капитан Ануфриев юнгой ступил на палубу ладьи «Святой Николай», ещё два года служил на ладье «Святой Михаил» и шхуне «Святой Пётр». Затем — повышение

Капитан Иван Петрович Ануфриев и его супруга Петра

в должности: в 1882 и 1883-м – кок на шхуне «Святой Иоанн» и куттере «Святой Георгий», принадлежавших известной поморской династии судовладельцев Замятиных. Матрос ладьи «Святой Николай» (1884), шхуны «Святой Клемент» (1885–1891), одного из первых беломорских пароходов «Ломоносов» (1891–1896).

Штурманский чин получен им в 1896 году, и к исполнению новых обязанностей Иван Петрович приступил на пароходе «Святой Трифон», продолжил службу вновь на «Ломоносове», а в 1903-м он уже самостоятельно в должности капитана вывел в море своё судно – «Святая Ксения», принадлежавшее спасательной службе. В 1908-м он принял команду парохода «Святой Николай», а годом позже – одноимённый корабль, но уже ледокольный пароход – первый подобного класса на Белом море. На этот факт в профессиональной деятельности капитана Ануфриева стоит обратить внимание, поскольку в дальнейшем вся капитанская служба Ивана Петровича до

конца жизни была связана с ледовой навигацией.

Несмотря на отсутствие (вплоть до XX века) зимнего судоходства в Белом море, характер льдов, различные его изменения, направления в движении здесь изучались. Для поморов, ведших зверобойный и рыболовный промысел, ждавших открытия навигации или, напротив, спешивших благополучно их завершить, ледовый режим имел чисто практическое значение.

Архангельские капитаны конца XIX и начала XX веков знали науку ледовой навигации не по специальным лоциям, а постигали её с опытом предшественников и своим каждодневным трудом. Так складывался профессионализм капитанов Ф.М. Щепетова, Б.И. Ерохина, Г.И. Поспелова, Д.Т. Черткова... И капитан Ануфриев, безусловно, входил в эту плеяду талантливых судоводителей. Ему и доверили ледокольный пароход «Святой Николай» – первый на российском Севере. Пароход этот приобрёл за границей известный судовладелец и рыбопромышленник Д.Н. Масленников. Водоизмещение судна составляло чуть более 300 тонн. Машина в 356 сил, стальной корпус, усиленный форштевень, броневой пояс вдоль ватерлинии служили главным «вооружением» парохода в противоборстве со льдами.

Технические качества нового корабля, помноженные на опыт капитана Ивана Ануфриева, позволили значительно расширить сроки навигации: «Николай» одним из первых начинал их, а завершал уже в разгар ледообразования.

В московской квартире Лидии Ивановны Ануфриевой – дочери Ивана Петровича, самая дорогая для неё вещь – фотоснимок 1914 года – экипаж небольшой шхуны «Герта». В центре

собравшихся на верхней палубе – капитан Ануфриев. Именно ему поручили командовать этим судном в поисковой экспедиции. Плавание организовывалось русским правительством для поисков полярных групп Георгия Седова, Владимира Русанова и Георгия Брусилова. От их экспедиций давно уже не поступало никаких известий.

Сегодня мы знаем, отчего поиски на «Герте» не увенчались успехом. Нет вины капитана Ануфриева в том, что парусно-моторная шхуна с машиной всего в несколько десятков лошадиных сил не смогла преодолеть пространства многолетних льдов.

На изломе истории

Германская война застала Ивана Петровича в море. По возвращении в Архангельск он получил новое назначение, которое, безусловно, следует расценивать, как повышение – на ледокольный пароход английской постройки – «Линтроз». Судно по пришествию в Россию было затем переименовано в «Садко». Две тяжёлых военных навигации Иван Петрович отходил на нём.

Позднее капитан Ануфриев принял ледокольные пароходы «Александр Сибиряков» и «Семён Челюскин». Судьба последнего закончилась трагически – судно погибло у причала Экономии во время известного взрыва, устроенного немецкими диверсантами. По счастливой случайности капитан Ануфриев в тот момент находился в Архангельске и уцелел. Ещё через некоторое время его назначили капитаном ледокола «Иван Сусанин».

В тревожные и смутные месяцы гражданской войны Иван Петрович жил вне политических пристрастий. Впрочем, как и большинство его коллег – архангельских капитанов.

Капитан Иван Петрович Ануфриев на мостике ледокольного парохода «Александр Сибиряков», 1915 год

Особой строкой в его биографии – плавание и дрейф на ледокольном пароходе «Соловей Будимирович». Известно, что незадолго до эвакуации Белой армии из Архангельска. Судно было направлено в Индигу за грузом оленьего мяса. Командовать пароходом поручили капитану Иоганну Рекстину, незнакомому с условиями плаваний во льдах. Ивану Петровичу Ануфриеву – опытнейшему мореходу, отводилась лишь роль ледового лоцмана. Существует несколько версий отчего «не сложились» его отношения с Иоганном Рекстиным, но к рекомендациям и настоятельным советам Ивана Петровича капитан не прислушался. Пароход затёрло льдами, которые вовлекли его в опасный дрейф. Причём, приблизительно по той же траектории, что восемью годами раньше втянуло шхуну «Святая Анна» Георгия Брусилова.

Исход драмы «Соловья Будимировича» известен. После освобождения Архангельска советское правительство

организовало спасательную экспедицию, к слову – первую в истории новой России. Экипаж и пассажиры парохода были вызволены ледоколом «Святогор» и ледорезом «Фёдор Литке».

В послужном списке Ивана Петровича Ануфриева после 1920 года значатся: небольшой пароход «Кия», снова – «Александр Сибиряков» (три навигации, 1923–1926), наконец, последний пароход – маленькое судно Госторг (1928).

Позднее, когда капитан Ануфриев уже не выходил в море, он не порывал с профессией, которой посвятил жизнь. Ледовая навигация стала той областью, где Иван Петрович продолжал реализовывать свой талант и опыт, но уже в другом качестве.

Пророчество

Страна вступала в четвёртое десятилетие XX века. Организовывалось планомерное изучение и освоение районов Арктики. Уже состоялись первая и вторая Карские экспедиции, известные более под названием «хлебных».

Известие по поводу «исторического рейса» парохода «Александр Сибиряков» Иван Петрович воспринял сдержанно. Прекрасно зная качества старого парохода («Александр Сибиряков» был построен ещё до I Мировой войны), которым он командовал четыре навигации, Ануфриев понимал, какой ценой дался этот прорыв в Берингово море, считал его эту цену слишком высокой, а результат плавания – той счастливой случайностью, что бывает в Арктике, но не слишком часто.

В 1934-м по правительственной директиве в плавание уже готовился «Челюскин» – обычный товарный пароход, построенный на верфи в Голландии. Царила приподнятая атмосфера, по

воспоминаниям некоторых – в чём-то даже праздничная. Рейс намеревалась освещать целая бригада журналистов, фотокорреспондентов и кинооператоров.

Иван Петрович трезво оценивал шансы «Челюскина», неприспособленного для плаваний во льдах, а вместе с тем и шансы всей экспедиции. Судно без ледовых подкреплений корпуса из-за своего широкого «скуластого» корпуса едва могло следовать даже в канале за линейным ледоколом. Отсутствие долгосрочного ледового прогноза на основной трассе перехода, внушительная отдалённость его и от жилья, и даже от баз полярной авиации, по мнению Ануфриева, ставили весь рейс «Челюскина» в крайне опасные условия. Стареющий капитан, конечно же, понимал, что в Ледовитом океане, где одна навигация зачастую крайне разнится с другой, только точные прогнозы и расчёты могут гарантировать успех. Профессиональный опыт и интуиция моряка подсказывали ему: на этот раз триумфа не будет. В это почти невозможно поверить, но Иван Петрович указывал на карте Севморпути то место, где произойдёт катастрофа, и как выяснилось позднее, «ошибся» всего на 100 (!) миль.

Ануфриеву предлагали идти капитаном «Челюскина». Он отказался. Капитаном (к слову, при весьма неясных обстоятельствах) назначили его ученика – Владимира Ивановича Воронина, в нашем настоящем – легендарного судоводителя... Когда отшумели торжества по поводу эвакуации людей из «лагеря Шмидта» и лётчиков – первых Героев Советского Союза, – Владимир Иванович Воронин специально приехал в Архангельск к Ивану Петровичу Ануфриеву, чтобы... повиниться перед своим учителем за нелепую потерю судна.

Невольным свидетелем этой горестной сцены в архангельском доме стала дочь Ивана Петровича – Лидия. Этот её рассказ незадолго до кончины мне довелось записать...

Пророчество капитана Ануфриева сбылось. «Челюскинская эпопея» беспокоила Ивана Петровича до конца дней. В атмосфере ура – патриотизма вокруг этой арктической драмы бесценные уроки первых ледовых плаваний могли быть просто отброшены как доводы перестраховщиков. Старый капитан писал статьи о подготовке специалистов-судоводителей для плавания во льдах, ратовал за применение кораблей с прочными, усиленными корпусами и мощными энергетическими установками. Сегодня, благодаря оставшимся публикациям и рабочим рукописям, нам известны попытки Ануфриева разработать рекомендации для судоводителей, плавающих в Белом, Баренцевом и Карском морях.

Профессор Рудольф Лазаревич Самойлович называл его «чрезвычайно культурным капитаном». Другой полярный авторитет – профессор Владимир Юльевич Визе, обращаясь к статьям Ануфриева, характеризовал его, как «горячего сторонника ледакольного дела на Севере» и писал: «Считаю, что ходатайство о присвоении И.П. Ануфриеву звания Героя Труда, как вполне справедливое, следует вполне признать». Была весна 1936 года...

А 25 июня 1937-го Ивана Петровича Ануфриева не стало. В последний путь, на церковное кладбище у Смольного буяна первого русского ледового капитана провожали сотни архангелогородцев. Протяжными гудками прощались с ним корабли, стоящие на рейдах.

Примерно через год ушёл из жизни один из свяжков Ивана Петровича – помор Никита Васильевич Олонкин.

Никита Олонкин. Елена

Ещё одна сестра Хонцус Хелен (Елена) сочеталась браком с русским помором-промысловиком Никитой Васильевичем Олонкиным. Он происходил родом из деревни Нижняя Кадь Мудьюжской волости. На зверобойные промыслы Никита Васильевич, слышавший меж своими прекрасным охотником-гарпунщиком, ходил далеко – к южной части Новой Земли, не исключено, даже зимовал там. Со временем на здешнем каменистом и тундровом берегу появилась его «личная» охотничья изба – небольшая, но добротнo срубленная на материке и перевезённая шхуной на острова.

Семья Никиты и Елены обосновалась в Александровске, ныне – Полярном. Фото из семейного альбома Олонкиных запечатлело Александровск того времени – бухта, несколько шхун, стоящих на рейде, тундра, подступившая к морю и несколько построек на узкой полоске берега. Крайний справа – дом Олонкиных. Семья жила не только морем. На большой кольской земле, куда Никита Васильевич стремился вернуться до осенних штормов и ледостава, фамилия имела хозяйство и даже небольшое стадо оленей. Жили Олонкины в известном достатке, нажитом честным и тяжёлым трудом за много лет.

Ещё один снимок сделан, очевидно, на каменистом берегу Екатерининской гавани в 1909-м. Подписан он так: «Это мы все – Олонкины». Действительно, на фото мы видим всех детей Никиты Васильевича и Елены Северьяновны: дочерей – Анну, Александру, Валентину и сыновей – Геннадия, Дмитрия и Георгия. Старший из них – Геннадий, младшая – Валентина... Их родители

сумели не только вырастить детей, но и дать им образование, достаточное, чтобы, повзрослев, каждый из них самостоятельно определился с выбором профессии.

Первая Мировая принесла семье Олонкиных первую утрату. Дмитрий – средний сын, к тому времени уже ходил в море на торговых судах. Немецкие подлодки тогда уже хозяйничали вдоль всего русского побережья Баренцева моря, и одна из них подстерегла судно, на котором служил Дмитрий. На снимке 1917 года мы видим уже двоих сыновей Олонкиных – юношу Георгия и заметно возмужавшего Геннадия.

Геннадий Олонкин. Человек Амундсена

В 1919-м Геннадий – старший сын Никиты Васильевича и Елены Северьяновны зимовал на Вайгаче – служил там радиотелеграфистом на русской полярной станции. Югорский Шар. Именно к её берегу в августе подошла норвежская шхуна Maud. Экспедиция Руала Амундсена на её борту ставила своей целью изучение Центрального арктического бассейна и рассчитывала на многолетний дрейф вблизи полюса. Однако в последний момент от участия в экспедиции отказался радист.

К сожалению, мы не знаем, обратился ли Амундсен к Олонкину по чьей-либо рекомендации, был ли он вынужден сделать это исключительно по возникшей необходимости, но известно, что предложение Амундсена Геннадий Олонкин принял не сразу. И не мудрено, он уже познал тяготы зимовок, а впереди маячил рискованный и опасный да ещё и неизвестной продолжительности дрейф во льдах Центральной Арктики. Говорят, Амундсен не раз и подолгу беседовал

Руал Амундсен и Геннадий Олонкин на борту шхуны Maud

с русским телеграфистом во время совместных пеших прогулок по острову. В конце концов, русский помор дал согласие. Как оказалось, это решение предопределило не только его, но и жизнь тех из Олонкиных, кто остался на берегу.

Дальнейшие события на Maud во многом и многим известны: первая зимовка во льдах у северного побережья Таймыра, уход Пауля Кнудсена и Петера Тессема на Диксон, их загадочная гибель, продолжение исследований в восточном секторе Арктики вплоть до 1925 года и относительная неудача всей экспедиции – Maud дрейфовала значительно ниже расчётных широт. За пять долгих зимовок сменились многие из «стартового» состава экспедиции. Отказался от участия в своей же затее и Амундсен. Отчасти из-за ухудшения самочувствия, отчасти – из-за овладевшей им новой идеи – воздушной трансарктической экспедиции. Геннадий Олонкин оставался на Maud с самого начала и до конца.

В Норвегию участники пятилетнего дрейфа вернулись, если не национальными геро-

ями, то людьми, чьи заслуги были признаны. Геннадия Олонкина наградили норвежским орденом почётного легиона, ему выплатили приличное вознаграждение и предложили работу в Тромсё, в одном из самых престижных арктических институтов Европы – метеорологических исследований.

Жертва генерала Нобиле

В семейном архиве Олонкиных обращает на себя внимание пожелтевшая от времени открытка с изображением дирижабля Norge. В своё время её прислал из Тромсё Геннадий. Признаться, занимаясь историей с полётом «Norge», я не единожды «спотыкался»: в одних документах Геннадий значился среди участников (например, в судовой роли он заявлен лично Амундсеном), а в других списках экипажа его нет. Что же происходило? Выяснить некоторые обстоятельства удалось, выслушав рассказ сына Геннадия – норвежского капитана Торбьена Олонкина.

Воздушная экспедиция на дирижабле ставила целью пересечь Северный Ледовитый океан со Шпицбергена до Аляски, а по пути авиаторы ещё и планировали достичь Северного полюса и даже высадиться на него в случае благоприятных погодных условий. Экспедиция готовилась совместными усилиями Норвегии, Италии и США. Приготовления шли в постоянных конфликтах между итальянским генералом-дирижаблестроителем Умберто Нобиле и норвежским исследователем Арктики Руалом Амундсеном. Прежде всего, стал вопрос – кому командовать? «Выскачке генералу», как называл Амундсен конструктора дирижабля, или «дилетанту авиации», как в ответ честил Амундсена Нобиле. Изрядно поскандалив, они сошлись на том, что в полёте до Северного полюса командовать будет Нобиле, а на дальнейшем пути руководство перейдёт к Амундсену. Кое-как поладив в этом вопросе, спорщики взялись «делить экипаж». Сколько уже написано о неприязненных отношениях двух ныне легендарных людей – Амундсена и Нобиле, но вот ещё малоизвестная деталь – «предметом» их очередной тяжбы в 1926-м стал именно русский помор Олонкин.

Генерал ратовал, чтобы экипаж представляли только итальянцы и норвежцы. Правда, речь не шла об американце Линкольне Элсуорте, который финансировал внушительные траты на экспедицию. Нобиле был против кандидатуры Геннадия Олонкина. Амундсен долго упрямылся, не хотел «без боя сдавать» своего испытанного товарища. Взамен он категорически требовал исключения из команды племянника итальянского генерала, заявляя, что «два Нобиле на одном дирижабле – это слишком много». В конце концов,

стороны «разменяли фигуры». Предлогом для отстранения Геннадия Олонкина от полёта на Norge якобы послужило медицинское заключение о якобы... частичной потере им слуха.

Все оставшиеся годы Геннадий жил в Тромсё, работал в институте, участвовал в арктических экспедициях. Здесь же, в Норвегии он женился, родились трое детей – сын и две дочери.

Через некоторое время, уже после развода с Никитой Васильевичем Олонкиным, на постоянное место жительства в Норвегию, к своему сыну Геннадию переехала его мать – Елена Северьяновна. Туда же отправилась и её младшая дочь, сестра Геннадия – Валентина.

Умер русский и норвежский исследователь Арктики Геннадий Олонкин в 1960-м, прах его покоится на городском кладбище в Тромсё.

Георгий Олонкин и другие

Третий сын Никиты Олонкина – Георгий пошёл по морским стопам отца и старших братьев. Он выучился на судового механика и начал работать на научно-промысловых судах – первых в советском исследовательском флоте.

Предлогом для ареста Георгия послужила... книга Фритьофа Нансена «Моя жизнь», изъятая с полки его домашней библиотеки. Позднее, сочиняя так называемое «обвинительное заключение», следователи припомнили ему не только ближайших родственников за границей. «Доказательством» причастности к шпионской деятельности сочли и норвежский язык, которым Георгий, естественно, владел свободно.

На Вайгаче в добровольном заточении полярной станции работал радиотелеграфист Геннадий Олонкин.

Геннадий Олонкин – полярный исследователь из Института метеорологических исследований в Тромсё, около 1934 года

И уж точно – помыслить не мог, что спустя 21 год здесь же, на Вайгаче, его брат Георгий окажется на сталинской каторге. О вайгачских рудниках, об эвакуации морем в 1942-м, о Норильсклаге, Дудинке Георгий Никитич вспоминать не любил. И сам не заводил разговоров, и отмалчивался, когда его пытались о том расспросить. Разве что, в беседе со мной сделал исключение.

Не миновали репрессии и его сестру Анну, которая до войны работала учительницей. По аналогичному «подозрению в шпионской деятельности» следователи НКВД состряпали дело и на Анну Никитичну, получившую по приговору «суда» 5 лет лагерей.

Жизнь Георгия Олонкина после освобождения – жизнь сотен тысяч изгоев с ярлыками «врагов народа» и со всеми вытекающими отсюда последствиями. На море он не вернулся. Жил в Онеге, работал в леспромхозе. С матерью и старшим братом, жившими в Норвегии, не переписывался, даже не пытался делать это. Боялся.

Георгий Никитич последние месяцы тяжело болел.

Однако несмотря на преклонный возраст и неотступающий недуг, сохранил ясную память, непогрешимую даже на второстепенные даты и события, оказался чрезвычайно интересным собеседником, образованным, владеющим, без преувеличения, литературной речью.

Умер Георгий Никитич в конце августа 1990 года. Документы о его полной невиновности и реабилитации по почте пришли в семью Олонкиных в день его смерти, опоздав всего на несколько... часов!

Нестор Смирнов. Бригитта

Самая младшая из сестёр Хонцус – Бригитта (Гита) стала супругой Нестора Александровича Смирнова. О нём мы знаем, к сожалению, много меньше, чем этот человек заслуживает. И странно это и досадно! Русский дворянин, племянник Дмитрия Ивановича Менделеева, одарённый учёный, владевший девятью языками, энциклопедическими познаниями во многих областях, профессор, получивший учёную степень в 20 (!) лет, Почётный член многих европейских академий, один из основателей русской, советской морской биологии. Пытливый ум, энергия, свойственная молодости, рождали в нём живой интерес и стремление к неизведанному. Ещё студентом он участвовал в практических морских экспедициях, в том числе – на будущем судне Георгия Седова «Святом мученике Фоке» (1902).

В самом конце XIX века Россия включилась в океанологические исследования в составе Международного Совета по изучению морей. Тогда же на Мурмане открыли биологическую станцию. Основная её база, по современным понятиям – крохотного флота, располагалась в Екатеринбургской га-

Профессор биологии Нестор Александрович Смирнов и его супруга Бригитта

вани Александровска, рядом, что называется, по соседству с домом семьи Олонкиных. Вероятно, личное знакомство Нестора Александровича с Никитой Васильевичем относится именно к этому времени. В 1910–1912 годах биолог Смирнов несколько раз выходил на промысел зверя в экипаже капитана Григория Поспелова на шхуне «Дмитрий Солунский», а в 1912-м экспедиция на ледокольном пароходе «Святой Николай» объединила всех троих, ставших затем по родству свояками – капитана Ивана Ануфриева, старшего гарпунёра Никиту Олонкина и биолога Нестора Смирнова.

В советское время Нестор Александрович участвовал в организации промыслов на

Дальнем Востоке, выходил в океан на судах китобойной базы «Алеут», напряжённо работал над книгой «Звери Арктики» – и по сегодняшний день – одним из наиболее полных изданий по данной теме.

Чета Смирновых до Великой отечественной жила в Ленинграде. Семья потомственного русского интеллигента, учёного с мировым именем ютилась в крохотной коммуналке. Бог не дал детей Бригитте Северьяновне и Нестору Александровичу, но после смерти капитана Ануфриева его дочь Лидия воспитывалась в семье Смирновых.

Исход же семьи был трагичен. Война, блокада и эвакуация. Покидая Ленинград, из вещей Нестор Александрович

взял с собой только рукописи: он не мыслил себя без работы. Эшелон двинулся в сторону Вологды. Где-то по дороге супруги Смирновы скончались от истощения. Неизвестно, где они похоронены.

Вместо эпилога

Фамилия Олонкиных увековечена на географических картах. В честь своего русского сподвижника Геннадия Олонкина Руал Амундсен в 1919 году назвал одну из таймырских сопок в районе зимовки Maud – горой Олонкина. Норвежцы назвали его именем свою полярную станцию на острове Ян-Майен.

Имя Никиты Васильевича Олонкина можно отыскать на карте Новой Земли, в южной её части, недалеко от Карских ворот, в том месте, где поставил он свою охотничью избу, согретую и спасшую многих. В 1909-м никто иной, как сам Владимир Русанов, с благодарностью вспоминал это пристанище на пустынном берегу, нарёк близлежащий мыс мысом Олонкина. Его координаты – 70 градусов и 38 минут северной широты и 54 градуса 55 минут восточной долготы.

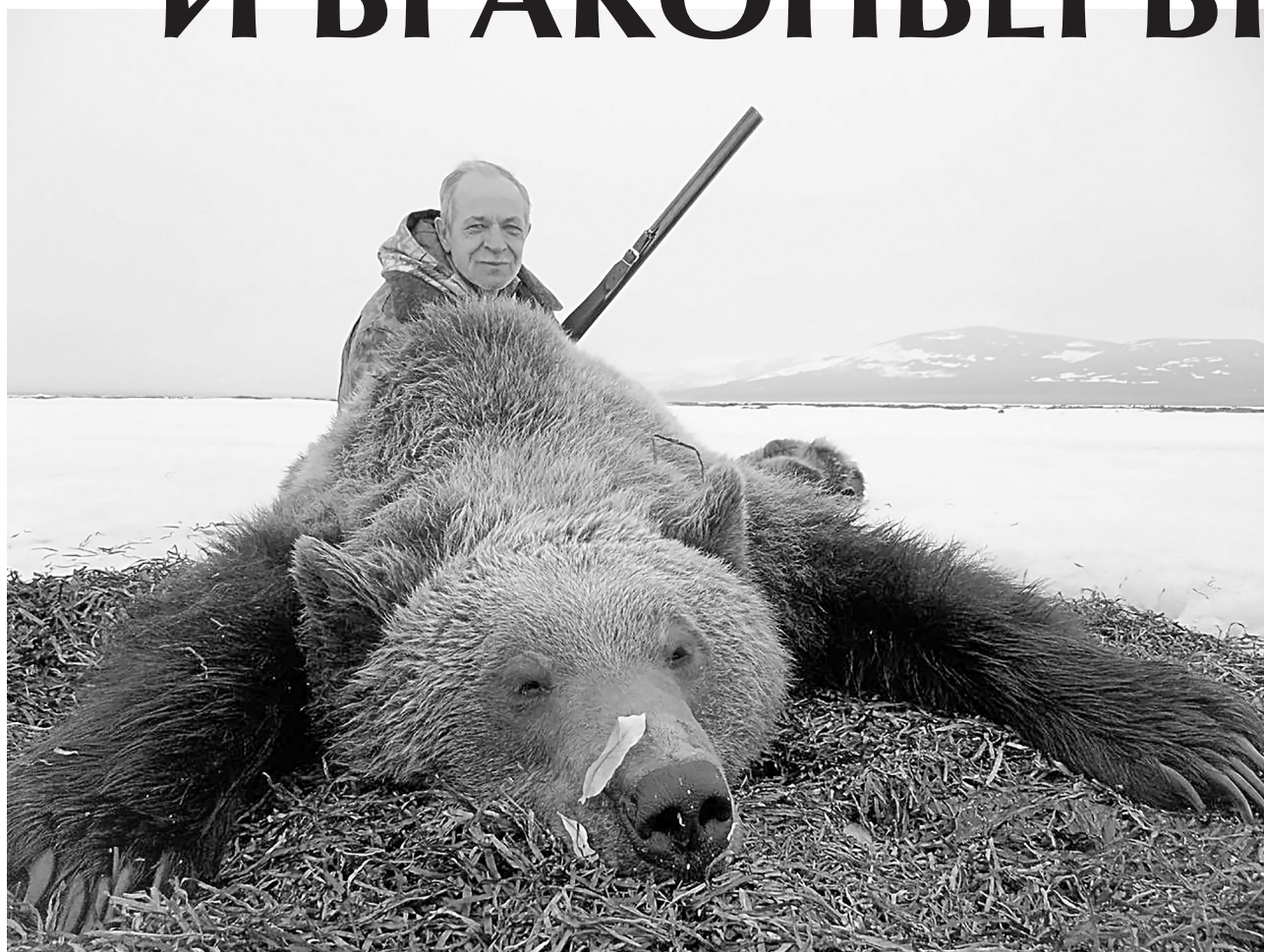
Имя профессора Нестора Александровича Смирнова одно время носил большой промысловый корабль советского флота.

В новоземельской топонимике увековечен и капитан Иван Петрович Ануфриев. Его имя носят бухта и река. А вот руководством Морфлота, и в частности – Северного пароходства имя этой ярчайшей личности в созвездии архангельских капитанов, на мой взгляд, непростительно забыто. Не было и нет среди морских судов архангельской приписки того, что носило бы на борту имя первого ледового капитана России.

г. СЕВЕРОДВИНСК

Сергей СУЩАНСКИЙ

МОИ ДРУЗЬЯ – ОХОТНИКИ И БРАКОНЬЕРЫ

«ИДУ, СМОТРЮ...»

Орхар – он и в Африке Орхар

Я прекрасно знаю, что слово АРХАР начинается с буквы «А». Но персонаж моего дальнейшего рассказа окал – где надо и не надо. И произносил именно ОРХАР.

Ну вот. Моего дружка так и звали – Орхар. Охотником (или браконьером?) он был знатным, за свою жизнь на Колыме дичи навалял – немерено. Ходил по тайге, обычно посасывая беломорину и чего-то, рассказывая на ходу.

Все его рассказы были только об охоте. И начинались всегда одинаково:

– Вот, как-то, иду... Смотрю... Стоит...

Вместо многоточий употреблялись разные слова, например:

– Вот как-то иду по мари (по гари, по наледи, по склону, по гребню, по щебню, по болоту и т. д.), смотрю – стоит: олень (лось, медведь)...

Дальше в рассказах было два возможных варианта. Первый:

– Ну, снимаю карабин (или охотничье ружье) – бац! бац! – есть!

Второй:

– Бац! Бац! – мимо!

Правда, во втором, как и в первом случае, итог для зверья оказывался печальным – в карабин досылался новый патрон или вставлялась новая обойма (старожилы должны ещё помнить охотничьи карабины калибра 8.2 мм). Или, если это было охотничье ружьё – оно спешно перезаряжалось жаканами. Далее следовало:

– Бац! Бац! Есть!

Обычно, передразнивая Орхара, я и сам старательно окал.

Каково же было моё удивление, когда я случайно услышал, как мой сынуля – было ему тогда годика полтора – увидев в окне Орхара, произнёс:

– Иду... Сотлю... Охаль...

То бишь:

– Иду... Смотрю... Орхар...

КОЛЁК

Стоял в нашем посёлке жуткий по своему внешнему виду и архитектурному стилю барак, носивший, тем не менее, громкое имя – Гортензия. Очевидно, когда в конце 40-х годов прошлого века его возводили, выглядел он гораздо лучше, чем стоявшие вокруг брезентовые палатки, утеплённые пластами мха. А дело было после войны, на Колыму каким-то чудом попали трофейные кинофильмы. В одном из них фигурировал замок под названием вилла Гортензия. Вот с тех пор это имя и приклеилось к бараку.

Много разного народа побывало в бараке. Кто-то задерживался надолго, а кто кантовался день-два. Однажды какие-то долгожители приспособили пустующую каморку под курятник – долго потом в Гортензии чувствовался запах куриного помёта.

С одной стороны барака находилась торговая точка – лавка колониальных товаров, как её называли некоторые приезжие. С другой – три комнаты-коморки, в которых стоять в полный рост было невозможно. Одну такую каморку занимал Колёк – рабочий гидрогеологической экспедиции.

Да... Надо сказать, что Колёк имел обыкновение квасить, что называется, до потери пульса. Многие мужики этим страдают, но дружок мой отличался необычайной жадностью к выпивке и мог неделями пребывать в запоях. Бороться с этим было бесполезно. Если не хватало монопольки, Колёк ставил в сорокалитровом молочном бидоне брагу на сухофруктах, киселе в брикетах – да Бог знает на чём! – и продолжал занятие до полного изнеможения.

...В то лето в посёлок приехала из Магадана экспедиция одного НИИ и навезла – естественно! – спирту, к тайной и явной

радости местных алкашей. Я попросил начальника экспедиции быть поаккуратней с выпивкой – во избежание всяческих эксцессов.

Но не тут-то было! Необратимый процесс пошёл!

Как-то захожу к Кольку – уж за давностью лет и не помню, по какому делу. Сидит, красавчик – хорошенький такой! А напротив – тот самый начальник экспедиции НИИ! Запах перегара, табачного дыма и ещё какой-то тухлятины витал в полуподземном царстве. Общее убранство стола свидетельствовало о достаточно длительном общении рабочего класса и трудовой интеллигенции. А посреди стола возвышался треугольный флакон с уксусной эссенцией. Естественно, моя первая мысль была примерно такой: «Ну, всё, мужики допились до чёртиков – эссенцию глушат!»

Я закричал:

– Что вы делаете! Остановитесь! Её нельзя пить!

– По чуть-чуть – можно! – заплетающимся языком, но очень веско заметил Колёк и разлил содержимое флакона по замызганным стопкам.

Я схватил со стола ёмкость, осторожно понюхал. Спирт! Слава Богу – не отравятся.

– Ну, когда протрезвеете – будем разбираться...

БОЯРСКИЙ

Ничего общего со знаменитым артистом Михаилом Боярским мой дружок не имел. Ну, однофамилец, а повезло или не повезло – это как посмотреть. В тайгу на Колыму его занесло попутным ветром романтики начала 70-х годов прошлого, однако, века, и тысячелетия.

Боярский родом из Одессы, поэтому говорок у него был с «хохлацко-еврейским» прононсом. К тому же он картавил и через каждую пару слов вставлял звучное «бля», особенно в подпитии. Речь его понять было довольно трудно, а переспрашивать – вроде неудобно. А что можно понять, если к тебе обращаются:

– Буль-буль, бля, буль-буль?

Правда, позднее, посчитав себя «крутым» таёжником, мой дружок каким-то чудом трансформировал «бля» в «бль»... Это потом уже появилось замечательное слово-паразит «блин»!

Особую страсть Боярский имел к медведям – так он называл Хозяев тайги. Встречал их (по его словам) довольно часто, но всё как-то бестолково: то карабин осечку даст, то патроны забудет. А то –

присядет под кочкой, а Хозяин – вот он! Тут как тут!

Году в 76-м был случай, когда медведица загнала моего дружка на дерево. А спустя несколько дней на станцию наскочили корреспонденты местных «брехаловок». И рассказ Боярского об этом эпизоде попал в «Магаданскую правду». Однако, одно дело, когда охотничьи байки идут под водочку в тесном кругу, другое – когда о твоих подвигах читает вся Магаданская область, включая Чукотский АО! После выхода в свет статьи, на Боярского было жалко смотреть. Но сам виноват, не зачем было языком трепать лишнее!

...Однажды прибегает Боярский ко мне и с порога кричит:

– Пойдём медведей гонять!

– Да у меня всего два патрона – сильно не погоняешь!

– Ничего, зато у меня к карабину – три обоймы!

И побежали: у меня однодулка ИЖ-18 двенадцатого калибра, у Боярского – тот самый охотничий карабин калибра 8.2 мм. Да уж...

На гребне – медведица с двумя медвежатами: один побольше – может быть, пестун, другой – поменьше, сеголеток (такую классификацию давал медведям Орхар). Конечно же, она учуяла нас задолго до того, как мы приблизились к медвежьей семейке, и резко дала дёру вниз, а затем ещё более резко – вверх по противоположному склону, через густые заросли стланика. Причём подгоняла малышня, периодически поддавая им лапой под зады.

Боярский сбросил карабин с плеча и, чтобы пугнуть семейку, хотел стрельнуть в воздух. Щёлк! – осечка. Передёрнул затвор: щёлк! – опять осечка! Мне уже не интересно на него глядеть, я наблюдаю медвежью гонку по склону сопки. Вот зверьё достигло гребня. Медведица одной лапой дала шлепок одному босяку, другой – другому. Сама встала на задние лапы, и мне показалось (а может, только показалось?), что когтем передней лапы она покрутила у виска – и исчезла. Картина была настолько впечатляющая, что я не сразу обернулся к Боярскому. А тот безрезультатно прощелкивал уже третью обойму, в очередной раз подтвердив, что с медведями ему действительно не везёт.

Хотя, конечно, результат налицо: и карабин, и патроны к нему были, мягко говоря, хреновыми. И некоторое время спустя на станцию прислали два новеньких, в смазке, кавалерийских карабина калибра 7.62 мм 1944 года выпуска.

А ещё был случай – вообще! Подались

как-то Боярский с Орхаром за два перевала зимовьё строить. То самое, возле которого, впоследствии потеряли преподавателя Колю. Понятное дело, кроме продуктов, затарились инструментарием и стройматериалами – гвоздями, скобами, штырями. И оружие взяли – один карабин на двоих. Шли, шли, на «чайхане» – так называлось место постоянного чаепития и перекусов – развели костерок. Пока кипятили воду для чая, на прутиках стали жарить колбасу. Запахи – на всю тайгу! А на них и пришёл Хозяин – молоденький медведь. Почему пришёл один, без мамки – а кто ж его знает! Стал на задние лапы и смотрит на людей. Боярский схватил карабин, хотел пальнуть в воздух – отпугнуть зверя. Да только без толку, осечка. Вот это было зрелище: Боярский прикладом, а Орхар горячей веткой отмахивались от пришельца. Так общими усилиями отогнали мишку.

Но это уже, естественно, другая история...

В отличие от Орхара, охотником Боярский был никудышным. Но поскольку являлся вторым, а по истечении времени – и Первым человеком на станции, то имел доступ ко всему станционному оружию и боеприпасам. Да и своего, даже по тем временам, было навалом. Только это тот самый случай, когда количество в качество не переходит.

Кроме оружия, Боярский таскал в тайгу фотоаппарат, бинокль и нож, который носил в кожаной кобуре от револьвера системы «наган». Где он её взял – история умалчивает. Может быть, осталась на станции со времён ГУЛАГа. Много чего тогда валялось бесхозного! Но нож в кобуре от нагана меня поразил, во-первых, нелепым видом – нож в пистолетной кобуре! Во-вторых – всегда найдётся путная вещь, из которой можно сделать ... плохую.

Ну, если нож и фотоаппарат в тайге – ещё так-сяк, то зачем Боярский таскал с собой бинокль – для всех, и для меня в том числе – всегда оставалось загадкой. Выслеживать дичь? Бред! За всю свою жизнь на Колыме он не убил ничего, крупнее куропатки. Не, вру. Был случай – убил барашку снежную. Но такую мелкую, что, сварив, мы толком и распробовать её не смогли...

Да и отвоевав себе охотничий участок, и начав ставить капканы на соболя, Боярский всегда возвращался пустым: в капканы попадались кукши, кедровки и мыши. Поэтому вскоре образовался симбиоз – скорешились Боярский с Орхаром. Однако особой дружбы «ужа» с «ежом», не полу-

чилось. Что-то не поделив, Орхар написал на Боярского клязу в районную прокуратуру. Каким-то странным боком влип в эти разборки и я – меня вызывал следователь на допрос. Предоставив ему требуемые документы, я оказался чист как, правда. А следователь сказал: «Вы имеете право привлечь имярек к ответственности за клевету».

Конечно, я никуда никого не привлекал. Ежели есть на свете Бог, то Он каждому воздаст по делам его...

РЫБАЛКА

Как-то пошли мы с другом на рыбалку на Заветный Ключ – хариусов подёргать. Снасти настроили, наживку приготовили.

– Серж, – говорю, – я тебя обловлю!

И обловил: за целый день друг поймал одного хариуса, а я – двух ...

ОХОТА НА СОХАТОГО

Как-то раз послал Господь удачу – нам на станцию выделили лицензию на отстрел сохатого для котлового питания. И сборы были недолгими – поехали все мужики, кроме Шефа. Тот остался дежурить на телефоне.

Короче – поехали на станционном автомобиле ГАЗ-66 с кунгом. И с погодой повезло – стоял февраль, но в этот день потеплело, и можно было спокойно ходить в свитере и штормовке. Правда, настоящей

штормовки у меня не было – я просто обрезал лишнее у брезентового плаща-пыльника, кое-какие места ушил – и получилась вполне пригодная для носки вещь. Конечно, нет смысла сравнивать её с сегодняшними разными аноракowymi заморочками!

За истёкшее с момента перешива время эта моя одежонка, первоначально имевшая цвет хаки, выгорела и вылиняла, и приобрела какой-то белёсо-рыжеватый оттенок. А Орхар смастерил себе нечто из плотной белой материи и гордо обзывал получившийся предмет маскхалатом. За время перемещений по тайге орхаров маскхалат приобрёл такой же белёсо-рыжеватый оттенок, как и моя самопальная штормовка.

Тут машина остановилась, мы – оказывается! – догнали лося, который шёл параллельным с нами курсом. Три окошка с правой стороны кунга откинулись, и началась пальба. Мне места у бойницы не досталось, зато я схватил лыжи, рюкзачок и ружьё – и первым выскочил из кунга. Уж не знаю, куда там стреляли мужички, но лось сначала пошёл быстрее, потом погнал – только его и видели. Стрельба прекратилась. Когда охотники посыпались из кунга – я уже шкандыбал по следу. Всё-таки кто-то попал (как потом оказалось – не один раз) в лося – с каждым его шагом крови на снегу становилось всё больше и больше.

Вначале вся толпа охотников двигалась в погоне плотной стаей. Но, в конце концов, остались я и Орхар – остальные здорово отстали. Я иду впереди и чувствую –

вот-вот, вот сейчас, появится лось! А Орхар пыхтит сзади и говорит:

– Пусти, пусти меня вперёд – я в маскхалате!

Я как услышал – так и упал на снег. Он в маскхалате! Да его маскхалат по сравнению с моей штормовкой – тёмное пятно на снегу!

...Лося мы догнали. На наши выстрелы по лыжне быстро прибежали остальные ребята.

Ну, а дальше – дело техники...

И ТЕПЕРЬ РЫЧИТ – ПО-МЕДВЕЖЬЕМУ...

Как-то, в начале июля я выполнял замеры воды на ручье – всё точно по программе. И нет смысла тут вдаваться в производственные подробности. Но, поскольку «тайга вокруг, тайга закон», ружьецо своё охотничье ТОЗ-66 двенадцатого калибра держал рядышком, чтобы, значит, дикие животные не застали врасплох.

Я уже заканчивал работу, как вдруг из кустов раздался дикий рёв. Естественно, я схватил двустволку. Взял курки: дуплет жаканами в упор – мало не покажется даже Хозяину тайги. Но тут из-за кустов выскочил смеющийся Орхар. Я говорю:

– Чё, от большого ума крыша едет?

– А ты чё – испугался?

Потом оказалось, что Орхар не только меня пугал, но и станционных девчонок, особенно незамужних. И спустя несколько дней – опять наскочил на меня. Но эффект получился, как говорят, с точностью до наоборот: я взвёл курки и навскидку пальнул

из одного ствола – в ту сторону, но поверх кустов. Орхар выскочил бледный и стал что-то жутко орать. А я говорю:

– Дурак ты, боцман, и шутки у тебя дурацкие! В следующий раз буду стрелять на звук – на твой рёв!

Короче, Орхар несколько времени со мной не разговаривал и не здоровался.

Но шутки – прекратились...

ГЛУХАРИНАЯ ОХОТА

Бог поможет – глухаря

Я добуду – втихаря...

С.Суцанский

У Орхара родился сын.

Читатель, не воспринимай написанное буквально! Так за глаза – Орхаром – звали моего дружка-товарища и соседа по бараку. За какие подвиги приклеилась к нему такая кличка – никто уже толком и не помнил. Когда я появился на Колыме, Орхара уже и звали «Орхаром».

Итак, у Орхара родился сын, и он решил в ближайшую субботу обмыть, как и положено, появление наследника, пригласив на торжество если не всех, то большинство своих коллег, друзей и знакомых.

Но суббота – святой для охотников день! Капканы расставить, проверить, поправить, а там глядишь – и дичинку, какую-никакую, подстрелить. А потому, с раннего утра, ещё по темноте, мы разбежались по распадкам. Сам виновник торжества остался готовить стол.

Несколько коллективных выездов на природу отбили у меня всякое желание охотиться стадом, и уже года три я ходил

по тайге, и зимой и летом – в одиночку. По-разному можно относиться к прогулкам в одиночестве, тут есть и свои плюсы, и свои минусы. Самое главное, ты сам себе командир, «хочешь спать ложись, а хочешь – песни пой». Вся встреченная дичь – твоя: удалось подстрелить – хорошо, нет – винить некого! Но с другой стороны, даже простая поломка лыж, это уже проблема: пешком по сугробам далеко не уйдёшь! А не дай Бог... Нет, ни писать, ни даже думать об этом не хочется!

Стоял ноябрь, и на Колыме уже трещали обычные для этого времени года морозы. Но денёк выдался пасмурный, шёл небольшой снежок. Ветра не было – и это радовало. Я загрузил рюкзак капканами, приманкой, взял термос чая – чтобы не тратить время на разведение костра и кипячение воды, естественно – кое-что на перекус. Само собой, ружьё и запас патронов. В соседнем распадке за перевалом у меня стояла небольшая «избушка на курьих ножках», этакая собачья конура, разместиться в которой, да и то без особого комфорта, мог только один человек. Но была печурка и в случае чего, всегда можно было отдохнуть, обогреться, просушиться и приготовить нехитрую снедь.

Когда я взлетел, не смотря на «гирьку» в рюкзаке, как на крыльях на перевал, уже рассвело. Не останавливаясь, ходом спустился, точнее, съехал вниз верхом на палке. Палка должна быть достаточно прочной, ибо служит тормозом и не даёт охотнику разогнаться до беспредельной скорости. Такой способ катания на лыжах по-колымски я перенял у своих дружков-охотников...

Две недели назад я уже начал сезон зимней охоты, но прошлую субботу ломало – и вылазка в тайгу не состоялась. Время шло, и пока окончательно не разразилась зима, нужно было разнести капканы по путикам.

Лыжня, проложенная мною по руслу ручья, была видна отчётливо. И, подгоняемый азартом, я нёсся к избушке.

Печь в избушке я разжигать не стал. Зажевал пару печенюшек с намазанным на них сливочным маслом и хлебнул чайку из термоса. Часть груза оставил в домике, и налегке, двинул вниз по ручью.

Я не отошёл от стоянки и ста метров, как вдруг из зарослей карликовой берёзки вылетел глухарь и уселся на ветке лиственницы метрах в пятнадцати ниже по ручью. От такой наглости я замер и даже лыжи не сбросил. Двустволка слетела с плеча автоматически, как бы сама собой. Сердце колотилось бешено, и я понял, если выстрелю немедленно, то, скорее всего, промажу.

Несколько раз глубоко вздохнул, держа глухаря на прицеле. Думал об одном: сорвётся с места глухарь или нет? Задержал дыхание, большим пальцем правой руки передвинул предохранитель и выстрелил из нижнего ствола. Глухарь перевернулся и головой вниз упал в сугроб. Звук выстрела спугнул второго глухаря, который взлетел чуть впереди меня и по диагонали пересек долину. Не целясь, на вскидку, вторым выстрелом из верхнего ствола сбиваю и этого. Замер, сердце уже готово выскочить из грудной клетки. Переломив ружьё, спешно перезарядил стволы. Рукавицы бросил на снег, но холода не почувствовал. Сбросив рюкзак, медленно пополз вперёд. И всё-таки третьего глухаря я прозевал: он взлетел откуда-то сзади и уместился на толстый сук лиственницы. Но шум крыльев заставил меня оглянуться – и глухарь, сидящий на ветке, сразу же попал в моё поле зрения. Я опять выстрелил из нижнего ствола – и глухарь забил крыльями по снегу.

Да... Такой стрельбы у меня никогда не было ни до, ни после этого случая. Хотя вся охота заняла не более двух минут. А может быть и меньше: кто в таком азарте засекает время? Честно говоря, я не успел насладиться прелестью охоты: три выстрела – три глухаря! И всё! Я собрал дичь и сложил тушки на лыжне в кучу. Пробежался вниз ещё с полкилометра, но всё, охотничье счастье закончилось. Расставлять капканы уже не хотелось, но я всё-таки настропалил десяток – что бы был стимул на следующие выходные.

Уже стемнело, когда я появился в посёлке. Но едва я зажёл свет в своей комнате, Орхар тут как тут. И пока я сбрасывал обледеневшие и мокрые манатки и сбивал сосульки с бороды и усов, он разглядывал трофеи при свете тусклой электрической лампочки. Да, три глухаря – это не хухры-мухры! Орхар стоял, оттопырив нижнюю губу – любимая поза, когда зависть переполняла его и бурно выплёскивалась через край. Считаю себя охотником номер один на Колыме и её окрестностях, Орхар не переносил какие-то даже маломальские успехи других.

«Ладушки, Орхар», – подумал я. – «У тебя сегодня праздник – пусть у тебя на столе будет кусок моего пирога!» Я ещё раз поздравил Орхара с рождением сына и презентовал ему одного глухаря. Да, ладно, по такому случаю – не жалко!

Так сына мы обмыли. Естественно, он получил по наследству кличку – «Орхаровец». Но вот до сих пор не могу придумать, как называть жену Орхара: Орхаркой? Орхаршей? Или Орхарицей?

ИСТОРИЯ С ГЕОГРАФИЕЙ

Эта история только косвенно связана с Орхаром, ибо главным действующим лицом был я – собственной персоной.

...День 8-е марта следовал сразу после субботы и воскресенья, и я решил сорваться и поискать зимовье на Заветном Ключе, о котором много слышал. А что? День туда, день там и день – обратно. В общем – собрал рюкзак, взял пуховой спальник, который привёз сто лет назад из альплагеря «Шхельда», ружье, припасы – и вперёд!

А Орхар мне долго объяснял, где конкретно находится это самое зимовье, даже план-схему нарисовал: мол, вот прижим, у прижима на ручье – Чёрный Камень, дальше долина расширяется и посредине расширения – оно самое, зимовье. А на ключе в этом месте – деревья, наклонённые над водой (поскольку зима – надо льдом). Тут я вспомнил Крамарова: «И дерево – такое...»

Зимовье – километров в двадцати пяти от станции, с учётом перевала – часов семь по хорошей лыжне.

В марте дни уже длинные, шёл – особо не спешил. Стало пригревать солнышко – я остался в тельняшке и штормовке. И хотя тропил лыжню – шлось легко, и по пути грохнул пару куропаток.

А вот и прижим с Чёрным Камнем! Ну, значит, до зимовья – рукой подать!

Нашёл местечко удобное, сбросил рюкзак и налегке – взяв лишь ружьё и патронташ – кинулся на поиски. Уж очень не терпелось!

Ага, вот и «дерево – такое...» Но что-то не врублюсь – промахнулся что ли? Начиная ходить галсами – от ручья к сопкам и обратно. Прошёл всё то, что Орхар определил (и не просто определил, на схему нанёс!) – расширением – ни хрена. Ладно, из-за деревьев не рассмотрел. Иду галсами параллельно ручью, постепенно приближаясь к сопкам – опять ни хрена!

Уже темнеть стало, но хорошо – луна выскочила. Я назад, к Чёрному Камню. Тук-тук – костерок запылил, сначала чайку сгоношил. Пока пил чай – все рассматривал рисунок Орхаров: ну, блин, зараза! Сусанин! Послал на Кудыкины горы! Но с другой стороны – насильно меня никто сюда не гнал!

Пока варился кондёр – уж и ночь настала, благо светлая, лунная. Сушу манатки и думаю: ну, и что дальше? Ладно, сейчас ещё дёрну чайку, залезу в спальник – и хоть не рассветаю. Но с рассветом-то

что: бежать назад? Или сделать ещё одну попытку поискать зимовье?

Утром всё решилось само собой: валенки я положил вместо подушки под голову, они были сыроватыми – и за ночь смёрзлись. Вылез из спальника, вскочил на лыжи – и бегом, усиленно двигая ногами: самому чтобы согреться, да валенки разогреть. Ну, и опять пробежался до того места, где якобы должно быть зимовье, а Орхар на схеме поставил крестик.

Честно говоря, ясности не было: то ли Орхар что-то перепутал, то ли я промахнулся.

Распалил костерок, кое-какой харч (вчерашний) разогрел да чайку вскипятил.

Делать нечего, иду назад. Но с перевала решил заскочить в другой распадок, где стоял барак – ещё со времён ГУЛАГа и где зеки валили лес. Лес тот так и сгнил – в штабелях...

Спускаясь с перевала, я решил срезать кусок пути... и врюхался в наледь. Сразу и не сообразил, что произошло: лыжи вдруг осели, из-под снега забулькала вода. Я кинулся, было, назад – да поздно, батенька! Расслабься! Лыжи стали как вериги – ни туда, ни сюда. Пока выбирался – ноги промокли и уже в валенках хлюпает вода... Сбросил рюкзак, ружьё – всё, что может помешать. Опять «ныряю» в наледь, с трудом нахожу и достаю лыжи. А время-то идёт! Уже стемнело, опять выпорхнула луна.

Кое-как вместе с лыжами выбрался на сухое место. Ноги и руки постепенно коченеют, но надо, всё-таки, очистить лыжи от налипшего и намёрзшего снега. Тесак – на все случаи жизни: и нож, и ложка, и топор. Пока чистил лыжи – ноги вообще перестал чувствовать.

Так! Обходим проклятую наледь! Но опять не рассчитал – второй раз въехал и почти по колено. Мысли тут в голову полезли всякие: один, ночь на дворе, силы на исходе, есть хочется, спать хочется... До барака – километра два. Вот эти два километра я полз, наверное, два часа.

Ввалился в барак – «ни гудком, ни колесом». Благо, в бараке была заначка дров. Из последних сил зажигаю в печи огонь, ставлю котелок снега для чая. Еле-еле скинул мокрые и обмёрзшие валенки и штаны. Залез на нары, укрылся спальником – и вырубился...

В отключке был недолго – дрова прогорели, печь погасла. В бараке стало холодно – как за стеной. Зажёг свечу, опять растопил печь. Одежда стоит колом – развесил по стенам на гвоздях. Снег в котелке растаял, достал сало с галетами, забросил в желудок пластилиновый комок, запил водой.

Но уже легче стало, ноги оттаяли, в животе приятная тяжесть...

Полночи кипятил и пил чай да лежал в спальнике – сон куда-то улетучился. Заснул лишь под утро.

Конечно, сейчас все детали и не вспомнишь. Молодые были: куда несло? Чего носило? Три дня месил снег и наледь ради пяти куропаток! (Трёх ещё подстрелил, возвращаясь домой.)

А возвращался! Руки и ноги ломило, уже пустой рюкзак был просто неподъёмным. А спальник я оставил в бараке – потом заберу.

Ну, а Орхар? Очень долго хихикал, когда я рассказывал о своих приключениях. Приятно всё же, когда у соседа кобыла дохнет!

Но всё-таки есть Бог на свете!

Недели две спустя на станции назрело какое-то очередное мероприятие, по-моему, что-то типа дня метеоролога. Я отказался участвовать – нужно было идти в барак за спальником. Ну, и последний раз в сезоне погулять по тайге – охота-то закончилась первого марта! Так что пошло чистый воды браконьерство!

И попылил...

А накануне у Орхара спрашиваю: «Мол, пойдёшь?» «Нет, – говорит, – буду в мероприятии!» Ну, на нет – и суда нет.

Пришёл в барак – сразу взялся за дрова. В прошлый поход весь запас сжёг! Свалил листовку сухостойную, пилю чурбаки. Печь растопил, котелок с водой – для чая, другой – для каши. Пилю себе, в печурку дрова подбрасываю. Солнышко к закату – темнеть стало. Вдруг слышу – характерный звук, так человек идёт на лыжах. Вдали появляется фигура Орхара. А надо сказать, что Орхар имел привычку носить сразу несколько шерстяных шапочек – в зависимости от окружающей температуры воздуха. Двадцать градусов мороза – две шапочки, тридцать – три, ну, при сорока – сами понимаете, голова становилась, похожа на то, что мы сегодня называем чупа-чупс. Но в те годы мы о таких произведениях кулинарного искусства, естественно, не ведали. Подруливает. А сам как-то боком стоит, и шапочки свои на лобешник натягивает. И весь в куржаке – от дыхания намёрзшего. Я так сразу и не заметил ничего.

Зашли в барак – тепло, свеча горит – светло! И еда, практически, готова. А с Орхара куржак сошёл и часть головных уборов он снял. Пригляделся я – да у него фингал под глазом! Да что там «под глазом» – в пол-лица!

– Орхар, – говорю, – что за дела?

– Да поскользнулся, упал...

Ну, упал – так упал.

Да. Значит, поели, чаю похлебали – во время зимних перемещений много воды теряешь, всё время пить хочется. Нанесли дров в барак – и на нары. Я занял место у стены, манатки под спальник, сам – внутрь, и лежу, кайфую! А Орхар – с краю на нарах, возле печи. Она раскалилась – Орхар начинает раздеваться. Прогорают дрова – в бараке становится холодно. Я молнию на спальнике – вжик! – и все дела. Бедолага Орхар крутится, вертится, а вставать, дров в печь подбросить – не хочет. И жмётся ко мне. А мне-то что в пуховом спальнике? Я в нём и на снегу спал. Правда, веток стланника вниз накидал. Наконец, Орхар замерзает настолько, что подскакивает и подбрасывает дрова в печь. Минут через десять становится жарко. Я молнию – вжик! – расстегнул. Эти «телодвижения» продолжались всю ночь: я двигал застёжку молнии туда-сюда, а Орхар вынужденно подбрасывал дрова в печь.

А утром, при нормальном свете, я рассмотрел его заплывшую моську... Впечатляющая картина.

А уж, когда вернулся домой, мне жена рассказала, что Орхар на мероприятии принял за столом лишку, кулаки зачесались – полез что-то выяснять у водителя. А тот мужчина солидный, долго не думал: тюк! – и готово. Орхар обиделся и убежал в тайгу. А что было дальше, вы уже знаете...

СНЕГОХОД «БУРАН»

Вся эта моя «История с географией» меркнет перед случаем, который спустя время произошёл с моим дружкой, можно сказать соратником, а точнее – сосарайником, Кольком. Дело в том, что мы с ним долгое время держали на две семьи теплицу – сарай с пристройкой. Отсюда и кликуха – «сосарайник».

Кроме того, что Колёк был искусный выпивоха, он страшно любил женщин, и что самое удивительное – те летели на Колька как мухи на ... мёд. За свою жизнь на Кольке Колёк трижды был женат, что подтверждено документально. А скольких женщин он просто любил – история об этом умалчивает.

*Наш Колёк уроженец Рубцовска,
Перебрался в чужие края.
Из удобной квартиры отцовской -
В Колыму, где помёрзла земля.*

*Занялся он бурением скважин,
Мерзлоту ковырял неспроста!
Тулиген, тулиген, дювиляже -
Тра-та-та, тра-та-та, тра-та-та.*

*Он, вниманием женским согретый,
Никогда и нигде не скулил.
Он блондинок любил и брюнеток,
А шатенок – он тоже любил.*

*Только солнце за сопками ляжет,
И к устам припадают уста!..*

В общем, заменив несколько слов в старой студенческой песенке, я изредка распевал её в узком кругу: уж очень в ней всё напоминало Колька!

Кроме выпивки и женщин, Колёк, конечно же, любил охоту. Не зря говорят: охота пуще неволи! Более того, одну зиму мы с ним охотились на том самом Заветном Ключе, на котором я искал зимовье по схеме, даденной мне Орхаром! Как потом выяснилось, промахнулся тогда всё-таки Орхар: зимовье стояло в следующем расширении долины. А я не дошёл до него километра четыре.

Была у Колька одна устойчивая манера – днём спать, а ночами бодрствовать. Это, собственно, и развело нас по углам после единственного сезона совместной охоты на пушную дичь: не состыковывались. И я со следующей зимы ушёл охотиться в распадок, где стоял зековский барак и охотился там до самого переезда в Магадан.

Но я отклонился от сути повествования.

Итак, сойдясь накоротке с начальником экспедиции НИИ, с которым пил спирт из треугольного уксусного флакона, Колёк какими-то правдами и неправдами ангажировал у него снегоход «Буран». Сначала у «Бурана» сломалось ветрозащитное стекло. Потом крякнула фара, приказало долго жить зажигание, где-то потерялся кожух, которым накрывался бензобак. Сам капроновый бензобак был побит в двух или трёх местах и было удивительно, как в нём может находиться горючка. И так, постепенно, «шаг за шагом» снегоход превратился в драндулет. Но, несмотря на свой неказистый вид, он ещё ездил.

Вот как-то в разгар зимы, как всегда, ближе к ужину, решил Колёк махнуть на Заветный Ключ, капканы проверить. Авось что-то попадётся! Позавтракал (или поужинал? Поди, разберись, когда время сдвинуто!) и тронул в путь. До зимовья на драндулете, даже с учётом всяческих задержек в пути и перевала – час езды, максимум.

Но не учёл Колек климатический фактор! Там, где в Ключ впадает ручей Шалашный, ежегодно дуется гигантская наледь. Иногда она остаётся до следующего года, иногда стаивает за лето. Весной выше наледи появляется озеро, в котором плещется хариус.

И надо ж так случиться, что именно в ту ночь, когда Колёк наострил драндулет, наледь набухла как никогда. На полной скорости, без фары, снегоход летел по наледи. И постепенно снег под ним начинает оседать, гусеницы молотят снежно-водяную кашу, мотор глохнет, и «Буран» оседает на дно. Над поверхностью наледи торчит руль и сам Колёк. Бутор был привязан к снегоходу, и Колёк сгоряча предпринял попытку что-то извлечь. Да без толку. Только промок до ... ну, скажем, чуть ниже пояса. Метров пятнадцать талалапался ещё в наледной жиже, пока не вышел на твёрдый след, оставленный «Бураном».

Вот тут Колёк и задумался – что делать? До зимовья – километров восемь, но по наледи. Её так просто не осилишь. К тому же без лыж с промокшими ногами – верная гибель. Возвращаться – тоже не подарок, километров восемнадцать плюс перевал... Зато – по следу от снегохода.

А ночь – в самом соку! Луна, правда, светит, но не очень. И до рассвета... А, собственно, что рассвет? Тепла, что ли, прибавит? Наоборот, самое холодное время суток – как раз перед рассветом.

И принял Колёк решение – всё-таки идти домой. Как далась ему эта дорога – одному Богу известно. Думается – тяжело, очень тяжело. Потому как, попав домой – долго не мог оклематься. Здорово поморозил пальцы на ногах и правую руку, которой пытался извлечь из наледи бутор.

Но история на этом не закончилась! Надо же как-то драндулет извлекать?

Сблатовал Колёк Орхара. Выклянчили они у кого-то из знакомых охотников (если мне память не изменяет – у Щурька) ещё один «Буран» и нарты к нему. Достали палатку четырёхместную, паяльные лампы, ломы, лопаты. Естественно – продуктов набрали и уже где-то в марте поехали вызывать средство передвижения.

...Над наледью торчал «буранов» руль. Мужики сначала выкайлили ледяной куб, внутри которого и был вморожен снегоход. Потом натянули над кубом палатку и паяльными лампами согнали большую часть льда. Потом каким-то чудом оторвали снегоход от наледи и погрузили его на нарты. Каких только подвигов не совершишь после того, как дров наломаешь! Ну, и где-то уже в апреле перевезли драндулет в посёлок и окончательно оттаяли его в тёплом гараже.

Но и это ещё не всё. Теперь надо, чтобы «Буран» заработал! Это Колёк оставил до лета, потом – до осени. А потом кое-какие более или менее пригодные остатки драндулета пошли на запчасти.

Всегда найдётся хорошая вещь, из которой можно сделать плохую!

Как Колёк потом разбирался с начальником экспедиции НИИ, и каким образом сам начальник, материально ответственное лицо, списывал со своего подотчёта средство передвижения – история и об этом умалчивает...

ПРОПАЖА

Ещё на Колыме Боярский вступил в КПСС – и очень этим гордился. Руководящие партийные работники из района доверили ему важный и ответственный пост – возглавить ДНД в посёлке, и мой дружок не замедлил втянуть в дружину всех своих знакомых, в том числе и меня. А что? В те времена за участие в дежурствах давали три дополнительных дня к отпуску, а это был стимул!

Порывами перестроечного ветра Боярского сдуло в родной город Одессу, где он сделался генсеком Захудалого Ликбеза. Откуда знаю? Да он как-то привёз толпу на практику, пробив у своего начальства командировочные и дорогу: себе, ещё одному преподу – Николаю и троим студентам. Уму непостижимо! Командировка на двадцать дней из Одессы на Колыму! А остановились они на метеостанции, что в шестнадцати километрах от посёлка и где Боярский одно время был начальником.

Что-то они там делали – искали, находили – не ведаю. Своих дел по горло, чтобы в чужие вникать! Но по вечерам собирались застолья, где Боярский и поведал бывшим своим коллегам о возвышении над прочим учёным народом. Полагаю, читатели помнят, когда и как КПСС-овская благодать прекратилась.

Однажды, уже к концу командировки, Боярский уговорил ребят пойти на рыбалку – за два перевала: там, некоторое время тому назад, они с Орхаром срубили зимовье. Народ собрался опытный, знающий тайгу. Но прихватили они с собой преподавателя Колю. Как оказалось – на свою беду.

«Горючки» самопальной набрали (какая ж рыбалка без выпивки!) – еле донесли до зимовья. А других веселящих напитков и не было: в те времена местные правители, дабы выпендриться перед вышестоящим начальством, объявили в посёлке зону трезвости и из единственного магазина изъяли весь алкоголь. Из магазина – да! Но не из продажи! Умельцы наловчились готовить злодейку на дому из карамели – и конфеты стали раскупаться ящиками. По умеренной цене пошла отпускатись столько,

сколько можно унести (или увезти) или сколько хватит наличности.

Пришли в зимовье, набрались – и спать завалились, мол, все хорошие дела начинаются с утра.

А утром преподаватель Коля, как выпивший меньше всех – проснулся раньше всех. Чего-то там выпил, в смысле холодного вчерашнего чаю, заел тем, что осталось, опять же, от вчерашнего стола и отправился в гордом одиночестве на рыбную ловлю – собственно, за этим и отправился в тайгу.

А погода – чудо! Начало августа, хариус так и прыгает на крючок!

Но главное дело-то в том, что Николай вообще первый раз в жизни попал на природу. Ну, городской он житель! И сразу попал на Колыму!

А Колыму не зря ведь назвали «чудом планеты»: днём солнышко ласковое, а ночью – может заморозок ударить. А то и вообще – снег повалит в разгар лета! Всяко бывает! Сковырнёшь мох – вот она, мерзлота вечная! И медведи косяками шастают – встреча с ними у безоружного человека приятных воспоминаний не оставляет.

То, что с собой нужно было взять нож, спицы, что-нибудь против комаров – не говоря уже об оружии – Николай не сообразил, а спросить было не у кого: рыбаки, или кто они там – ещё крепко спали. Будить не захотел, взял удочку и полиэтиленовый пакет под грядущий улов. Ну, и поймал десятка полтора харитонов.

А тут солнышко стало пригревать, комары – откуда ни возьмись! Да сколько их! Побрёл, бедолага, к зимовью, но найти его не может. Туда, сюда – всё без толку: все деревья одинаковые, все камни похожи друг на друга, все ручейки – тоже! А сопки – вообще все на одно лицо! Мрак и маразм в одном флаконе.

Сел Николай, пригорюнился. Стал грузилом свинцовым на плитках сланца писать товарищам записку, мол, пошёл туда-то и туда-то. На берегу ручья сложил кучу камней, «записку» укрепил сверху – чтобы было видно издаля. А поскольку ориентировку потерял, то двинул в противоположное от указанного в записке направление. А пока шёл, таких каменных куч сложил штук пять. Естественно, сколько куч, столько и записок получилось.

А тем временем, рыбачки в зимовье стали потихоньку приходить в сознание. И после завтрака (?) потянулись на рыбалку. Отсутствие Николая заметили только тогда, когда упёрлись носами в каменную пирамидку с укрепленной сверху каменной же запиской. Вскоре обнаружили вторую, третью... Заподозрили неладное. И уж

дойдя до пятой – протрезвели, но не окончательно, потому как вместо организации поисков по горячим следам решили организованно сваливать на станцию.

Вечерело – и рыбаки решили заночевать, а утром ни свет, ни заря – двинуть в обратный путь. Опять же: утро вечера, якобы, мудренее.

Сказано – сделано.

С утра потянулись в обратный путь через два перевала.

А Николай уже сутки бродит по тайге – незнакомой и от этого страшной.

Пришли на станцию.

– А где Николай?

– Так он, вроде, с Вами рыбачил?

Тут уж рыбаки не только протрезвели окончательно, но и струхнули по-настоящему. Как же, бросили неопытного товарища одного в тайге!

Собрались все мужики на станции – набралось аккуратно восемь человек – вместе со мной.

– Пойдём искать завтра с раннего утра по разным маршрутам! Чтобы найти пропавшего, будем кричать, стучать да постреливать в воздух!

На том и порешили.

Вышли со станции часа, наверное, в четыре утра.

А Николай, тем временем, уже почти двое суток в тайге – один-одинёшенек!

Ну, короче. С разных сторон пришли в зимовье. Коля так и ходил кругами вокруг него, но найти не смог. Голодный, искусанный комарами, злой как чёрт: натёр ноги непривычной обувкой – болотными сапогами... Питался сырой рыбой и голубицей. Спал на дереве – привязывал себя к стволу листовки ремнём: опасался медведей.

Но, слава Богу – живой! Двое с половиной суток в тайге без всего – тот ещё экстрим!

Колыма никогда никому не прощает ошибок...

Ну, а записки каменные незадачливые рыбаки разобрали на сувениры. Мне не досталось...

ФУНТ ДОЛЛАРОВ

После известных августовских событий 1991 года у меня сложилось впечатление, что моё горячо любимое начальство, грубо говоря, «забило кол» и на саму станцию, и на её работников. А как ещё объяснить регулярные многомесячные задержки зарплаты? Самое главное то, что за невыполнение работ «клизьмы» ставились с некторой, я бы сказал, злорадностью, а сроки постановок «клизьм» в соответствии с тру-

довым законодательством соблюдались неукоснительно. Клизьмы с механизмом ...

Но вдруг, когда работать уже почти было не с кем, на станцию прислали новых работников. Точнее – работника и работницу, мужа и жену: Ивана и Дарью Долларовых. Фамилия показалась мне ну очень странной. С чего бы у славян была такая фамилия? Что-то Иван пытался мне втолковывать, только я в этот самый толк так и не въехал. А про себя стал называть Ивана «Фунтом Долларов» или просто – «Фунтом». По аналогии с фунтом стерлингов.

Иван оказался парнем бойким, шустрым. Быстренько прибрал станционный карабин к рукам – конечно, не без моего согласия. Патроны к карабину появились – левые. Потом гляжу – и ружьё себе подпольное справил! Нож смастерил и, помоему, не расставался с ним даже в постели – таскал, где надо и не надо.

В беседах с Иваном немного прояснилась его предыдущая жизнь. Парнишка в своём колледже занимался ориентированием на местности – есть такой вид спорта. Не ходил – летал, как бабочка. С оружием знаком с детства – дед и отец брали его с собой на охоту на кабанов и косуль. Но, как и вся нынешняя молодёжь, очень любил прихвастнуть о своих спортивных и охотничьих подвигах. Как-то шли мы по тайге на наблюдения, а Фунт мне заправляет: мол, ориентирование, мол, компас жидкостный, мол, то да сё! Я говорю:

– Иван, ты какого года рождения?

– Ну, семьдесят второго.

– Вот я в этом семьдесят втором году был чемпионом Захудалого Ликбеза по твоему виду спорта!

В противоположность многим добрым молодцам, Иван не курил вообще никогда, да и спиртным баловался редко – дурел от него здорово. Эта дурь его впоследствии и погубила. Лучше бы он вообще не пил...

Но в работе и в её тонкостях Фунт разбирался, мягко говоря, слабовато. Несколько раз я ловил его на искажении данных, пытался что-то объяснить, но Иван всегда отбrehивался и находил кучу причин, чтобы не слушать. Все расчёты выполняла Дарья, его законная супруга.

К странной фамилии нужно добавить и странный вид этой супружеской пары. Он – невысокого роста, ниже среднего, худенький такой, как подросток четырнадцатилетний. А Дарья – дама, почтенная матрона, её с места просто так не сдвинешь. Дарья на полголовы выше мужа и как, говорят, – в три обхвата. Как-то рассказывала она, что за один присест может съесть трёхлитровый бутылёк помидоров

или огурцов маринованных, батон колбасы полуторакилограммовый и буханку хлеба. Ну, глядя на неё, я и не удивлялся: да, сможет! И ещё чего-нибудь – на десерт!

Заполучив таким образом оружие, Фунт без мяса не сидел. Правда, иной раз я балдел, глядя, как Дашка готовит жаркое из бельчатины, приглашая и меня отведать получившееся блюдо. Конечно, я всегда отказывался. Хотя один мой старинный колымский приятель уверял, что блюдо это – пальчики оближешь! Может быть, может быть... Едят же в Африке некоторые племена саранчу разную и прочих насекомых. А чукчи – копальхен считают верхом кулинарного изыска!

Как-то давным-давно после уборки из-под снега турнепса в подшефном совхозе мужички станционные настреляли куличков и закусывали – сырым мясом! – водочку. До сих пор перед глазами картинка – поглощение мяса свежестреленных куличков и струйки крови у дружков на подборах ...

Однажды, то ли в январе, то ли в феврале, мой старинный приятель Макс, ставший известным золотодобытчиком, грохнул волчицу. Макс вообще был прирождённым охотником. Ещё до всех этих перестроек он работал промысловиком: стрелял сохатых, ловил соболей. Много чего полезного я перенял у Макса. А, было дело, на ноябрьские праздники, когда Октябрьская революция ещё не считалась переворотом, Макс рассказывал мне, как он в дальнем зарубежье ходил по публичным домам ...

Так вот, грохнул Макс волчицу. Шкуру забрал себе, а тушу Фунт уволок домой. И что же? Изжарили и съели вдвоём с Дарьей! Бог им в помощь ...

Но с некоторых пор стал я замечать, что Фунт захаживает к фельдшерице местной. А фельдшерица – ну, роскошная женщина! Статная – ни убавить, ни добавить. Чисто русская красавица! Но ведь что-то нашла в замухрышке Фунтике? Мне это, как говорится, по барабану. Только вот Дарья стала жаловаться, мол, муж где-то пропадает. Говорит – что в тайге, а добычи из тайги не приносит. Ха-ха! Фельдшерица – тайга! Это теперь так называется?

В один прекрасный день даме Фунтикового сердца понадобилось зачем-то поехать в райцентр – и Фунт увязался следом. Четыре дня где-то отсутствовал – известно где! Но поскольку меня официально не предупредил – пришлось объявлять Ивану выговор за прогулы. Не люблю попусту щёлкать бичом, но и наглости не терплю.

...А тут как-то встретил я Василия Васильевича – Ваську, Вась-Вася! Общались с ним много лет тому назад, в первые дни моего пребывания на Колыме. Малый забивчал, но обещал бросить пить, если возьму на работу. Ну, взял – на свою голову! Поначалу-то вроде нормально работал, но пить не бросил. Встал замечать я – цепляется Вась-Вась к Фунтику. И мало того, что к Фунту, так полез Вась-Вась и к фельдшерице! То ли с ориентацией какие-то недоразумения, то ли разбоки непонятные стороннему глазу.

В общем, мотался-разматывался этот клубок с августа до самого Нового года, пока, наконец, приняв на грудь лишку спирта, не всадил Фунт свой самодельный охотничий нож в живот Вась-Васю по самую рукоятку. Спасло Вась-Васю от верной смерти только то, что под рукой оказался снегоход «Буря» заезжего охотника, и истекающего кровью Вась-Вася быстренько перевезли в посёлок, а там уже на «скорой» отправили в ближайшую трассовскую поликлинику.

Вась-Вась выжил. Но каким был дурнем, таким и остался.

Фунт за совершённое злодеяние получил три года – легко отделался. Если бы Вась-Вась, не приведи Господь, помер бы – труба дело, до сих пор сидел бы Иван на Талой – как миленький. После отсидки встречал его в Магадане, но дальнейшие его следы затерялись на «бескрайних просторах Колымы».

Дарья уехала на родину. Не знаю, развелась она с мужем или нет, только спустя время приезжала на Талую, на свиданку к мужу. Но Фунт отказался с ней встречаться.

Ну, а фельдшерица вдруг сошлась с моим старинным приятелем Максом и спустя положенное время родила мальчика. Однако Макс «юркнул в кусты», а фельдшерица перебралась к родителям. Кое-какое время я ещё узнавал, о её перемещениях (разведка доносила), но вскоре «агентурная сеть» развалилась, и фельдшерица окончательно исчезла из моего поля зрения ...

Иной раз всё так переплетётся, перемешается, что реальная жизнь может показаться вымыслом.

БАРИН

Пока я бороздил безбрежные просторы Тихого Океана под флагом военной гидрографии, Боярский поступил на заочную аспирантуру Захудалого Ликбеза – того самого, в котором некогда учился и сам Боярский, и я, и в котором много лет трудилась преподавателем матушка Боярского.

А с руководителем своей диссертации, Попрыгунько, Боярский шастал по научным экспедициям, организованным Ликбезом, начиная с восьмого класса. Попрыгунько в те времена сам был аспирантом.

В жизнь станции пребывание Боярского в аспирантуре не внесло никаких изменений. Вошكالся в свободное от работы время, усиленно что-то конструировал из обломков научных приборов, коих на станции валялось огромное количество, наверное, со времён образования станции – флаг ему в руки! Кто-то водку пьянствует, кто-то на охоту ходит, а кто-то... Однако спустя два года, усевшись в кресло Первого Лица, Боярский распушил хвост и растопырил пальцы – до безобразия. Перемена была столь явная и разительная, что к нему приклеилась кличка – «Барин». «...Вот придет Барин, Барин нас рассудит...»

Определённые перемены произошли и в работе станции. Подчинённые загружались выполнением внеплановых наблюдений, съёмки, измерений, а также составлением сводных таблиц и соответствующими камеральными расчётами. На первых порах всё это воспринималось нормально: почему бы и не помочь старшему товарищу? Мы были молоды, беспечны и беззаботны, чёрт возьми! Но в один прекрасный момент в стройных рядах коллектива наметился раскол, ибо Барин, то бишь Боярский, подводя месячные, квартальные и годовые итоги, стал производить «раздачу слонов» по принципу личной преданности трудящихся масс. Меня это задело, и внутренне я стал сопротивляться установкам и указаниям Барина. Но решилось всё в тот прекрасный момент, когда Первое Лицо тоном, не терпящим возражений, предложило мне затащить некое наблюдательное устройство невероятной конструкции и тяжести на перевал. Я отказался и, в свою очередь, предложил в качестве кандидатуры носильщика – Орхара.

Слово за слово, мы сцепились, и дело стало принимать нешуточный оборот. Прекрасно зная все тонкости станционных месячных и годовых планов работ, я стал отказываться выполнять что-либо, выходящее за рамки этих планов. Барин вызвал меня в свой кабинет.

– Ну, рассказывай!

– Послушай, радость моя, ты вызвал меня – я тебя слушаю внимательно!

– Так ты думаешь, все эти наблюдения и расчёты нужны лично мне?

– А ты что – за дурака меня держишь? Я, что ли, диссер клепаю?

Бог мой! Каких только рассуждений я не наслушался! И производственной дисциплине,

и об том, что приказ начальника – закон для подчинённых, и об его, Барина, ответственности перед этими самыми подчинёнными...

Слушал я молча, не перебивая и не вступая в спор, всё больше и больше убеждаясь в правильности своего выбора. Наша «беседа» привела лишь к тому, что я стал обращаться к Боярскому на «Вы» и по имени-отчеству.

Для защиты диссертации необходимо опубликовать несколько научных статей, по теме. И Захудалый Ликбез выпустил сборник статей, автором одной из которых был наш Барин. В ней описывался эксперимент, в котором участвовало несколько человек, в том числе и я. Все были перечислены поимённо с указанием занимаемых должностей, все – кроме меня. И спустя время этот сборник попал ко мне в руки.

– Арон Самуилович, объясните, пожалуйста, почему в публикации отсутствует моя фамилия?

– Ну, ты, блин, даёшь! В космическом конструкторском бюро тоже работает масса народа, однако бюро называется имени Королёва!

– В КБ имени Боярского я работать не планирую!

Сложно ходить на службу, чувствуя себя всё время под колпаком. Тем более что часть народонаселения приняла сторону Барина – в том числе и Орхар. Он таки заволок на перевал тот хренов прибор, от транспортировки которого я отказался. Орхар вообще стал правой рукой Боярского и однажды летом они срубили себе зимовьё в распадке за Двумя Перевалами. Орхар, будучи первоклассным охотником, практически сам добывал всю пушнину – «котов», как мы называли соболей. Делили её поровну, но лучшее отбирал Барин – дабы подмазать прохождение диссера без сучка и задоринки.

Итак, во многом благодаря многолетним усилиям работников станции, диссер Барина стал похож на конфетку: оборудование для проведения экспериментов и наблюдения на нём клепали мужики, составление и расчёт таблиц, а также рисунки – девочки. Барину осталось «добавить воды», соединить всё воедино и переплести пять экземпляров.

Но кому же он выразил благодарность в диссере? Сотрудникам кафедры научных экспериментов Ликбеза. О своих друзьях-соратниках, «станционных смотрителях», Барин не вспомнил...

КУБАКА – БИРКАЧАН – МАГАДАН